

Елена Марундик

Городок всемирного масштаба

г. Биробиджан
2018 г.

Е. Г. Марундик. Городок всемирного масштаба. Вступительная статья В.С. Гуревича

2018, – 264 с.

Города не боги строят – люди.

Города построены из судеб.

А. Драбкин

Еврейская молодежная сельскохозяйственная коммуна «Икор» появилась на территории будущей Еврейской автономной области уже весной 1928 года. Создали ее 12 самоотверженных парней, выпускников Курасовщинской сельскохозяйственной школы (Белоруссия), которые прибыли сюда в числе первых еврейских переселенцев. Все они были охвачены идеей строительства на Дальнем Востоке еврейской «страны» – Биро-Биджана. Судьбы коммунаров «Икора», просуществовавшего до 1934 года, невероятны, «таких людей сейчас нет», – говорит о них автор этой книги. Несмотря на то, что об «Икоре» ходит много легенд, в истории этой коммуны до сих пор много белых пятен. И до сих пор не была создана ее летопись. Елена Марундик – сама из семьи икоровца. Начав с истории своих родителей, она проделала огромную работу, разыскав родственников других коммунаров и записав их рассказы. Истории этих людей потрясают воображение...

Редактор издания В.С. Гуревич

Издано с использованием средств гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Марундик Е.Г.
ОО «Наследие Еврейской автономной области»
Газета «Биробиджанер штерн»

Предсловие

В зеркале общей судьбы

В отдаленные времена, около четырех с лишним тысяч лет назад, в странах Азии, примыкающих к Средиземноморью, господствовали народности, по своему происхождению и языку принадлежавшие к расе семитов. Из обширных степей Аравии племена семитов переселились в Месопотамию – «колыбель рода человеческого», затем – в Ханаан, или Палестину. После чего последовало продолжительное египетское рабство, Исход из Египта, сорокалетнее скитание по пустыне и создание царем Давидом, объединившим разрозненные племена, еврейского государства со столицей в Иерусалиме.

Царствования Давида и его сына Соломона способствовали экономическому расцвету Израиля. Однако завоевательные походы ассирийцев и вавилонян, римское завоевание и жестокое подавление нескольких иудейских восстаний в середине I тысячелетия н.э. привели к распаду древнееврейской этнической общности и образованию специфических диаспорных еврейских этнических групп, таких как ашкенази, говоривших на идише, и сефарды, чьим языком был еврейско-испанский, или ладино. При этом на уровне самосознания они всегда рассматривали себя как часть целого, народа Израиля.

Непостижимые исторические судьбы сложились таким образом, что с землей будущей России у еврейства установились глубокие и прочные связи еще 2000 лет тому назад, когда иудейство стало распространяться среди местного населения в греческих городах-колониях в Северном Причерноморье и Крыму, которые через несколько веков были включены в состав многонационального государства, раскинувшегося между

Волгой и Днепром, – Хазарского царства. Следует отметить, что до XVIII века в европейской части России евреев было немного. Только при Петре I, открывшем страну для иностранцев и сказавшем замечательную фразу: «По мне будь крещен или обрезан – едино, лишь будь добр человек и знай дело», началось проникновение евреев из соседней Польши в Россию.

К концу столетия польско-литовское государство вошло в полосу политического кризиса, из которого ему уже не суждено было выйти. В результате трех разделов Польши в конце XVIII века к Российской империи были присоединены территории Украины, Белоруссии и Литвы со значительным еврейским населением, а после присоединения в 1815 г. Царства Польского к Российской империи она стала государством с самым большим еврейским населением.

Пытаясь упорядочить социальную структуру российского общества, императрица Екатерина II не просто усложнила положение евреев, но и практически лишила их права проживания на большей части Российской империи, заключив в узких границах так называемой «черты еврейской оседлости», а на Дальнем Востоке и в Сибири им запрещалось не только селиться, но даже передвигаться в пределах 100-верстной пограничной полосы.

Понятно, что еврейская молодежь, по большей части образованная, была не готова к образу жизни своих патриархальных и нищих семей. Молодые люди пытались найти выход из замкнутого круга. Для одних это активное участие в революционной деятельности, для других – переселение из местечек и эмиграция, а для многих – то и другое сразу. Во всяком случае, идеи социализма нашли активную поддержку в еврейской среде, тем более что они очень близки к еврейской заповеди «тикун олам» – «улучшения мира». В итоге часть российских евреев вольно или невольно оказалась в эмиграции на территориях Польши, стран Прибалтики, а часть – в Аргентине, Америке, некоторых европейских странах и даже Африке и Австралии. Эмиграция дело не простое, не так легко было обосноваться в чужой стране. Но все-таки это был шанс выжить, не умереть от голода, устроить свою жизнь, помочь родным.

Революционные перемены в России дали евреям равные со всеми остальными народами политические и гражданские права. В марте 1917 года одним из первых постановлений Временного правительства было «Постановление об отмене вероисповедальных и национальных ограничений», которым были отменены «ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальностью...». Были аннулированы и 140 действовавших до этого «особых о евреях правил», в том числе такое одиозное, как процентная норма при приеме в учебные заведения и такое архаичное, как черта еврейской оседлости.

Евреи приветствовали революцию с огромным энтузиазмом и были полностью уверены, что все гонения и страдания закончились, что они встали на путь «от неволи к свободе, от темноты к великому свету». В большевиках евреи видели союзников в борьбе за эмансипацию и права человека. После революции оживившаяся культурная жизнь способствовала тому, что грамотная (в подавляющем большинстве) еврейская молодежь устремилась в высшие и средние учебные заведения. Неудивительно, что наиболее активная часть еврейства, и прежде всего молодежь, приняла самое активное участие в революции и последующем установлении советской власти, в общественной и политической жизни.

В годы Гражданской войны поддержка большевиков жителями еврейских местечек означала подчас единственный способ их физического выживания. Большевики, в свою очередь, построили свою политику на активизации реальной борьбы с организаторами еврейских погромов, чем сразу же снискали симпатии еврейского населения.

Но при этом политика первых послереволюционных лет подорвала основы еврейского традиционного экономического уклада. Уже в 1919 году было ликвидировано большинство существовавших прежде еврейских культурных и общественных организаций, запрещены почти все еврейские партии и независимая еврейская печать. Наряду с православными церквями ликвидировали и большинство синагог.

Особенно тяжело пришлось еврейским местечкам на Украине и Юго-Западе России, где от кровавых погромов, которые устраивали все участники Гражданской войны, были убиты, по разным данным, до 200

тысяч евреев, число пострадавших достигло 700 тысяч. Многие еврейские поселения были разорены или совершенно стерты с лица земли. Становилось ясно, что еврейское местечко не сумеет по-прежнему продолжить свое захудалое существование.

В послевоенные годы произошли колоссальные изменения в демографической и общественно-политической структуре еврейского населения. После распада Российской империи более миллиона трехсот тысяч евреев осталось на территориях вновь образовавшихся Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии, а также Польши, в состав которой была включена западная часть украинских и белорусских земель, где проживало немало бывших российских евреев.

Результатом первой переписи населения, проведенной в СССР в начале 1926 года, оказалось, что при общей численности в 147 млн человек в стране проживало 2,6 млн евреев.

В годы НЭПа началось развитие промышленности, которая по основным показателям стала постепенно приближаться к довоенному уровню. После проведения финансовой реформы сократилась инфляция, курс рубля стал более устойчивым. В стране отменили продовольственные карточки. Крестьяне в деревнях, освобожденные от продразверстки, засеивали дополнительные участки земли, разводили скот: в 1926 году валовая продукция земледелия и животноводства превысила довоенный уровень. Повышалось потребление мяса, молока и сахара в пищевом рационе населения, а потребление картофеля – основного продукта питания в годы войны – постепенно снижалось. Возобновили работу фабрики и заводы. Восстанавливался транспорт, строились автомобильные и железные дороги, взамен теплушек появились пассажирские вагоны, в городах заработали водопровод и канализация. Смертность уменьшалась, рождаемость увеличивалась – происходил естественный прирост населения.

Однако внедренная в жизнь новая экономическая политика большевиков, запретивших в период военного коммунизма частную торговлю, а в период НЭПа допускавших ее в ограниченных масштабах, крайне отрицательно отразилась на экономическом положении еврейского населения, традиционно занимавшегося торговлей и ремесленничеством.

Евреи попали в категорию лиц, ограниченных в гражданских правах, разоренных высокими налогами и лишенных возможности трудоустроиться и кормить семьи.

Об этом говорил на совещании ЦК ВКП(б) Шимон Диманштейн, возглавлявший Центральное бюро Евсекции РКП(б): *«От революции в большинстве своем евреи даже проиграли, а не выиграли... Еврейское население в местечках вымирает».*

Вполне отдавая себе отчет о бедственном положении евреев в Союзе, Кремль в первые же годы после Октября выдвинул программу «реконструкции социального состава еврейского населения СССР» и приступил к ее решению. В жестких рамках коммунистической идеологии подразумевалось активное приобщение еврейства к производительному (в первую очередь физическому) труду, способному *«исцелить от поразившего его в прошлом социального недуга буржуазности (массовое вовлечение в финансово-торговую сферу, мелкий бизнес и т.п.)».*

Идеалом такого труда для руководства коммунистической партии и было участие в крупном промышленном производстве, то есть осуществление так называемой пролетаризации массы еврейского мелкого мещанства, состоявшей из торговцев, ремесленников, кустарей, бывших служащих. Однако в связи с тем, что крупное промышленное производство после Гражданской войны было полностью парализовано, большие города задыхались от безработицы, единственным реальным способом «трудового перевоспитания» евреев стала переориентация части деклассированных еврейских масс на сельскохозяйственную деятельность.

Советское руководство приняло поистине революционное решение: «посадить евреев на землю». В аграрном труде, наряду с просвещением, оно, как и различные еврейские партии и движения – от сионистов и территориалистов до социалистов различного толка и коммунистов – видели панацею от всех национальных бед. Именно с этого времени земледелие становится центральным пунктом всей идейно-политической программы «на еврейской улице».

Наиболее решительным защитником идеи национального возрождения еврейства на путях сельскохозяйственной колонизации стал

М.И. Калинин, председатель Президиума ЦИК СССР. В своей речи на Первом съезде ОЗЕта 17 ноября 1926 года он формулировал эту мысль следующим образом: «Перед еврейским народом стоит большая проблема – сохранить свою национальность, а для этого нужно превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское земледельческое компактное население, измеряемое по крайней мере сотнями тысяч. Только при таких условиях еврейская масса может надеяться на дальнейшее существование своей национальности».

И эту работу партия большевиков и советское правительство вели в противовес сионизму – еврейскому национальному движению, ставящему своей целью объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине – в Палестине.

И. Сударский в своей книге «Биробиджан и Палестина», вышедшей в 1930 г., отмечал: «Для того, чтобы еврейские трудящиеся массы могли принимать участие в социалистическом строительстве страны, необходимо, чтобы они являлись производственным элементом. Деклассированные массы могут только явиться помехой, но не строителями социализма. Поэтому вопрос о привлечении этих масс к производительному труду является у нас не частным делом, а государственным. Если невозможно сейчас вести эту часть еврейства к социализму через индустрию, то нужно их вести через сельскохозяйственный труд, через сельскохозяйственную кооперацию и коллективизацию, вовлекая их в социалистическое строительство. Устройство еврейской бедноты на земле так же в интересах пролетарского государства, как и в интересах самой еврейской бедноты».

При Народном комиссариате по делам национальностей был основан Еврейский комиссариат, а затем для централизованного руководства мероприятиями по привлечению евреев к сельскому хозяйству и финансирования этих мероприятий в августе 1924 года при Президиуме Совета Национальностей СССР был образован Комитет по земельному обустройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ). Первый председатель Комитета Петр Смидович, имя которого носит Смидовичский район, заявил: «Экономическая политика советской власти зажимает и будет зажи-

мать традиционные источники дохода еврейского населения – частную торговлю, посредничество, ремесленный труд, поставив евреев «перед опасностью вырождения», а потому выход один: наделить землей беднейшие слои еврейского населения». Перед КОМЗЕтом ставилась задача за десять ближайших лет поселить на земле сто тысяч еврейских семей.

Для мобилизации общественного мнения, в первую очередь широких кругов зарубежного еврейства, на поддержку планов землеустройства советских евреев, сбор средств, осуществления пропагандистской работы в декабре того же года было создано Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ) во главе с председателем Юрием Лариным. В его правлении видные советские партийные и государственные деятели – председатель президиума ЦИК М. Калинин, наркомы Красин и Чичерин. Почетным членом общества становится Максим Горький. Среди активных членов Владимир Маяковский, написавший сценарий к фильму «Евреи на земле». Решение вопроса финансирования осуществлялось как за счет самих переселенцев, так и за счет привлечения средств от добровольной помощи. Если КОМЗЕТ был органом государственным, то ОЗЕТ провозглашался как добровольная общественная организация, единственная цель которой – организация еврейского земледелия. КОМЗЕТ и ОЗЕТ стали чем-то вроде «еврейского правительства» в СССР.

Подобные общества содействия еврейскому земледелию в Советском Союзе были созданы и за границей. Они обеспечивали разъяснительную работу и сбор денежных средств.

Создание комитетов превратило переселенчество в организованный процесс. Сначала были попытки при помощи американской еврейской агрономической корпорации «Агро-Джойнт» переселения евреев в Крым, в засушливые степные районы, освоение которых требовало огромных денежных средств. Деньги для этого нашлись у евреев за рубежом. Советское правительство сделало ставку на «национальные чувства еврейских капиталистов, которые... не могут спокойно спать, зная, что народ, родственник им по крови, страдает, мучается» и не ошиблось. Видимо, М. Калинин был прав: к 1929 г. общая сумма затрат

на землеустройство евреев в СССР составила 22,5 млн рублей, из которых 16,7 млн – помощь из-за рубежа.

Кроме Крыма для еврейского переселения выделялись небольшие участки земли в Белоруссии, но все это не снимало остроту вопроса. Требовалась достаточно большая, компактная и, что немаловажно, чтобы исключить проявление антисемитизма, незаселенная территория.

Очень скоро крымский проект из преимущественно экономического стал перерастать в политический. На землях Крыма и юга Украины, где проводилось землеустройство евреев, насчитывалось до 5 млн безземельных крестьян из числа коренного населения. На их глазах еврейские колонисты получали бесплатно земельные угодья, заграничную сельскохозяйственную технику, семена, породистый скот, тогда как самим крестьянам власти предлагали искать лучшую долю в обширных пространствах за Уралом. Не приходится удивляться, что весь этот переселенческий процесс сопровождался серьезными антисемитскими эксцессами. Кроме того, крымский проект встретил сильное противодействие как украинских коммунистов, так и руководства созданной в октябре 1921 г. Крымской автономной социалистической республики, ведущие позиции в которой заняли представители татарского населения. Они не желали создания рядом с татарской автономной республикой еще одной – еврейской, считали, что Москва игнорирует их интересы, что необходимо дать возможность вернуться на пустующие земли тем татарам, которые в XIX столетии массово эмигрировали в Турцию. Крымские татары нередко не пропускали и возвращали назад приходившие поезда с евреями. Стали даже громить еврейские поселения, что отражено в докладе ОГПУ высшему руководству страны.

Стало ясно, что свободные земли для еврейского переселения необходимо искать в малозаселенной азиатской части России, в частности – в Приамурье, где царское правительство, несмотря на принудительное переселение сюда забайкальских казаков во второй половине XIX века и крестьянское переселение в первое десятилетие XX века не обеспечило освоение этого края.

Серьезно заинтересовавшись «дальневосточным» вариантом еврейского переселения, правительство определяет гипотетический район будущей колонизации – Биро-Биджанский. Осуществление организованного

переселения евреев туда хотя и очень дорогое, но могло быть облегчено – по крымскому варианту – притоком значительных средств из-за границы.

«Решение еврейского вопроса именно на базе этой территории, – считает известный российский историк-исследователь Г. Костырченко, – представлялось руководству СССР оптимальным во всех отношениях. Во-первых, данный вариант давал реальную возможность евреям с чистого листа заняться на необжитой, но собственной земле национально-государственным обустройством и превратиться в перспективе в полноценную социалистическую нацию. Во-вторых, радикально решалась проблема трудоустройства десятков тысяч разорившихся и оказавшихся безработными вследствие свертывания НЭПа еврейских торговцев, кустарей и ремесленников, которые к тому же теперь могли быть использованы в решении важнейших экономических и военно-стратегических задач на отдаленной и неосвоенной территории, богатой залежами графита, золота, марганцевой и железной руд».

С увеличением за счет евреев численности этого малозаселенного и расположенного по соседству с Китаем района повышалась надежность охраны государственной границы, предупреждалось его заселение китайцами, на что указывал в своем докладе на заседании КОМЗЕТА в июле 1928 года заместитель председателя КОМЗЕТА А. Н. Мережин непосредственно после возвращения из поездки в Биро-Биджанский район. Он также подчеркивал необходимость колонизации района в течение ближайших 10–15 лет, чтобы не допустить заселения этих территорий китайцами. Благодаря присутствию евреев, мягко говоря, не симпатизировавших бывшим белогвардейцам, надежность границы только усиливалась.

Кроме того, при организации еврейской автономии в Приамурье большевикам не пришлось бы даже никого вытеснять, как это произошло в Крыму: местное население составляло лишь 32 тысячи человек на всю огромную территорию, выделенную правительством под еврейскую колонизацию.

Подтверждением этому служат слова известного публициста Исаака Сударского: «Биробиджан в настоящее время почти не заселен и на эту землю не имеется претендентов со стороны местного населения, это исключает возможность нежелательных национальных трений между старожилами и еврейским населением».

Так что же это за окраинный уголок Дальнего Востока, который оставался практически необжитым до 1907 г., когда туда прибыла первая крупная волна переселенцев, строителей первой грунтовой дороги под названием «Амурская колесуха»? Что это за территория, где советское правительство предлагает евреям образовать свою автономию? Позволяют ли климатические условия развивать здесь сельское хозяйство, есть ли достаточное количество сельскохозяйственных земель и разнообразных полезных ископаемых, на основе которых может развиваться аграрное производство и промышленность будущей автономии?

Следует отметить, что еще в 1925 году Бирско-Биджанский район был обследован экспедицией Дальневосточного земельного управления и признан пригодным для заселения. Под названием «Бирско-Тунгусский район» эта территория была включена в 10-летний план колонизации Дальневосточного края. Летом 1927 года под общим руководством академика-почвовед В. Р. Вильямса, убежденного сторонника «колонизации Дальнего Востока» путем переселения туда жителей европейской части России, лично участвовавшего в исследовании его колонизационных возможностей еще при царском режиме, в район была направлена экспедиция в составе ученых-агров, а также представителей ОЗЕТА и КОМЗЕТА. А возглавил экспедицию профессор Воронежского сельскохозяйственного института и старший агроном КОМЗЕТА Б. Л. Брук.

В задачу обследования Биро-Биджанского района входило прежде всего ознакомление с местным хозяйством: его организацией, направлением, размерами территории и капиталовложений, техникой, урожайностью и доходностью. Экспедиция должна была ответить, при каких условиях такая колонизация района может быть осуществлена с расчетом на прочный успех.

Проведя обследование района, комиссия отметила как плюсы, так и минусы обследованных территорий. Выводы и рекомендации экспе-

диции очень четкие. Район пригоден для освоения. В 1928 году необходимо проведение подготовки фондов и не раньше 1929 года – заселение. Специалисты предупреждали о недопустимости спешки, чтобы не погубить идею заселения с самого начала. Прежде чем отправлять переселенцев следовало подготовить дороги, технику, жилье.

28 марта 1928 года было принято историческое постановление Президиума ЦИК Союза СССР «О закреплении за КОМЗЕТОМ для нужд переселения трудящихся евреев Бирско-Биджанского района Дальневосточного края РСФСР», которым было решено закрепить за КОМЗЕТОМ для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободные земли в Приамурской полосе ДВК, включающие Бирско-Биджанский район. При этом из указанной площади исключались площади землепользования сторожского и казачьего населения, а также участки, занятые переселенцами или зачисленные за ними впредь до истечения законного срока.

Точные границы закрепленного района поручалось установить на месте крайисполкому Дальне-Восточного края и предоставить в правительственные органы на утверждение. Постановлением установлено, что при благоприятных результатах сплошного заселения следует иметь в виду возможность образования на территории указанного района еврейской национальной административно-территориальной единицы.

Этим постановлением союзного правительства было санкционировано начало массового переселения еврейского населения на приамурские земли. В считанные недели не существовавший до этого ни на одной карте «Биро-Биджан» стал достоянием еврейской и нееврейской общественности. Спустя три недели после принятия постановления ЦИК СССР, получив право на свободный проезд и небольшие карманные деньги, отправились строить социалистический Биро-Биджан первые переселенцы из Смоленска и Казани, Белоруссии.

28 апреля на станции Тихонькая их встречали представители специальной группы по приему первых переселенцев. Этот день впоследствии Законом Еврейской автономной области объявлен ее памятной датой.

Следует отметить, что к приему переселенцев всего через месяц после принятия постановления ЦИК СССР на месте готовы не были. Не успели, а точнее не начинали строить для переселенцев жилища, прокладывать дороги к тем пунктам, где предполагалось заложить первые точки. Еще не был разработан четкий план организации жизни и труда переселенцев.

К июню в Биро-Биджан из Витебска, Рогачева, Могилева, Минска, Харькова, Казани прибыло уже 650 человек. Первые переселенцы состояли преимущественно из кустарей-одиночек, людей без определенных профессий, чернорабочих, грузчиков, ломовиков, служащих, молодежи, окончившей педагогический техникум и сельскохозяйственную школу, и бывших мелких торговцев.

В соответствии с требованиями переселенческих органов, первые переселенцы еще в местах выхода объединялись в товарищества и коллективы. В Биро-Биджан переселенцы приезжали в основном уже организованными в сельскохозяйственные коллективы и даже коммуны, преимущественно мелкие – по 10-12, а нередко и по 5-6 человек.

Среди первых переселенцев, отправившихся строить «социалистический Биро-Биджан», была группа молодежи из Белоруссии, окончившей Курасовщинское сельскохозяйственное училище. Именно они и организовали коммуну «Икор», речь о которой пойдет в этой книге.

Движение евреев на Дальний Восток вызвало пристальное внимание не только в СССР, но и на Западе. Иностранные общественные организации оказывали активную помощь в переселении. Обращаем на это особое внимание, потому что помощь научная, кадровая, материальная была настолько велика, что можно назвать ее во многом определяющей в становлении Еврейской автономии.

Среди зарубежных еврейских организаций, активно содействовавших еврейской колонизации Приамурья, особо выделяется американская ИКОР – общество содействия еврейскому землеустройству в Советском Союзе. В ее честь и была названа молодежная еврейская коммуна в Биро-Биджане.

Создание ИКОРа было ответом радикально настроенных рабочих и мелкой буржуазии на работу ДЖОИНТа, организации, в которой тон задавали богатейшие представители еврейского населения. Вновь образованный ИКОР был не единственной организацией, спонсируемой коммунистами. Подобные были в Голландии, Бельгии, Дании, Швеции, Великобритании, Франции, Германии, Латвии, Литве, Аргентине, Бразилии, Австралии, Южной Африке и даже в Палестине.

В основе своей политики американский ИКОР определил четыре главных направления:

1. Помощь пионерам в еврейских национальных районах в Белоруссии, Крыму, Украине и после 1928 года в Биробиджане путем распространения информации и сбора денег. После 1933 года ИКОР также продвигал идею того, что Биробиджан – убежище и укрытие для европейских евреев от угрозы фашизма.

2. Привлечение симпатий евреев к Советскому Союзу, единственной стране в мире, которая, на их взгляд, установила крепкое экономическое основание для своего еврейского населения и почти уничтожила антисемитизм.

3. Помощь еврейским жертвам погромов, преследований и фашизма в различных капиталистических странах.

4. Убеждение евреев в том, что сионизм – это капиталистическая идеология, которая работает в союзе с настоящими врагами еврейского народа, поэтому еврейское поселение в Палестине – несправедливое.

Последняя цель была особенно очевидна в течение 1928–1933 годов.

Эти четыре главных направления создали идеологию организации и определяли основу различных кампаний, которые она проводила. В то же время с самого начала ИКОР настаивал на том, что он является внепартийной организацией, которая не занята «распространением какого-либо социального или экономического идеала. Он совершенно в стороне от всех партий и фракций, и стоит посередине между такими крайностями, как сионизм и коммунизм. ИКОР и не благотворительное общество, и не фонд пособий по безработице. Его цель

не предлагать пособие или давать временное облегчение нуждающимся, а помогать с помощью кредитов тем, кто пытается строить свое будущее на земле. На крепком экономическом фундаменте в Советской России.

Свою деятельность в Биро-Биджане американский ИКОР начал с того, что направил в 1928 году в этот район своего активиста, преподавателя университета из Лос-Анжелеса профессора-социолога Чарлза Кунца. После нескольких месяцев пребывания там и знакомства с руководителями и поселенцами он пришел к выводу, что места пригодны для широкого заселения.

Вскоре по совету Ч. Кунца была создана экспертная комиссия ИКОРа, возглавляемая президентом университета Юты Уильямом Харрисом, которая в 1929 году изучила условия ведения сельского хозяйства на территории, отведенной советским руководством для евреев на Дальнем Востоке, дала свое заключение о методах заселения Биро-Биджана. Читая доклад американской комиссии ИКОР по обследованию Биробиджана, удивляешься глубине и серьезности проведенных работ. Отчет содержит сведения о географии, местном населении, почвах, климате, естественных богатствах и возможностях их использования. Подробно описаны растительный и животный мир, полезные ископаемые, перспективы энергетики, промышленности, транспорта, торговли и сбыта и даже возможности создания курорта.

7 марта 1929 г. Совнарком СССР заключил с ИКОРом договор, согласно которому ИКОР по всем без исключения операциям освобожден от общегосударственных и местных налогов, сборов, в том числе от гербового, нотариального и рентного обложения. После заключения этого договора материальная помощь от ИКОРа, направленная в Биробиджан, пошла мощным потоком. Например, в журнале «Трибуна» (№15 за 1929 год) сообщалась такая информация: *«ИКОРом высланы в Биро-Биджан до 1 июля следующие машины: 6 грузовых автомобилей «Додж», 2 открытых пассажирских автомобиля «Шевроле», 5 тракторов «Интернационал», 5 плугов «Джон Дир», 2 дисковых плуга, 50 лемехов к плугам, запасные части к автомобилям, тракторам и плугам, 6*

мотоциклеток с каретками и запасными частями, 2 пишущие машинки и один киноаппарат для съемок».

Большая помощь ИКОРа заселению Биробиджана оценивается не только количеством затраченной на машины валюты, но и мобилизацией симпатий трудящихся Америки к социалистическому строительству в СССР, активизировавшейся после создания в 1930 году Биробиджанского национального района и последовавшего вскоре заявления Президиума ВЦИК РСФСР об ориентации на образование к концу 1933 года в границах Биробиджана Еврейской автономной административной единицы в составе Дальневосточного края.

Основной поток переселения из-за границы происходил в 1931-1932 гг. А. Мережин (в то время председатель КОМЗЕТА) в своей речи на II сессии ВЦИКа 20 декабря 1931 г. отмечал, что *«...мы имеем огромные симпатии заграничных трудящихся к СССР вообще и к Биробиджану в частности. Мы имеем большое влечение с их стороны в Биробиджан. Первые группы заграничных еврейских рабочих уже прибыли в Биробиджан. Этот момент также надо учитывать краю при разрешении некоторых вопросов снабжения, культуры и быта».*

Однако лучшим «агитатором» за переезд евреев в СССР стал разразившийся в 1929 г. в США и других капиталистических странах экономический кризис и последовавшая за ним Великая депрессия. Основным мотивом большинства переселенцев для переезда в Биробиджан был не идеологический, а, скорее, экономический. Многие сотни евреев, оказавшихся безработными, особенно из числа уроженцев России, увидели в переезде в Биробиджан шанс для спасения себя и своих близких. Существенным компонентом мотивации была также надежда на создание еврейского национально-государственного образования, о чем заявляли советские руководители. Вместе с тем немало было романтиков. Велик был энтузиазм этих людей и вера в «социалистический рай».

До середины 1931 г. в Биробиджан из-за границы приезжали только единичные переселенцы, в основном из Северной и Южной Америки. Затем началось массовое переселение, когда до конца года прибыло около 100 человек. В 1931-1932 гг. прибывшие в Биробиджан из-за гра-

ницы 1130 переселенцев составили 11% к общему количеству переселенцев, прибывших в Биро-Биджанский район. А всего из полутора десятков стран Европы и Америки строить социалистический Биробиджан приехало по разным источникам более двух тысяч переселенцев.

Как известно, принимались переселенцы из-за границы на довольно-таки сложных условиях. Все переселенцы должны были принять советское гражданство (или за границей, или в СССР). В Биробиджан они приезжали уже без иностранных паспортов и были обязаны отработать здесь не менее двух лет. Переселенцы должны были проходить тщательный отбор как в профессиональном (отбирались в первую очередь рабочие строительных специальностей), так и в социальном («не допускались эксплуатировавшие наемный труд, не близкие нам идеологически») отношении. В архивных документах отмечается, что большинство прибывших переселенцев из зарубежных стран «являются элементом пролетарским. Это квалифицированные, дисциплинированные, культурные рабочие. Значительная их часть участвовала в руководимых компартией забастовках, разных кампаниях, в революционном профессиональном движении и т.п.»..

Переселенцы привозили с собой достаточно обуви, белья, одежды и др., многие везли также и инструмент по своей специальности. Они предупреждались о жилищных, продовольственных, климатических и других трудностях.

Несмотря на то, что об этих условиях все предупреждались за границей, в документах встречаются сведения, что многие переселившиеся иностранцы жаловались на недостаточную информацию об условиях работы и быта в Биро-Биджане в местах выхода.

Основная масса переселившихся иностранцев распределялась по предприятиям и учреждениям г. Биробиджана. Другие направлялись на геологоразведочные работы, на Лондоковский известковый завод, Тунгусский деревообрабатывающий комбинат, Биро-Сутарские рудники и другие предприятия по району. В справке Биробиджанского представительства ОЗЕТ от 13 декабря 1932 г. сообщалось, что «в Биробиджане находятся 1100 иностранных рабочих и специалистов. Из них: рабочих и членов их семей – 1025 чел., специалистов и иждивенцев – 75 чел.».

По плану на 1933 г. предполагалось завезти из-за границы в Биро-Биджанский район 8000 рабочих и специалистов с семьями.

Но уже вскоре происходит значительный отток иностранных переселенцев. Основные причины отъезда переселенцев из-за границы – затруднения в снабжении хлебом и другими продуктами питания, плохие условия жилья, неправильное использование труда переселенцев. Административными органами в свою очередь делается вывод в том, что «большой отсев иностранцев-переселенцев вызван определенной засоренностью социально-чуждыми и политически враждебными элементами вследствие неорганизованности отбора, исключительными трудностями, характерными для того периода переселенческой работы в Биробиджане, и в значительной части того, что районные организации не провели необходимых подготовительных работ к приему и устройству переселенцев».

Не на должном уровне обстояло обеспечение продуктами питания и жильем, причем это касалось не только иностранцев, но и всей массы переселенцев.

Интерес исследователей истории области вызывает состоявшая в Биробиджане 5-6 февраля 1933 г. Первая (и, как оказалось, последняя) конференция еврейских переселенцев из капиталистических стран, приехавших на Дальний Восток строить социалистическую Еврейскую автономию. Конференция проходила под лозунгом: «Иностранные переселенцы, теснее и энергичнее включайтесь в социалистическое строительство Биробиджана – часть социалистического строительства всей страны!». Естественно, что в ее работе приняли участие и выступали с информацией и предложениями о совершенствовании работы и представители коммуны «Икор».

Эта молодежная сельскохозяйственная коммуна осуществляла свою деятельность после организованного переезда в 1929 г. из района Бирского опытного поля в Смидовичском районе.

Здесь, на берегу реки Тунгуски, в 9 км от Волочаевки и 40 км от Хабаровска, где обосновалась коммуна «Икор», было решено построить образцовый агроиндустриальный Социалистический городок. Вдохновителем проекта «Соцгородок» стал известный уже нам Чарлз Кунц.

«Начиная с 1931 года для реализации этой цели, – пишет в журнале «Трибуна» М. Кац, – он не только организует доставку предоставляемого организацией ИКОР оборудования по заказу коммунаров, проезд специалистов, принимающих непосредственное участие в строительстве».

В чем сущность проекта Кунца? Прежде всего, резко отрицательное отношение к практикуемой кустарно-крестьянской, как называет ее профессор Кунц, форме колонизации, при которой невозможно рационально использовать сложные машины и осуществлять разделение, специализацию и интенсификацию труда. Первые тракторы и машины для Биробиджана прибыли туда почти одновременно с первыми же переселенцами. Но наиболее рациональное применение их возможно лишь в достаточно крупном хозяйстве. Такой колонизационной единицей, по мнению профессора Кунца, может и должно быть поселение в 1000 семейств (5000 душ, из коих, примерно, 2000 трудоспособных). Само собой, это уже будет не деревня, а, скорее, поселение городского типа, город-сад со значительной сельскохозяйственной базой. Ч. Кунц спланировал количество рабочих, необходимое для обслуживания и производства продуктов для всего населения городка по отраслям, предусмотрел необходимые вложения для построения такого городка. По расчетам Ч. Кунца, «для производства зерна для 5000 душ нашего поселения, с учетом производства зерна для скота и птицы, площадей под сено и силос, огородов необходима площадь в 5600 га. Такая площадь земли, при условии механизации и надлежащей специализации работников, главным образом, трактористов, может быть полностью обслужена группой в 75 человек, причем уже принята в учет вероятная необходимость производства мелиоративных и корчевальных работ, что должно быть выполнено той же группой».

Отдельная группа работников выделяется и специализируется на огородных работах. Для удовлетворения потребностей поселения в овощах, исходя из расчета 1 га на 5 семей, понадобится около 200 га, для обработки коих понадобится специальная группа в 70 человек».

Выделяются специализированные группы работников и для других отраслей хозяйства: молочное дело – 20 человек на 200 коров, птицеводство – 5 человек на 5000 яйценоских птиц, пчеловодство – 5 человек

на 200 ульев, мукомольная мельница – 5 человек, мясное производство – 5 человек на 600 голов скота, свиней и овец, портняжно-сапожное дело – 50 человек, технический отдел (мастерские, силовая станция, строительство колодцев) – 50 человек, дорожные работы – 50 человек, строительство (из расчета, что при специально оборудованном лесопильном и кирпичном заводах эта группа в течение одного года построит как необходимые общественные здания, так и 500 двухквартирных домов для всех 1000 семей поселка) и, наконец, 50 человек обслуживающего персонала, в том числе и культурных и медицинских работников. «Таким образом, при занятости 2000 работников еще 1400 остаются свободными. Занятость этих работников будет зависеть от условий местности, где данный поселок расположен. Например, зерноводство, добыча полезных ископаемых, лесоразработки, производство строительных материалов, мебели и т.д.».

Таким видел Чарлз Кунц будущий социалистический городок, таким его начали строить иностранные рабочие переселенцы. В 1936 году Чарлз Кунц, подводя итоги, напишет: *«ИКОР, вспоминается, переориентировал свою деятельность в направлении Биро-Биджана сразу же, как только тот вошел в планы еврейской колонизации. Был лозунг «Помоги американизировать!», т.е. механизировать работу в Биро-Биджане. Соответственно, помощь ИКОРа была существенна и приходила в самое нужное время. Грузовики и гусеничные трактора, посланные туда в 1928, помогли в ситуации, вызванной наводнением в том году. Благодаря той первой помощи из 600 колонистов больше трехсот остались, чтобы сформировать крепкое ядро первых поселенцев. Более того, эти машины стимулировали интерес механизмами у молодежи и, вообще, воодушевили. Позднее эти трактора сформировали основной состав первой МТС в Биро-Биджане. Экскаваторы до сих пор строят дороги, деревообрабатывающее оборудование дало начало фабрике стройматериалов, которая сейчас расширилась и продолжает свою полезную работу. Металлообрабаты-*

вающее оборудование использовалось индивидуально, но сейчас формируется начало производства, чтобы быть реорганизованными в соответствии с Инструкцией. Проект Соцгородка, который по причинам местных условий был временно прекращен, должен быть восстановлен, а его деревообрабатывающее оборудование использовано в отрасли стройматериалов, как и было первоначально запланировано. Одним словом, с несколькими исключениями, все механизмы, посланные в Биро-Биджан ИКОРом, использовались с выгодой. Неудивительно, что ИКОР снижал известность как братская организация не только для Биро-Биджана, не только для евреев, но и для нееврейских рабочих масс, входящих в ОЗЕТ».

Подтверждением слов Кунца служит статья С. М. Диманштейна «ЕАО – детище Октябрьской революции»: «С тех пор, как мы начали работать в Биробиджане (1928 г.), ИКОР переключился на обслуживание этого района. Им была организована тогда весьма авторитетная экспедиция, серьезно обследовавшая район и выпустившая за границей солидный труд о Биробиджане. За эти годы ИКОР переслал нам больше чем на четверть миллиона долларов машин и инструментов. В Биробиджане тогда появились первые автомобили, мотоциклы и тракторы, экскаваторы, которые стали поднимать девственную почву, связывать разрозненные пункты района и т.д. ИКОР прислал детали стандартных домов, машины для электростанции, оборудование для фабрики мебели, компрессоры, множество разных пил и других инструментов, огородный трактор, электрическую прачечную, медикаменты, медицинские инструменты и многое другое....

Организации содействия ОЗЕТу за границей помогали нам и людьми, квалифицированными рабочими, в которых нуждались в Биробиджане. Были присланы агрономы, инженеры, техники и другие специалисты».

Справедливым будет отметить, что поставку оборудования в Биробиджан осуществляли также аргентинский ПРОКОР, Бразильский Комитет помощи еврейским переселенцам в СССР, Германское общество содействия еврейскому землеустройству в СССР и другие иностранные организации.

Уже упомянутый ранее «Агро-Джойнт» также делает попытку перенести свои усилия на помощь новому еврейскому образованию. Специальная комиссия побывала в Биробиджане, участвовала в исследовании территории и пришла к выводу о пригодности района для переселения. Председатель «Джойнта» Феликс Варбург пожертвовал 1 млн долларов на землеустройство евреев в СССР. Было заключено соглашение с КОМЗЕТом на поставку техники через порт Владивостока. Позже, в связи с начавшимся в Германии антисемитизмом и гонением на евреев, «Джойнт» добился разрешения СССР на переезд из Германии нескольких групп евреев. Руководство «Джойнта» вело переговоры с М. Калининным по поводу размещения европейских евреев в Биробиджане и пообещало содействовать в субсидировании проекта. Осуществление этих планов могло бы спасти значительную часть евреев Европы, в том числе Германии и Австрии. Но планы «Джойнта» остались только планами. Основной причиной тому были идеологические разногласия сторон. В Иерусалимском государственном архиве хранится удивительный документ, подтверждающий это. Копия личного письма председателя облисполкома И. Либерберга первому секретарю обкома ВКП(б) Хавкину. В нем говорится: «В адрес нашего правительства поступил ряд предложений от зарубежных организаций о переселении евреев из-за границы в нашу область и об их участии в строительстве ЕАО. Из этих предложений наиболее солидный проект выдвинула известная американская буржуазно-филантропическая организация «Агро-Джойнт, директор которой (д-р Розен) был, кстати, в Биробиджане и Хабаровске». В этом проекте шла речь о товарном займе на 50 млн долларов на строительство ЕАО, и одобрение он получил у самого Рузвельта, с которым Розен встречался лично. Далее в письме говорится, что речь идет о займе на срок до 10 лет, в дополнение

к уже существовавшему. Вне зависимости от решения советского правительства «Агро-Джойнт» готов внести безвозвратные вложения в ЕАО на 1935-1936 годы в размере одного миллиона долларов – при условии, что часть переселенцев будет принята из-за границы. Окончательное решение этого вопроса зависело от указаний Л. М. Кагановича.

Примерно к этому же времени относится докладная записка Либерберга и председателя плановой комиссии Столова по вопросу о переселении в ЕАО трудящихся евреев из-за границы. В документе говорится о том, что *«переселение еврейских трудящихся в ЕАО из-за границы Облисполком ЕАО считает вполне целесообразным. Проведенный в этом направлении опыт 1932 года показал, что переселенцы-иностранцы – при условии соответствующего отбора – являются ценным человеческим материалом, который включается в производственную жизнь области и полностью советизируется»*. Далее следует краткий анализ причин большого отсева поселенцев в прошлом, задачи на будущее по финансированию, строительству, по критериям отбора переселенцев и план приема в 1935 году 565, на 1936 – год 3855 человек.

Стоит отметить, что уже в 1935-1936 годах переселение евреев из-за границы оговорили очень жесткими условиями. К ранее определенным условиям добавились необходимость отработать в пределах Еврейской автономной области не менее 3 лет. Переселяющиеся в СССР должны иметь при себе 200 долларов. Гражданство предоставлялось только трудящимся иностранцам, прежде проживавшим на территории бывшей Российской империи и способным к тяжелой физической работе и только после проверки соответствующими органами НКВД. При этом квоты въезда все уменьшались. В 1936-1937 гг. было заявлено, что Биробиджан сумеет принять не более 150–200 семей иностранцев, из которых 10 направляется в «Икор». Но и эти цифры остались в строках плана. Для сравнения: на 1 июля 1932 года только в коммуну «Икор» прибыло 276 человек. В докладной записке от 1936 года в адрес переселенческого отдела НКВД представитель Облисполкома ЕАО при Президиуме ВЦИК Канторович указывает, что планы по переселению иностранцев не под-

креплены материальными обоснованиями. В дальнейшем падение интереса Сталина к Еврейской автономной области привели к тому, что и со стороны федеральных органов не стало уделяться должного внимания развитию региона, не осуществлялось необходимое финансирование проектов.

В 1937 г. ответственность за переселение евреев на Дальний Восток легла на Комиссариат внутренних дел. Это происходило в период кульминации репрессий, которые глубоко воздействовали на Биробиджан. Этот год вошел в народ как период «ежовщины» и оставил недобрый след, став нарицательным. Было уничтожено практически все руководство области. КОМЗЕТ и ОЗЕТ были разгромлены как «шпионские гнезда», а деятельность «Агро-Джойнта», спонсировавшего переселение иностранцев на территорию СССР, в Советском Союзе была запрещена. Все «евсекции», «евкомы» и прочие еврейские организации были также запрещены, а их руководители и работники объявлены «врагами народа» и почти все уничтожены. Массовые репрессии затронули и большинство приехавших из-за рубежа переселенцев, в том числе почти всех коммунаров.

С 1938 года переселение даже советских граждан в ЕАО стало практически невозможным. Обострилась международная обстановка на Дальнем Востоке. А советско-японский вооруженный конфликт вообще перечеркнул планы организованного переселения на Дальний Восток. Несмотря на то, что в планах на 1939 год было намечено переселение в область 250 еврейских семей, никто из них туда так и не приехал. Въезд в ЕАО и выезд были разрешены только по пропускам. Неоднократные обращения руководителей области с просьбами возобновить переселение евреев в область натыкались на молчаливый отказ. В апреле 1940 г. первый секретарь обкома ВКП(б) Г.Н. Сухарев в записке на имя Маленкова бил тревогу по поводу того, что идет непрерывный процесс снижения доли еврейского населения, еврейские школы не укомплектованы учениками. Сухарев предлагал «в ближайшие два года» направить в ЕАО 30-40 тыс. евреев из западных областей Украины и Белоруссии. Однако этим грандиозным планам не суждено было сбыться.

Валерий Гуревич

От автора

Чтобы помнили...

О коммуне «Икор», основанной в 1928 году на территории будущей Еврейской автономной области, когда-то было известно всему миру. Сейчас о ней мало знают даже там, где она находилась. Село Камышовка и поселок Соцгородок, что в Смидовичском районе ЕАО, – немногие расскажут сегодня о том, какой ценой далось освоение этих мест, какие человеческие драмы разыгрывались здесь, какой, без преувеличения, героический повседневный труд, стойкость и преданность делу требовались от первых поселенцев.

Вот о них, самых первых строителях нового еврейского дома на Дальнем Востоке, основателях области и пойдет здесь речь. Им, тем, чьи имена нельзя предать забвению, посвящается эта книга.

В настоящее время опубликованы достаточно серьезные исследования о том, как и почему евреям выделили для заселения земли Бирско-Биджанского района и что из этого получилось. Мне же хочется, чтобы читатели услышали голоса людей, живших в те времена, строивших коммуну, узнали об их мечтах и судьбах. Поэтому в книге я постаралась собрать свидетельства их современников и воспоминания самих коммунаров и членов их семей.

Эта книга – коллективный труд многих людей. Идея собрать воспоминания бывших икоровцев и объединить их под одной обложкой принадлежит редактору газеты «Биробиджанер штерн» Елене Сарашевской. Она помогла и в переводе некоторых материалов с языка идиш. Проект бы не удался без активной помощи Валерия Гуревича, заведующего лабораторией истории еврейской культуры и еврейского миграционного движения ИКАРП ДВО РАН, руководителя общественной организации «Историческое и культурное наследие ЕАО». Именно на сайте nasledie-eao.ru, редактором которого является Валерий Соломонович, были найдены многие материалы, вошедшие в книгу. Благодаря усилиям Гуревича были изысканы средства для ее издания, а также для установки памятного знака на месте первого дома, воздвигнутого еврейскими

переселенцами в Соцгородке. При поддержке Валерия Соломоновича были созданы экспозиции, посвященные первостроителям коммуны, в музейно-выставочном центре имени В. Клипеля (Смидовичский район, руководитель Т.В. Томашевич).

Большую бескорыстную помощь оказал проекту бывший биробиджанец, а ныне житель Нью-Йорка, страстный пропагандист идишской культуры и языка идиш Николай Бородулин («The Workmen's Circle», Director for Yiddish Programming, NY).

В книге использованы многие материалы, опубликованные биографом Ж.А. Ковалю, кандидатом технических наук, преподавателем Юрием Александровичем Лебедевым. Он же оказал помощь своими замечаниями и советами.

Я благодарю детей, внуков, правнуков первых поселенцев коммуны, живущих ныне в России, Израиле, США, за их воспоминания, огромное терпение и соучастие, за предоставленные документы и фотографии из семейных архивов. Благодарю прежде всего моих родителей Григория Израилевича (благословенна его память) и Туню Шмульевну Пензур, воспоминания которых легли в основу этой книги; Захара Мойшевича Бондаря, старейшину нашей семьи за его архив и семейную историю; Исаака Ильича Блехермана и его сестру Геню Ильиничну Борисову; Людмилу Славовну Соловьеву, Риту Самуиловну Рознатовскую и ее брата Сергея Самуиловича Герзона; Люсю Аароновну Литевскую; Геню Ефимовну Шрубчик, ее дочь Елену Ефимовну, Аллу Матвеевну Алексееву; Аллу Владимировну Баукину, Дию Виноград; Юрия Львовича Слезкина – профессора Исторического факультета Калифорнийского университета в Беркли (США), директора Института славянских, восточноевропейских и евразийских исследований этого университета. Особая благодарность Марине Владленовне Ереминой и Елене Владленовне Ерошенко – внукам председателя «Икора» Иосифа Форера – за работу в Государственном архиве Израиля, помощь в переводе с английского языка, за предоставленную возможность познакомиться с документами из архивов Биробиджана и Коми, письмами личного характера.

Я очень признательна Татьяне Петренко, оказавшей большую помощь в написании главы «Соседи», Алексею Николаевичу Зайцеву, учи-

телю школы с. Волочаевка и руководителю школьного музея за предоставленные материалы об истории заселения Смидовичского района и о Г. Балаганском. Спасибо Лилии Израйлевне Лисовской за ее воспоминания, богатый архив и помощь, Леониду Фляту за помощь в поиске материалов о М. Гольдштейне.

Большая благодарность нынешним жителям Соцгородка и Камышовки У.С. Гурской, Л.С. Горшковой, Ш.Х. Клейман, Е.Е. Бусловской, А. Кулишу, И.Г. Вильской, семьям Липовецких, Фурман, Нечаевых, Шкатрут, Солонец, Лядновых и многим другим, здесь не названным, за воспоминания и фотографии, за интерес к теме и помощь, за все то, без чего эта книга не могла появиться.

Елена Марундик

Коммуна «Икор»

Вернемся в Советский Союз 1928 года.

Несмотря на то, что Биро-Биджан еще не был готов к приему переселенцев, уже в апреле первые группы из Украины и Белоруссии отправились в путь. Компания очень разношерстная. Молодежь, воодушевленная постановлением ЦИК и мощной пропагандистской кампанией, желающая помочь Советской власти, ехала, несомненно, добровольно. Беднота, бегущая от голода и безработицы, – те, кому нечего было терять в родных местечках, получали при вербовке подъемные и устремлялись в новые земли с надеждой на лучшую долю. Несмотря на трудности, некоторые поселенцы, имея финансовую помощь и работу, не только устраивались сами, но и помогали выживать семьям, оставшимся в местечках, отправляя им посылки и деньги. Среди переселенцев была также известная доля авантюристов и любопытствующих, которые чаще всего и не собирались работать на земле. Есть свидетельства того, что были такие, кому вручили комсомольские путевки, не спрашивая их согласия и не оставив выбора. Тот же Ларин указывал на *«нездоровую шумиху, какая была поднята вокруг Биробиджана... Оставить невыполненным наряд на Биробиджан казалось многим недопустимым, так как заселение его было понято чуть не как национальная обязанность советских евреев. Священной самоцелью сделалось обязательное заселение Биробиджана, кем бы то ни было»*.

В результате на станции Тихонькой происходит скопление неустroенных переселенцев. В бараках, предназначенных для проживания переселенцев не более трех суток, застревают на 2-3 месяца, потому что выехать невозможно из-за отсутствия дорог. Да и ехать некуда. В. Финк, говоря о нищете, беспомощном положении переселенцев, отмечает: «Они приехали с намерением работать на земле, но не могли добраться до земли».

Признавая все эти трудности, тем не менее, в 1932 году ЦИК предписал усилить поток евреев-переселенцев в Биробиджанский район. К 1933 году предполагалось переселить 50 тысяч человек. Но все расче-

ты были построены на песке. В 1932 году из прибывших 9 тысяч переселенцев осталось 3 тысячи, в 1933-м отток превысил прибыль (данные из сборника «Книга о русском еврействе»). Там же отмечается, что единственной коммуной, выдержавшей испытания 1928-1929 гг., была небольшая молодежная коммуна «Икор».

Герои нашего рассказа – 12 молодых мечтателей, романтиков, выпускников сельскохозяйственной школы под Гомелем, детей крестьян, которые объединились в коммуны и отправились строить новую жизнь. Коммуна получила название «Икор» – в честь американской еврейской организации «ИКОР», оказывавшей помощь переселенцам. Именно этим ребятам посвящена строчка в газетном отчете: «Среди переселенцев ...

Коммунары «Икора». 1928г. Фото из фондов Российского этнографического музея.

ученики школы крестьянской молодежи в Курасовщине». Не удалось восстановить имена всех первых коммунаров, но некоторые из них сохранились. Среди организаторов – Абрам Манделевич Бялый, Наум Моисеевич Фридман, коммунары Шлейфер, Балак, Соркин, председатель коммуны Шапиро. По пути к коммунарам присоединился Давид Абрамович Рогинский. 18 апреля 1928 года 12 курсантов и двое сельскохозяйственных рабочих школы отправились в далекий путь и уже 13 мая они были на станции Тихонькой. Год коммуна проработала

на Бирском опытном поле, на участке Степном, что возле Амурзета, а весной 1929 года им предложили перебраться на освободившееся Дежневское опытное поле (в 9 километрах от станции Волочаевка и 40 километрах от Хабаровска).

Без энтузиазма восприняли икоровцы это предложение. Хозяйство в «Степном», в строительство которого они вложили столько сил, было дорого коммунарам. И все же они направили двух парней, чтобы те

осмотрели новое место. Участок им понравился. Земля здесь была хорошая. Километрах в пяти отсюда текла река Тунгуска, богатая рыбой, в 25 километрах – Амур. Решили переезжать. Вот с конца апреля – начала мая 1929 года и ведет отсчет село Икор, переименованное в 1939 году в честь XVIII партсъезда, а в 1962-м – в Камышовку.

Здесь коммунары начинали не на пустом месте. Во времена царизма на этом участке находился так называемый племенной рассадник, который в 1915 году превратили в ферму, где содержались лошади, коровы, свиньи. Животных выращивали для военных нужд, под генеральским сапогом работало несколько десятков батраков. На заброшенном опытном поле (где как напоминание о научных наблюдениях остался флюгер, показывавший направление ветра) увидели парни старый колодец, два дома, конюшню, коровник, свинарник, птичник, склад и баню.

В 1929 году в коммуны насчитывается 25 человек, кто-то отселялся, но прибыли новые коммунары. Коммунар Вихнин – председатель. В 1929 году приехали еще несколько выпускников агрошколы. Среди них в списке переселенцев из Минска значились Борис Меерович Альтшуль (19 лет), Моисей Янкелевич Горелик (18 лет), Фаня Ароновна Кац (20 лет, Фаина Ароновна Жмаева), Лейба Нохимович Зубер (18 лет), ставший в коммуны трактористом. Из Минска же – Маня Ботвинник (Мария Натановна Лившиц), присоединились девушки из ближайшей Дежневки. Встречаются фамилии Трюк, Аксельрод, Левин, Сельский, Подгорный, Вендеров. Весной 1930 года из Саратова приехали Коган, Яша Рубин. Тракторист Шифрин позже стал представителем районного переселенческого управления. В 1931 году из Украинского Гайсина приехала выпускница еврейского медучилища. Вероятно, это была Сара Браверман.

В 1933 году в коммуны председательствует М. Школьник, переселенец 1928 года из Днепропетровска, где работал ломовым извозчиком. В первое время он работал в Валдгейме, а впоследствии заведовал переселенческим управлением в Биробиджане.

Сохранению коммуны в тяжелейших условиях способствовал невероятный энтузиазм молодежи. Так, например, несмотря на все трудности, члены коммуны «Икор» реализовали на 2250 рублей (на 50% боль-

ше задания) облигаций займа «Пятилетка в четыре года». 50% стоимости облигаций коммунары внесли досрочно.

С 1931 года в ее состав вливается первая группа – 80 человек из-за рубежа. В ней переселенцы из Аргентины и Германии. Под руководством профессора Кунца, специально для этого выехавшего в Биробиджан, начинается международный проект «Икор- Соцгородок», о котором речь пойдет позже. С одной стороны, вливание людей и больших материальных средств поддерживает коммуну, с другой – появление новых лидеров вызывает конкуренцию, разногласия, костяк первых коммунаров начинает разъезжаться. Одни уезжают на учебу, другие переходят на руководящую работу в районе. Попытка объединения коммуны с соседним украинским колхозом не приносит желаемых результатов, этот «союз» вскоре распался.

В 1932– 1933 годах коммуна переживает тяжелейший кризис. В 1934 году в Биробиджан приехал известный американский еврейский журналист Б. Ц. Гольдберг.

«Положение коммуны «Икор» к этому времени было таково, что Биробиджанская администрация всячески пыталась не допустить поездки Гольдберга в «Икор» и уступила лишь после того, как Гольдберг заявил, что ему по возвращении в Америку невозможно будет объяснить, почему он, побывав Биробиджане, не посетил «Икор». Гольдберг нашел «Икор» в очень тяжелом состоянии. Коммуна состояла в это время уже почти из одних бывших американско-еврейских социалистов и сохранялась, в сущности, лишь благодаря их высокому общественному идеализму».

(«Книга о русском еврействе», 1917–1967, Союз русских евреев, Нью-Йорк, 1968 г., под редакцией Я.Г. Фрумкина, Г.Я. Аронсона, А.А. Гольденвейзера, статья Шварца «Биробиджан».)

В 1934 году коммуна «Икор-Соцгородок» распалась, практически все коммунары перебрались в «Икор», а позже объединились в один колхоз с соседней Даниловкой. Но это была уже другая история.

О том, как все начиналось, стоит узнать из первых уст. Благо, нам дана такая возможность.

К агитационной компании за освоение Биробиджана подключились многие известные писатели и журналисты. Некоторые из них приезжали на длительный срок, а кто-то даже на постоянное жительство. Поэтому нам в наследство досталось много документального материала, среди которого – книги, газетные статьи и фотографии.

Одним из документов-свидетельств стала книга Леона Тальми «На целине. Экспедиция ИКОРа в Биро-Биджан», вышедшая в Нью-Йорке в 1931 году. Отрывок из нее, переведенный Е. Сарашевской, дает нам возможность взглянуть на коммуну и коммунаров глазами членов комиссии, которую возглавлял почвовед профессор Ф. Гаррис. В составе прибывших экспертов была целая группа профессоров американских университетов: почвовед К. Солс, специалист в области механизации сельского хозяйства Д. Девидсон и сам Чарльз Кунц. Членами экспедиции были также активисты ИКОРа эмигранты Эли (Илья) Ватенберг и Леон Тальми (Лейзер Тальминский).

Коммуна «Икор»

Отрывок из книги Л. Тальми «На целине»

Мы заранее решили, что первым же делом побываем в коммуне «Икор», которая находится недалеко от железнодорожной линии у станции Волочаевка – первой остановки на пути из Хабаровска. Но когда утром первого августа мы вышли из вагона, выяснилось, что товарищ, который должен был сообщить в коммуну о прибытии нашей экспедиции, из-за дождя задержался на вокзале.

Стали решать, как добраться до коммуны. Долго думать не пришлось – нам снова помог случай: на дороге показалась упряжка из двух лошадей, которая двигалась по направлению к станции. Паренек-возничий объяснил, что едет как раз из коммуны. Он был очень удивлен, увидев нас. Там, в коммуне, конечно, уже знали, что мы должны приехать, но думали, что о нашем визите их предупредят заранее. Да, он, конечно, готов отвезти нас туда, но на телегу могут сесть не более четырех, максимум пяти человек. Что же делать?

Коротко посоветовавшись, мы решили, что поедут пятеро из нас – про-

фессор Девидсон, профессор Кунц, товарищ Ватенберг, Ноах Лондон и я. Остальные – профессор Гаррис, профессор Солс и Биньямин Браун – должны пока остаться и заняться исследованием территории вокруг станции. А мы, прибыв на место, отправим за ними лошадей.

Выехали около девяти утра. Было свежо, а небо сплошь затянуто. По этим признакам трудно было сказать, что предвещает погода: ясный солнечный день или ненастье и ливень. Но это уже мало что значило, так как ночной дождь – кровный брат тех дождей, что лили здесь почти ежедневно в течение всей предыдущей недели, оставил после себя богатое «наследство»: дорога превратилась в болото, по которому наши лошади телепались добрых два с половиной часа.

Ехать предстояло девять с половиной километров. Из них три километра – по «главной» дороге Волочаевки: длинной улице с низенькими деревянными домами, стоящими поодаль друг от друга и отделенными один от другого грядами картофеля, капусты, бобов, подсолнухов, кукурузы и т.д.

Мы осматривали дома и огороды – насколько позволял обзор с телеги и покуда это было возможно. Выехав же за село, вынуждены были сосредоточить внимание на самой дороге, так как из-за густой растительности по обочинам ничего не было видно. Ноах Лондон, по профессии дорожный инженер, начал вслух перечислять достоинства и недостатки дороги (недостатков было значительно больше) и объяснять, как нужно было ее строить правильно.

Тем временем закончился спор между погодой и непогодой – начался дождь. Мы надели плащи и поехали дальше. И вот тогда-то мы впервые познакомились с биробиджанским гнусом. Из-под кустов сначала по одному, а затем целыми роями на нас устремились комары. Поприветствовав нас веселым жужжанием, они тут же пустились в ход свои

колющие инструменты. Вскоре появились другие представители мелких крылатых насекомых – так называемая мошка, которая роилась вокруг нас тучами, и приходилось все время отмахиваться от нее.

Чтобы быть точным, необходимо отметить, что гнус активно атаковал только тех из нас, кто сидел на телеге слева, лицом к той обочине дороги, где кусты росли гуще. Те же, кто сидел лицом к железной дороге, даже не поняли, почему мы все время машем руками.

Меньше всего беспокоился о комарах парень-коммунар, наш возничий. Поскольку мы говорили между собой на английском языке, он что-то тихонько напевал. Когда в нашем разговоре возникла пауза, он завел разговор на идише с теми из нас, кто понимал этот язык. Пожаловался, что дождь, который льет здесь уже две недели, сильно помешал работе коммунаров.

Около одиннадцати часов показались дома коммуны, а еще через полчаса мы въехали во двор. Очевидно, из-за дождя, на улице не было ни души. Вскоре к нам вышли несколько парней, которые как-то неуверенно поздоровались с нами и пригласили войти в первый дом. Через некоторое время там собралось человек десять, и мы разговорились о коммуне.

Двенадцать коммунаров приехали в Биро-Биджан в прошлом году вместе с первыми переселенцами. Устроились сначала в Бирофельде, построили там дом, коровник и приобрели дюжину коров. Сюда, на новое место, они перебрались в этом году, в начале весны. Прежде здесь находилась Дежневская опытная и метеорологическая станция. Сейчас оборудование станции перевезли в Бирофельд, а постройки с землей (площадью более двух тысяч гектаров) передали коммуне. Всего здесь имеется восемь построек: два жилых дома, конюшня, коровник и при нем молочная лаборатория, кухня и столовая, гараж, зернохранилище, кузня, свинарник и баня.

Парни скоро привыкли к нашему присутствию, и скованность в общении исчезла. Настроение у коммунаров, в отличие от того, что нам рассказывали об «Икоре» в Хабаровске, было хорошее. Несмотря на неудачный опыт (когда часть посевов пшеницы и овса, а также заготовленное сено были уничтожены наводнением), ребята были полны решимости и надежд.

Обложка книги Леона Тальми «На целине. Экспедиция ИКОРа в Биро-Биджан», вышедшей в Нью-Йорке в 1931 году.

Мы переждали дождь и отправились осматривать икоровские владения. В двух жилых домах насчитали больше двадцати комнат, в которых можно спокойно разместить 45 человек. Парни рассчитывают, что через год число коммунаров подойдет к этой цифре. Обстановка в комнатах очень простая: грубо сколоченные деревянные кровати, по паре стульев на комнату, в каждой – столик, на котором лежат книги, «Штерн», «Ройтэ вэлт» и другие газеты и журналы. В некоторых комнатах есть умывальники. Стены побелены, но известка во многих местах осыпалась, отчего комнаты производят впечатление заброшенности.

Из конюшни доносилось ржание лошадей – их в коммуне семь. Пользуясь моментом, мы попросили тов. Вихнина, председателя коммуны, послать пять лошадей за Гаррисом и остальными членами комиссии.

Комиссия в коммуне. (Фото экспедиции ученых и специалистов из США под руководством Франклина Гаррисона – известного американского агронома, президента университета Браэм Ионг. 1929 год. Из фондов библиотеки Конгресса США.)

Затем мы разделились: Девидсон, я и сопровождавший нас коммунары двинулись в восточном направлении – осматривать поля. Пшеница здесь выглядела гораздо лучше и здоровее, чем на полях по дороге в коммуну. Парень объяснил нам почему: здесь и место повыше, и есть канава, в которую стекают талые и ливневые воды.

После мы отправились в коровник. Коммунары, которых мы там встретили, дали нам полную информацию. В икоровском стаде 33 коровы и бычок. Коровы дают 135 кварт молока в день. Из него вырабатывают здесь 20 кварт сметаны, которую

поставляют в Хабаровск. «Худое» молоко идет на стол коммунарам. Из кислого молока делают сыр или поят им шестерых ухоженных поросят.

В гараже мы обнаружили «Клетрак», который явно немало потрудился за свою короткую жизнь. Сиденье было сильно потерто, по состоянию колес и цепей можно было судить, сколько болот преодолел

трактор и сколько вспахал земли. Рядом стояли два четырехрядных плуга «Джон Дир», сеялка, молотилка и другое сельхозоборудование. По оценке профессора Девидсона, коммуна в этом смысле неплохо обеспечена. Парень, который нас сопровождал, пожаловался, что трактор они получили слишком поздно, а дисковую борону к нему – еще позже, и это помешало им вспахать больше земли.

В свинарнике свиней не было (их временно разместили в коровнике, отгородив для них угол), зато мы увидели инвентарь для человодства. Например, медогонку (в коммуне 17 ульев).

На кухне мы познакомились с девушкой, которая была занята приготовлением обеда. По правде говоря, в кухне этой не было ничего кроме печи – большой русской каменной печи. Она, печка то есть, стены и балки были сплошь облеплены мухами – простыми домашними мухами, которые собрались сюда, кажется, со всех окрестностей. Стен, собственно, не было видно – сплошная черная движущая масса. Девушка – босая, с искусанными ногами и пенсне на носу – имела интеллигентную внешность, что никак не вязалось ни с этой русской печкой, ни с мухами на стенах. Она объяснила, что находится здесь несколько месяцев и что раньше, дома, работала «по письменной части». Здесь ей нравится.

Девушка сказала, что коммунары, конечно, ждали нас, но не знали, что мы приедем сегодня. Когда мы сообщили, что сегодня же собираемся уехать, она недовольно буркнула: «Тоже мне гости...».

Девидсон тем временем раздобыл лопату. Мы с ним вышли и выкопали ямки в земле в нескольких местах – он хотел понять характер по-

Коммунары с лошадьми. (Фото экспедиции ученых и специалистов из США под руководством Франклина Гаррисона – известного американского агронома, президента университета Браэм Ионг. 1929 год. Из фондов библиотеки Конгресса США.)

чвы. Выяснилось, что верхний слой (на полфута) состоит из чернозема. Второй слой (полтора фута в глубину) – густая глина. Под ней – глина светло-зеленого цвета, более сухая и рыхлая. По мнению Девидсона, из-за глинистой подпочвы здесь следует провести дренажные работы, чтобы сделать землю пригодной для сельского хозяйства. Коммунар сказал нам, что в релке, примерно в километре от коммунарской усадьбы, подпочва песчаная, и там растет очень хорошо. Кунц и Лондон, которые прогулялись к релке, это позже подтвердили.

Около трех часов мы все собрались в столовой, где девушка с кухни потчевала нас обедом – ухой, белым сыром, молоком и черным хлебом.

После обеда мы подошли к воротам коммуны, где встретили группу парней. Они рассказали о взаимоотношениях с соседями. Ближайшее от коммуны село – Дежневка. Там находится сейчас коллектив украинских переселенцев. Они дружат с коммунарами, ребята часто ходят в гости друг к другу, отмечают вместе праздники. Один из парней с восторгом рассказал, что недавно ездил в Тихонькую и видел там экскаваторы, которые прислала организация «ИКОР». Он детально описал операции, которые выполняет эта машина, – как она копает землю, как поднимает полный ковш, как она сама движется и вращается на поворотной платформе. «Замечательная машина! Интересная машина!» – подытожил он.

Парни расспросили нас об ИКОРе, о работе экспедиции и о перспективах. Один из них пожаловался: «Целый год работали мы в Бирофельде, изучали там почву, климат, а сейчас – мы здесь, а здесь мы ничего не знаем». «Да, надо теперь заново учиться, – подключается второй, – и никто нам не может ничего подсказать. Все пробуем сами. Иногда получается, иногда – нет».

Мы должны были возвращаться на станцию. Тепло попрощавшись с коммунарами, мы отправились в обратный путь. Вскоре увидели, как навстречу нам движется целая кавалькада. Это были Гаррис и другие члены комиссии – теперь был их черед побывать в коммуне.

(Перевод с идиша Елены Сарашевской.)

В 1932 году в Минском книжном издательстве вышла в свет книга

А. Лейбмана, посвященная коммуне «Икор», ее первым шагам, труду и быту коммунаров. Сейчас это библиографическая редкость, но, к счастью, она сохранилась в национальной библиотеке Иерусалима и переведена с идиша на русский язык Е. Сарашевской. Сведений о ее авторе, к сожалению, найти не удалось. Перевод книги был опубликован в газете «Биробиджанер штерн», на сайте газеты, а также на сайте nasledie-eao.ru

Перекликается с книгой А. Лейбмана и рассказ В. Финка «Рыба-фиш» из книги «Евреи в тайге». Виктор Григорьевич Финк (1888–1973) писатель с интересной судьбой. Родился и начал образование в Одессе, продолжил в Париже, где его и застала Первая мировая война. Был записан в Иностранный легион, незадолго до революции вернулся в Россию. Известен как автор романа эпохи мировой войны «Иностранный легион» и очерков о жизни евреев в Крыму и Биробиджане. Его книги сегодня – бесценные свидетельства ушедшей эпохи.

Рыба-фиш

Отрывок книги В. Финка «Евреи в тайге»

Хаим-Мордко Пинтель уверял, что евреев вообще уже нет, остались только бывшие евреи. Пчеловод из-под Хабаровска придерживался совсем иных взглядов.

В вагоне между Тихонькой и Волочаевкой, за перегородкой кто-то неторопливо гудел архиерейским басом: «Вот вы говорите евреи... А никогда вам евреи не сварят стерляжью уху как следует». Говоривший откусил с треском кусок сахара и, прихлебывая чай, продолжал: «Я вам как пчеловод скажу... Стерляжью уху надо варить как? Надобно наловить ершей, отварить из тех ершей уху, и чтоб на медленном огне, чтоб хорошо уварилась. А потом, когда разварятся ерши окончательно, – тогда их д-долой, уху отцедить через тряпочку, а в этой, в ершовой ухе только тогда и варить стерлядь».

Бас говорил медленно, с расстановкой, очень наставительно. Можно было даже сидя за стенкой представить его жесты. Выдержав паузу, он воскликнул: «Ну, а теперь взять евреев... Я, боже упаси, не антисемит. Но евреи!.. Ну подумайте сами! Евреи – это рыба-фиш. Им щуку подай, да потяжелее, да закатай в нее перцу побольше, да нафаршируй ее...». В го-

лосе было пренебрежение, но, правда, снисходительное. Бас даже спохватился: «Грешно сказать, – ведь и щука по-еврейски т-то-о-оже бывает, знаете, зн-наменитая. Иная тебе евреечка так щуку заправит, что, конечно, пальцы оближешь... Но это где, это – на Украине!». Бас опустил до полушепота, но тотчас опять повысил голос. «А в наших местах – это вам не Украина. Здесь рыбу-фиш и не жди. Здесь...здесь...». Он подыскивал слова. Нашел.

«Здесь евреям придется круто... Куда им со здешней жизнью управиться? Это я вам как пчеловод скажу».

Собеседник баса, доселе молчавший, сказал жидким тенорком: «Они, евреи, до щуки мастера, потому что щуку – сходил на базар и купил. А здесь тебе в Биробиджане на базар не сходишь и рыбы не купишь. Либо сам налови, либо так сиди... А уж наловить...»

Последней фразы он не закончил. И так понятно, что ловить рыбу в диких таежных реках – не еврейское дело. Тенор высказался далее в том смысле, что никогда евреи как племя слабое не удержатся в Биробиджане. Пчеловод, густо кашляя, соглашался с этим взглядом.

Разговор происходил в вагоне поезда, шедшего в Хабаровск. Я слушал его внимательно. Меня всегда интересует, что думают пчеловоды о разных сторонах еврейской жизни. Но мне надо было сойти на станции Волочаевка – я ехал в еврейскую коммуну «Икор».

На вокзале почти никого не было. Стояли двое железнодорожников и с ними молодой мордастый казак, рослый, крепкий. Одет он был в ладную поддевку, а из-под шапки-кубанки, выбиваясь на самое ухо, висел клоч тяжелых и лихих кудрей. Я рассчитывал, что на станции будет кто-нибудь из «Икора».

– А вот ведь он из «Икора»! – воскликнул железнодорожник, указывая на мордастого казака!

Мордастый действительно был из коммуны «Икор», еврейский парень из-под Минска. Он приехал в Биро-

Обложка книги Виктора Финка «Евреи в тайге», написанной в 1930 году по следам поездки в Биробиджан. Сборник издан в 1932 году издательством «Федерация».

биджан в мае прошлого года и провел здесь первый и самый мучительный период колонизации, когда разбегались все, а оставались только фанатики. Он остался, перенес дожди, наводнение, гнус, падеж скота, морозы, развал, деморализацию и склоки. И вот у него налились щеки здоровьем, которое можно взять руками, и над ухом раскачиваются кудри.

Коммуна «Икор» состоит из 16 молодых парней. Все они приехали из Белоруссии, из жалких местечек, в которых люди в течение ряда поколений промышляли нищетой. Если бы не революция, эти парни, пожалуй, все сидели бы в ешиботах и зубрили казуистику Талмуда: «На огне стоял горшок из-под молока, и в горшке кипятилась вода, и горшок лопнул, и вода выбежала и подмочила другой горшок, в котором варят мясную пищу. Спрашивается, можно ли продолжать варить в нем мясо или его кошерность нарушилась и горшок не годится, потому что произошло смешение мясного с молочным?»

Поколения толкователей изнуряли себя над такими вопросами «Раби Цалель держался взгляда, прямо противоположного взгляду раби Гилеля». Давно умерли великие талмудисты, но над их наследством все еще немало корпит еврейское юношество Польши и Румынии. Да и отцы икоровских юношей, голодные бедняки, которых царская Россия держала вне труда, вероятно, все поголовно имели схоластический геморрой и безнадежные грыжи от тяжелой средневековой мудрости.

Парень подбадривал лошадку кнутом, а на топких местах обращался к ней с крепким словом. Рядом с нами бежали рельсы, и поезд просвистел, грохоча на великий Запад. Позади, чуть в стороне от дороги, на вершине одинокой сопки стоит здание причудливой архитектуры, а на крыше – громадная каменная фигура красноармейца с винтовкой.

– Говорят, здесь, ух, какие бои были в двадцатом году, – сказал парень. – А это памятник... Здесь им наши показали...

Я уже знал, что Волочаевская сопка скрывает братскую могилу красноармейцев, погибших в одном из самых решительных боев с белыми. За Дальний Восток шли большие торги. Революция заплатила за него дорого. Враги давали еще дороже. В 1920 году, десять лет тому назад, моему комхознику было лет 8-9. Он не понимал еще ничего. А в ту октябрьскую

ночь в 1917 году ему было лет 5-6. Он носил штаны с распором спереди и с распором сзади, и из обоих распоров торчали флаги сомнительно – белого цвета. Росло мясо для Меньшикова – «еврейские мальчики с флагами».

Парень – член правления коммуны. Он рассказал мне кое-что о ее делах. Икоровцы, как приехали в Биробиджан все вместе, в мае 1928 года, по первому зову ОЗЕТа, так и до сих пор держатся все вместе. Раньше они жили на Степном, а в апреле этого года их перебросили сюда, на Волочаевку. Здесь было отделение опытной станции, но оно ликвидировалось. Остались постройки и две тысячи гектаров земли.

«Но биробиджанские тысячи гектаров знаете, что такое?»

В Биробиджане лежит около четырех миллионов гектаров. Специалисты клянутся, что каждый клочок земли здесь сулит благоденствие тому, кто возьмется за него с умом. Но людей с умом Биробиджан ожидает от самого сотворения мира, а пока что терпеливо мокнут болота и угрюмо гудит тайга.

– Мы получили две тысячи гектаров земли. Из них распаханых, да и то запущенных, было тридцать три. Мы еще подняли семнадцать гектаров целины. Вот и засеяли пятьдесят. Больше не успели. Поздно нас сюда перебросили.

– Ну, и что? Плохо?

– Зачем плохо? – возразил парень. – Мы живем хорошо. Жить здесь можно. Вот приезжайте в будущем году, посмотрите, что тут будет твориться.

Мы ехали лесостепью – пейзаж однообразный и типичный для этого района Биробиджана. Была осень. Трава скошена. Тянется равнина, похожая на небритую бороду, и больше ничего. А там, вдалеке, лесок... На дороге показалось стадо коров. Их гнали двое парней в высоких сапожищах, с котомочками за спинами.

– Во! Это наши, – сказал возница, – завхоз и секретарь. Это они в Хабаровск подались, там завтра открывается съезд колхозов, заодно и коров продадут».

Я не очень люблю слышать, что вот, мол, переселенец продает корову. Увы, колонизация Биробиджана ведется с такими ошибками и упущениями, что это случается чаще, чем надо, и никогда не бывает хо-

рошей приметой. Мы поравнялись с погонщиками стада и остановились познакомиться.

«Коров этих мы решили продать кооперации на убой. А себе купим более удобных. Когда подбираешь стадо, надо выровнять породу».

Парни – завхоз и секретарь – стояли по колено в грязи, широко расставив ноги и улыбаясь. Кожаные куртки были на них распахнуты и сорочки тоже. У завхоза грудь была раскрыта. Она была здоровенная, обветренная и широкая, как плита. Парни простовато улыбались, рассматривая мой фотографический аппаратик и бинокль. Это были крестьяне, мужики, самые обыкновенные мужики, только с еврейскими носами. В них было что-то неуклюжее, и что-то неуловимое придавало им несколько комический вид. Может быть, котомки с харчами, которые на конце палок были переброшены через плечи, а может, и то, что, стоя по колено в грязи, они и не замечали этого, увлекшись фотоаппаратом. Выглянуло солнце, оно улыбнулось парням в глаза, перебежало к рыжим коровам и устроилось в перелеске, где пурпуром играли заросли дикого винограда и калины.

– Бувайте здоровы!

Шестнадцать местечковых парней получили 7,5 тысяч рублей обычной переселенческой ссуды и 6,5 тысяч рублей кредита от сельского банка Дальнего Востока. Получили в конце апреля, успели немного вспахать, засеять и организовать молочную ферму. Но хозяйственная неудача этого года была катастрофической.

«Понимаете, сеять надо было на релках, а мы сеяли в низине. А летом дожди ударили, как из ружья. Два года подряд дожди идут небывалые, и низины затоплены. А мы как раз там и сеяли. Пшеницы пять гектаров вымокло, овса – девять, гречихи – пять, сои – полгектара, огород вымок весь. Сено вымокло – две тысячи пудов».

Мне стало тоскливо от этого перечисления. Все вымокло! Что тут подделаешь с таким «еврейским счастьем»? За разговорами мы подъехали к самой коммуне. Это несколько деревянных построек, раскиданных с российской бесшабашностью на громадной площадке. Равнина здесь, как на тарелке. Пастух, сдавив ногами бока высоченной пегой лошади, гонял стадо к коровнику. А коровы, мыча и степенно взбираясь по мост-

кам в коровник, шли доиться. Это были те самые коровы, благодаря которым в этом году, когда все посеы так глупо вымокли, продержалось хозяйство коммуны.

Коммуна сдает Дальсельхозу сливки, получая за литр сливок стоимость семи литров молока. Но тут начинается игра ума.

«Не смотрите, что коровы малорослые. Зато молочные. На пять литров молока дают литр сливок. Кроме того, из молока вырабатывается творог – часть идет нам на стол, а часть на продажу. Остается еще и сыворотка. Она идет на корм свиньям».

Икоровцы купили у соседа-крестьянина несколько молочных поросят. Стали кормить их обратом да сывороткой. И теперь поросята, которые попали в еврейскую коммуны,

в два раза больше, чем их братцы, оставшиеся у крестьянина. Те живут по российскому обычаю: хозяин кормит их помоями, а под Рождество зарежет. Одних пропьет, другими закусит. А минские еврейские ребята готовят беконных экспортных свиней, ценный товар, за который рассчитывают получить сельскохозяйственную машину.

Я помогал перетаскивать ведра с обратом. Теплый запах вырвался из кухни, прошел через коровник и сразу ударил в носы тучному, мясистому, розовому племени йоркширов, которое уже нетерпеливо возилось у двери. С визгом и гомоном бросились они к нам. Боров, почтенный

крутой йоркшир, тяжело мотая розовым рылом, все норовил захватить пойло вне очереди, да побольше.

«Это наша чистая прибыль, эти свиньи, – сказал кто-то из парней и добавил, – и сад тоже!»

Доярки «Икора». (Фото экспедиции ученых и специалистов из США под руководством Франклина Гаррисона – известного американского агронома, президента университета Браун Ионг. 1929 год. Из фондов библиотеки Конгресса США.)

Фруктовый сад, который заложили минские парни, площадью всего около гектара. Замечателен он, однако, следующими двумя приметами. Он первый по величине и хронологически тоже первый культурный сад на Дальнем Востоке. Уже давно теоретически известна плодородность приамурской почвы. Но едят здесь дикий виноград, лесную ягоду голубицу да дикое таежное яблоко, величиной со смородину. Сад создали за счет полученных кредитов, а, главное, все на те же доходы от молочного хозяйства. Других доходов не было: «Нас же затопило!..»

Я записал кое-какие цифры о хозяйстве коммуны. Вот они. Все 14 тысяч кредитов налицо. За излишек картофеля выручено 1500 рублей. На корчевке леса заработано 1500 рублей. Чистого дохода от молочного хозяйства имеется 600 рублей. Коровы, выставленные на продажу, стоят 800-900. Итого коммуна имеет 4,5 тысячи рублей чистыми, из коих 3600 рублей заработаны личным трудом за пять месяцев при оплате труда всех членов коммуны.

«Как вернется завхоз из города, так сейчас айда в Сибирь за скотом. Удваиваем наше стадо!»

«Конечно, – сказал председатель, – у нас есть успехи, потому что мы сразу попали в хорошие условия. Дорога сносная и проходит недалеко, да и готовые дома. А кто попадет в другие районы, как бывает, за 80 километров от железной дороги, в тайгу да болота. Что они там успеют? В какой мере и когда смогут они овладеть этой дикой, но волшебной страной?»

Успех «Икора», даже то, что «Икору» удалось спасти от наводнения, – маленький кристалл той драгоценной породы, которая называется Бибриджаном.

Позвали обедать. Как же питается коммуна в этот катастрофический год? Утром едят свои сливки с творогом, мед со своей пасеки, на

Закладка сада в Икоре. (Фото экспедиции ученых и специалистов из США года под руководством Франклина Гаррисона. 1929 год. Из фондов библиотеки Конгресса США.)

обед телятину с картошкой. На ужин подали довольно вкусную рыбу. Это была кета, очень распространенная на Дальнем Востоке. Насчет телятины меня предупредили, что она «своя», от своих коров приплод. А насчет кеты не сказали. Я решил, что она покупная. Значит, пчеловод с басом даром тревожился насчет рыбы-фиш, хоть кета, конечно, не щука с перцем, но еврей, по-видимому, умеет есть и кету.

На стол все подается в неограниченных количествах, не по аппетиту местечка, а по аппетиту казаков. Мой возница, парень с чубом, демонстрировал в еде опасные номера – он точно отъедался за всех своих предков, которые голодали в местечке. Уписывая вторую миску телятины с картошкой, он обмолвился: «Эх! – со вздохом сказал он. – Обида! Капусту подмочили и огурки...». Это был прирожденный едок, едок по призванию.

Рыбаки «Икора»

Вечером, в темноте, у сирды, женский голос шептал по-украински: «Шмулик, серденько!.. Та не ходи до нас у Дежневку, бо воны вси печенки повидбивають...».

В коммуне, если не считать стряпухи-казачки, нет женщин. «Нас так и зовут – еврейский монастырь», – сказал мне один комхозник. Правда, когда я стал расспрашивать, кто и почему дал им такое прозвание, то святость стала понемногу рас-

сеиваться.

– Из Дежневки парни...

– Ну!..

– Ну из Дежневки украинские парни старожильческие так прозвали...

Прозвание дано на почве антирелигиозной пропаганды за то, что икоровцы ведут себя в отношении дежневских девчат вполне как те монахи, которых описывает журнал «Безбожник»: «Чтоб мы до их девчат не ходили, бо мы ходили до их девчат...».

Я делал записи в записной книжке. Вдруг из соседней комнаты донесся шум. Захлебывалась гармошка. Кто-то тяжелыми сапогами выступывал под гармонь на известный мотив:

– И-эх сыпь, Семен,

И подсыпай, Семен...

Раздался женский визг

– И-и-и-и-и...

Визг был пронзителен, как зов о помощи. Однако было в нем и что-то, из чего всякому было ясно, что бежать на помощь было бы величайшим свинством.

«Это дежневские девчата пришли, – пояснил мне комхозник, сидевший со мной. – Теперь они уже до нас ходят».

Женский голос выщелкивал:

– И-эх, чай пила,

Самоварничала,

Щи варила, перьварила,

Накухарничала...

И опять визг, и гармонь, и топот тяжелых кованых сапог. Это топали бывшие худосочные мальчишки из еврейских местечек, ставшие пастухами на Амуре.

– Сыпь, Семен,

Да подсыпай, Семен...

Я вышел во двор. Была прохладная ночь. Поезд просвистел с Запада, с родины великой революции.

Рано утром я уезжал. Меня накормили за завтраком свежайшей кетовой икрой. Это тоже было свое. В нескольких километрах отсюда протекает река Тунгуска, впадающая в Амур. Дикая река. Живут у нее гольды, народ первобытный – бьет зверя и ловит рыбу. Этим летом, когда кета пошла из океана и появилась в притоках Амура, мальчишки из белорусских местечек, рожденные быть хилыми, геморроидальными служками в синагогах, рядом с гольдами ловили кету на стремнинах дикой Тунгуски.

Рыбаки «Икора»

Подхватывая рыбу под жабры, они, как гольды, крепким ударом ножа вскрывали ей брюхо и вынимали душистую и вкусную икру.

Описанные в книгах события сжаты до нескольких строчек документом, сохранившимся в архиве. Отчет о состоянии коммуны «Икор» за 1929-1930 годы. В нем сосредоточены надежды и разочарования переселенцев, их тяжелейший труд и погибший урожай, их упорство в достижении своих целей.

Коммуна «Икор»

Движение переселенцев

На 01.10.29 г. – 16 душ.

Прибыло в 1929-1930 гг. – 89 душ.

Выбыло – 55.

Состоит на 01.10.30 г. – 50.

В том числе переселенцев 1929 года – 7; 1930 года с пребыванием до 5 дней – 8 человек, до 10 дней – 3 человека, до 30 дней – 4 человека, до 50 – 5, свыше 60 – 27 человек.

Из выбывших – 7 человек в с/х техникум, 4 – на тракторные курсы, 4 – на работу в ОЗЕТ, 10 – на разные работы, 25 – обратно.

Поднято целины осенью 1929 г. – 10 га, весной 1930 г. – 8 га.

Посевная кампания

Пшеницы посеяли – 8 – вся погибла.

Овса посеяно 10, урожай 25 пудов.

Гречихи посеяно 4, урожай 10 (по целине).

Тыква – 3 ----- 300 пудов

Картофель – 7----- 600-400 пудов.

Зяблевая вспашка всего 18 га.

Жаль, что ни у Лейбмана, ни у Финка практически не названы имена, фамилии коммунаров. Это несколько обезличивает повествование, представляет коммуны – что, наверное, в духе того времени – как единый механизм, выполняющий поставленную партией цель. Поэтому предлагаю обратиться к тем, кто не был сторонним наблюдателем, а видел жизнь коммуны изнутри, к коммунарам. Благо, у нас есть счастливая возможность это сделать. Не беда, что в их воспоминаниях есть неточности, иногда нет хронологии, не всегда они литературно изящны, но в них есть жизнь, тепло и душа первых поселенцев.

Моисей Гольдштейн

Среди первостроителей коммуны «Икор-Соцгородок» был писатель Михаил (Моисей) Хацкелевич Гольдштейн, писавший на идише. Он один из тех, кто дал нам возможность узнать о коммуне из первых рук. История его семьи похожа на семейные истории многих соцгородковцев.

После волны еврейских погромов, в начале 1920-х, Моисей перебрался из местечка Лошиц (под Варшавой) в Буэнос-Айрес. Примерно в это же время туда из Белорусского местечка Телеханы с трудом и

нелегкими приключениями с тремя детьми добиралась мать его будущей жены Берты Иосифовны Костринской. Отец детей был убит погромщиками. Как и многие евреи с российских окраин, молодые люди сочувствовали социализму: Берта была связана с «Бундом», Моисей писал статьи для газет социалистического направления.

В 1931 году молодая семья – Моисей и Берта Гольдштейны – решают переехать из Аргентины в Биро-Биджан, строить еврейскую страну. В один из последних дней апреля 1931 года из порта Буэнос-Айреса отбыл корабль «Кап Аркона» и взял курс на Гамбург. Среди 300 пассажиров, ехавших третьим классом на этом судне, были переселенцы в Советскую Россию, в том числе рабочий трикотажной фабрики и начинающий писатель Моисей Гольдштейн.

В Гамбурге к аргентинской группе присоединилась группа переселенцев из Германии. В Ленинграде, а затем в Москве им устроили торжественные встречи.

В первые дни после прибытия на биробиджанскую землю переселенцы написали заявление, которое отдали в правление коммуны «Икор»: *«Мы, нижеподписавшиеся, просим принять нас в члены Соцгородка коммуны «Икор»... Мы обещаем приложить*

все наши силы, знания и умения, чтобы стать ценными коммунарами...». Под этим заявлением стояло 20 подписей, и первая из них – принадлежит Моисею Гольдштейну.

На борту теплохода и в коммуне Гольдштейн пишет заметки и отправляет их в газеты. Первый очерк, напечатанный в «Биробиджанер штерн», он написал сразу после прибытия в Биробиджан – в августе 1931 года:

«Сейчас ночь, поют птицы, жужжат комары и мошка, а громче всех старается кукушка. А днем тишину нарушит звук топора, тракторы загудят, смех и здоровые голоса зазвучат в такт падающим деревьям: «Сильней! Вместе! Раз, два, оп!».

Тогда же «Эмес» («Правда») в Москве, а в январе 1932 года «Дер пойер» в Буэнос-Айресе публикуют первые отчеты Гольдштейна о работе и жизни в коммуне. Публикации Моисея в духе того времени – вполне оптимистичны.

«Ровно четыре месяца мы находимся на биробиджанской земле – столько времени фактически продолжается наша работа. Так как первый шаг на сопке, где строится городок, мы сделали и первое дерево выкорчевали, теперь мы фактически жители Соцгородка. Первый дом на 32 комнаты был построен при нашем непосредственном участии. Мы, первые иностранные еврейские рабочие-переселенцы, начали строить Соцгородок и мы его первые жители».

Далее идет подробное описание хозяйственных и общественных дел в коммуне – что уже построено, а что еще строится, что сделано и что планируется.

Фото из книги М. Гольдштейна «Мы из Биробиджана», изд. «Советский писатель», М., 1958 г.

Монтевидео. М. Гольдштейн и Берта в группе уезжающих в Биробиджан переселенцев. Фото из семейного архива Ю.Л. Слезкина

«Сейчас мы готовимся к зиме. К первой зиме для нас, живших долгие годы «летней жизнью». Готовимся основательно, штукатурим дом, делаем печки в комнатах. Зимней одеждой – ватными штанами, куртками, валенками, меховыми шапками и т.д. – нас обеспечит кооператив. Дрова у нас уже есть, так как Биро-Биджан богат древесиной, и о пропитании нам тоже не надо беспокоиться. Хлеба, картофеля, овощей (капусты, свеклы, соленых огурцов, помидоров и т.д.), здесь в достатке. Рыба (соленая, копченая), чем так богат наш район, лучшая рыба, кета, в этом году кишела у берегов. Поэтому рыбой, икрой мы полностью обеспечены накануне нашей первой зимы в нашем новом доме – на нашей социалистической Родине».

Из фотоматериалов Российского этнографического музея. Четвертая справа в первом ряду – Берта Костринская.

Такое же воодушевление чувствуется в рассказе «Праздник комсомола», в котором описывается субботник в коммуне: как люди обрезали деревья, носили песок и мелкие камни на дорогу, *«чтобы в последующие дни тракторы шли увереннее, колеса не тонули в грязи, лошади не падали и работа в Соцгородке не останавливалась»*. Позже в биробиджанской газете появится целый ряд очерков Гольдштейна, которые перепечатают потом еврейские издания мира. Он

пишет о том же – о трудовом энтузиазме в коммуне, о новоселье в первом доме, который они построили своими руками. В одном из номеров «Биробиджанер штерн» (от 22 февраля 1932 года) Гольдштейн рассказывает о ходе заготовки древесины в волочаевском лесу. Он пишет: *«Товарищи из Соцгородка, которые еще недавно и понятия не имели, как готовят древесину в тайге, с первых же дней показали пример самоотверженного труда»*.

Читая его немудреные рассказы, видишь, что он описывает жизнь коммуны не как посторонний наблюдатель, а знает ее досконально, изнутри, до мельчайших подробностей, сам наравне с остальными коммунарами участвует в ней, переносит тяготы и радуется первым победам. И в рассказе «В походе на Волочаевку», и в повести «Биробиджанцы на Амуре», над которой Гольдштейн начал работать всего через год своего пребывания в «Икоре», в описании местности, природы, характеров коммунаров и их отношений он наблюдателен и точен. В его заметках все вполне узнаваемо, он ничего не выдумывает, а рассказывает чуть ли не с документальной точностью, но в то же время живо и увлекательно.

Видишь название его первой заметки – «На холме стоит церкушка», и сразу приходит на ум, что строительство будущего социалистического города, а именно это значение несет в себе Соцгородок, начиналось на заросшей лесом сопке, возвышающейся среди пойменных лугов и болот. На ее вершине первые переселенцы увидели часовенку местного жителя Балаганского. Эта правдивость повествования особенно ценна сейчас, она помогает нам окунуться в атмосферу Соцгородка тогдашнего.

Моисею Гольдштейну знакомы и работа в поле, и косьба, и стройка, и хозяйственные заботы коммуны, везде он был непосредственным участником и исполнителем. Со знанием дела он описывает и окружающую природу, и таинства сельскохозяйственного труда. При всей тяжести последнего – кому как не деревенскому жителю открывается волшебство природы. А Моисей Гольдштейн умеет не только заметить ее красоты, но и описать трогательно и поэтично.

«Впереди, точно исполняя какой-то красивый танец, шел длинный ряд косцов. Рубина захватила величествен-

Корчевка леса. (Фото экспедиции ученых и специалистов из США под руководством Франклина Гаррисона. 1929 год. Из фондов библиотеки Конгресса США.)

ная картина. Впервые в жизни видел он такой танец: день чудесный, солнце обжигает тела, грациозно движущиеся в такт одно за другим, руки ритмически рассекают воздух, а косы срезают солнечные лучи». (Из повести «Биробиджанцы на Амуре»).

Читаешь и забываешь, что косьба – это изнуряюще тяжелый труд, а в памяти возникают картины собственного детства в Соцгородке, воздух, напоенный ароматом свежескошенной травы, купание в Тунгуске, немудреный перекус, тут же на покосе, в большой дружной компании.

Вот и Моисей наслаждается торжеством силы и духа молодых коммунаров, их единством и целеустремленностью. Автор совершенно уве-

рен, что из этой схватки с трудностями переселенческой жизни коммунары выйдут победителями. В рассказе «Поход на Волочаевку» устами поварихи Хаси он говорит:

«Такое бы мне счастье, какая здесь жизнь будет! И очень скоро! Не знаю, как вы там у себя жили, но здесь у нас жизнь будет прекрасная!»

И в то же время в крохотном эпизоде очень емко описывает все сомнения и разногласия по поводу освоения Биробиджана.

«Еще годик-другой и на нынешних болотах зацветут виноградники. Что большевики порешили, то непременно будет!» – говорит Ривкин, шагая босиком по траве. Брейтер смотрит на этого «пришельца с того света» и никак понять не может, чему тут, собственно, радоваться. «Черт меня занес в эту треклятую тайгу! Ничего лучшего для нас найти не могли», – думает он. («Биробиджанцы на Амуре».)

Сенокос на Тунгуске.

Но, как и для всех коммунаров, основное занятие писателя – тяжелый физический труд. Всего на несколько дней его оторвали от обычной повседневной работы. В апреле 1932 года прибывала новая группа переселенцев из Аргентины. Для участия в делегации встречающих пригласили М. Гольдштейна. В 4 часа дня 17 апреля прибыл поезд из Иркутска, где в седьмом вагоне ехали аргентинцы. М. Гольдштейн оставил подробное описание этой встречи:

«Мы рассказали нашим новым переселенцам о состоянии и перспективах тех мест, где им предстояло поселиться. А они стояли плотно в проходе вагона и смотрели на нас сверху. Они смотрели радостными взглядами и глотали каждое слово. А мы, закаленные простой, но здоровой жизнью, рассказывали им все: о первых трудностях, о новой жизни, которая строится в Биробиджане». (цитата из газеты «Дер пойер», № 4, май – июнь 1932 года.)

Свою первую повесть Гольдштейн закончил в августе 1933 года. Одним из ее главных героев стал Погребницкий. Это тоже не выдуманный персонаж. Такой человек действительно жил здесь. Автор даже не изменил его фамилию.

В № 25 журнала «Трибуна» (август 1932 года) опубликована заметка М. Гольдштейна «Иностранные рабочие в Биробиджане». Для нас она ценна еще и тем, что в ней Моисей описывает Соцгородок и называет фамилии его основателей.

«С углублением экономического кризиса в капиталистических странах число переселенцев из-за границы в Биробиджан растет. Если год назад аргентинцы представляли самую крупную группу переселенцев в Биробиджане, а Соцгородок был единственным пунктом их концентрации, то теперь в Биробиджане собрались переселенцы почти из всех капиталистических стран. Это говорит о том, что Биробиджан уже хорошо известен трудящимся зарубежья как одна из составных частей пролетарского государства, как район, занимающийся громадным строительством и имеющий большие перспективы. В Соцго-

родке, первом переселенческом пункте большинства иностранных групп, работают переселенцы из Аргентины, Уругвая, Германии и др. Правда, некоторые из них, не выдержав трудностей первого этапа строительства, покинули район, но большинство осталось. Работа многих переселенцев показывает, что о бегстве из этого района они не думают.

Некоторые из иностранных товарищей выдвинуты на руководящую работу. Так, например, тов. Форер заведует с.-х. участком «Икора»; тов. Сухой – заведующий Соцгородком (оба аргентинцы), тов. Броцкий – технический руководитель по строительству; тов. Амрон – председатель сельсовета (оба американцы).

Сейчас в Соцгородке идет работа по строительству домов для новых переселенцев. Готовится к пуску мастерская по производству школьных принадлежностей. Приступили к установке электростанции, присланной американским ИКОРОм.

Далее Моисей приводит в пример переселенцев-иностранцев, работающих на других участках строительства Биробиджана. И заключает статью так: «Все эти факты говорят о том, что иностранные переселенцы умеют работать по-ударному, что многие из них осели в этом районе... Переселение трудящихся евреев из капиталистических стран в Биробиджан несомненно вполне себя оправдало. Об этом говорит ударная работа иностранных переселенцев, об этом говорит стремление их вступить в ряды партии, кандидатами которой многие из них уже состоят».

Вполне логично, что среди этих переселенцев и сам автор. В конце ноября 1932 года в районной газете публикуется список «товарищей, подавших заявление в ВКП(б)». В нем среди многих других имя Гольдштейна М.Х. – чернорабочего.

Тон всех произведений Моисея Гольдштейна очень оптимистичный, он не оставляет сомнений в горячем патриотизме и надеждах на будущее, влюбленности в дальневосточную природу.

А вот теперь время перейти к стороне жизни Моисея, скрытой от посторонних глаз.

На самом деле молодая семья, как и все переселенцы в «Икоре», жила в очень тяжелых условиях. Первая же зима обернулась трагедией. Умерла, замерзнув в бараке, их новорожденная дочь. Друг семьи Леонид Стонов много позже писал:

«Берта рассказывала нам, как Михаил после смерти дочери сокрушался по поводу своего рокового решения и мечтал вернуться в Аргентину, чтобы пойти на могилу Бертиной матери и просить у нее прощения за то, что не послушался ее горячих уговоров не ехать в Советский Союз. Он тогда еще не знал, что его ждет впереди».

А впереди было вот что. В 1933 году Гольдштейны перебрались в Москву, Моисей поступил в институт. Здесь у них родились дочери Карма (1933 г.р.) и Флора (1937 г.р.). В этом же страшном 1937 году Моисей не избежал участи многих других, он оказался в Бутырской тюрьме, арестованный за «шпионаж в пользу иностранного государства». Но в отличие других ему повезло – несколько сотен заключенных выпустили из тюрьмы в связи со сменой руководства НКВД. В числе освобожденных был и Гольдштейн.

Но даже невзгоды не изменили тон заметок бывшего коммунара. 15 мая 1938 года «Биробиджанер штерн» печатает его заметку «Станция метро “Белорусский вокзал”», которая заканчивается так: *«О розовом биробиджанском мраморе начальник шахты инженер Кузьмин очень высокого мнения. Он говорит, улыбаясь: «Розовый цвет – символ юности, свежести, а Биробиджан – наша самая молодая автономная область».*

1941 году М. Гольдштейн ушел добровольцем на фронт военным переводчиком с немецкого. На фронте он не расстается со своей записной книжкой, продолжая писать и публиковать рассказы. В 1943 году в литературном сборнике «Геймланд» («Родина»), редактором которого был Перец Маркиш, выходит его рассказ «Дер мамэс ворт» («Мамино слово»). Второй рассказ Гольдштейна «Ан айнфал фун а дайч» («Немецкая шутка») был опубликован в литературном сборнике «К победе»,

который вышел в 1944 г. Это были последние рассказы, написанные Гольдштейном.

Все тяжести, легшие на плечи Моисея Хацкелевича, не изменили его идеалов. В феврале 1943 он писал своей десятилетней дочери с фронта: *«Мое желание в день 25-летней годовщины славной Красной Армии, в чьих рядах я нахожусь, чтобы ты училась так, как требует великая партия Ленина-Сталина»*. А 9 августа 1943 года младший лейтенант Моисей Гольдштейн писал: *«Мы ждем горячих боев. Я нахожусь там, где пульс войны бьется сильнее всего. Сейчас утро. Я сижу в окопе. Над нашими головами летают самолеты, рвутся мины и снаряды, свистят пули. Но ничуть не страшно, сердце радуется нашим успехам. Я хочу одного: дожить до того дня, когда на нашей земле не останется ни одного вооруженного фрица. Это обязательно произойдет: все будет хорошо!»*

31 августа газета «Эйникат» опубликовала трагическое сообщение: *«Одиннадцатого августа погиб в бою против немецких захватчиков еврейский писатель Моисей Гольдштейн. Погиб настоящий товарищ, преданный сын нашего народа, горячий патриот нашей Родины...»*

Родственники и друзья Гольдштейна долго ничего не знали о том, где он похоронен. Было известно только, что его могила где-то на Смоленщине. Через два с половиной года сведения о Моисее Гольдштейне были обнаружены в списке солдат и офицеров, похороненных в братской могиле в селе Большое Захаровское.

Тот же Л. Стонов продолжает свой рассказ:

«Беспомощная, плохо говорившая по-русски, ничего не понимавшая в этой стране и не имевшая никакой специальности Берта осталась одна с двумя маленькими девочками на руках. Она уже никогда не оправилась от пережитого ужаса. Достаточно было посмотреть на эту красивую, но рано увядшую женщину, чтобы понять, что это человек с разбитым сердцем. Берта говорила тихо,

приглушенным голосом, с сильным акцентом и, казалось, всегда преодолевала внутреннее рыдание, ожидая несчастья... Семья бедствовала, все трое жили в одной крохотной комнате в многонаселенной коммуналке... Так как Берта не имела никакой специальности, да еще и плохо говорила по-русски, мама устроила ее ночной нянечкой в литфондовский детский сад...

Надо сказать, что все женщины в семье Михаила Гольдштейна были очень красивыми... Обе девочки были способными и музыкально одаренными, но очень разными по характеру. Флора была тихая и послушная, а Карма – смелая, горячая, своенравная, язвительная и нетерпеливая».

Карма окончила Гнесинское училище по классу скрипки. В 1955 г. вышла замуж за Льва Слезкина, уже тогда заметного ученого, кандидата исторических наук. Флора после окончания университета работала в Музее изобразительных искусств – сначала экскурсоводом, а потом научным сотрудником отдела археологии. Вскоре и она вышла замуж за преуспевающего скрипача из московского оркестра Льва Маркиза.

Шли годы. Уехал в Америку и стал выдающимся американским историком и этнографом сын Левы и Кармы Юрий Львович Слезкин-младший, родившийся в 1956 году и окончивший МГУ¹. О судьбе Флоры рассказывает в своей книге воспоминаний ее второй муж, небезызвестный И.Н. Голомшток: *«В 1981 году я получил письмо из Вены: Флора сообщила, что ее муж, московский дирижер и скрипач, получил приглашение на работу в Голландию, и они эмигрировали из СССР. Вскоре после приезда они расстались.*

1 Yuri Slezkine – советский и американский ученый-этнограф, автор работ по советской истории, профессор Исторического факультета Калифорнийского университета в Беркли (США), директор Института славянских, восточноевропейских и евразийских исследований этого университета. Преподает историю России и является автором многих замечательных книг. Сын Юрия, Петя тоже пошел по стопам деда и отца. Он окончил университет в Беркли, стал историком. Карма и Лева счастливо прожили вместе до самой смерти, почти 60 лет.

Флора оказалась одна в чужой стране без языка и только упорство и сила характера помогли ей освоить голландский и устроиться на работу в туристическое бюро. Возила туристов по Голландии, Франции (она хорошо владела французским), Бельгии, приезжала в Лондон (где и начался наш роман), читала лекции в Амстердамском университете, много лет преподавала на летних курсах Сахаровского университета в Баварии, писала статьи в русские газеты».

В дальнейшем Флора с мужем проживала в Лондоне.

История эта получила совершенно неожиданное продолжение. Уже после ее написания мне посчастливилось отыскать Юрия Львовича

Исаак Пейсахович и Сарра на пароходе из Аргентины. (Фото из семейного архива Ю.Л. Слезкина).

Слезкина и получить от него фотографии Моисея Гольдштейна и его жены Берты в группе переселенцев, отправляющихся в Биробиджан из Монтевидео, датированные 1931 годом. Он же помог распознать еще нескольких жителей Соцгородка на уже имевшемся у меня снимке 1932 года. Больше того: выяснилось, что сестра Берты Костринской Сарра, также была в числе первостроителей Соцгородка. Фамилия ее мужа Исаака Пейсаховича встречается в архивных документах, они есть и на снимке, сделанном на пароходе в

1931 году. Юрий Львович рассказал, что приехали в Соцгородок они с маленьким сыном Иосифом, рожденным в 1929 или 1930 году, много лет прожили в Биробиджане.

На страницах «Трибуны» нашлась заметка «Радиовечер на госшвейной фабрике им. Кирова», в которой говорится: «Стахановец Пейсахович в своем выступлении заявил: «В Аргентине я даже мечтать не мог о том, чтобы учиться. А здесь я учусь в вечерней школе, а моя жена окончила

педагогическое училище». В 1937 г. Исаак Пейсахович разделил участь большинства своих соотечественников – он был арестован.

Пейсахович Шия Хаймович, 1903, уроженец Польши, еврей. Портной. Арестован 25.07.1938 УНКВД по ЕАО по ст. 58-1а УК РСФСР. 19.12.1938 уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения, реабилитирован. Архивное дело П-87568. (Книга памяти Хабаровского края).

Юрий Львович рассказал: «Иосиф приехал в Москву из Биробиджана с красным дипломом поступать в институт. Какое-то время жил у Берты (видимо в 1947-м). Время было плохое. После многих хлопот он поступил в Горный институт. В 1950-х вся семья переехала в Москву».

В Москве Пейсаховичи продолжали дружбу с семьями первостроителей Соцгородка Цви Кампеля и Сугальского. Так что есть надежда, что эта ниточка приведет к новым открытиям.

При работе над этой главой использовались следующие материалы:

Голомшток И. Занятие для старого городского. Мемуары пессемиста

Кович Б. Строитель и боец // Советиш Геймланд. – 1985. – №5. Перевод с идиша Е. Сарашевской

Сарашевская Е. Биробиджанцы на Амуре. Коммуна «Икор» // Биробиджанер штерн. – 2015. – № 03

Стонов Л. Памяти друга

Слезкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. // Новое литературное обозрение. – 2007

Давид Рогинский

В книге «Икор» А. Лейбмана имя Давида Рогинского упоминается среди имен первых переселенцев. Приводим здесь статью Анастасии Куршевой «Давид Рогинский», опубликованную в «Биробиджанер Штерн» 23 мая 2012 года в рамках совместного проекта газеты и Областного краеведческого музея.

Вагончик тронется...

Уже 39 лет в фондах Областного краеведческого музея ЕАО бережно хранится пожелтевшая от времени и успевшая состариться рукопись. Двадцать страниц, исписанных неровным, размашистым почерком, – настоящий памятник прошлого. Ее автор – Давид Абрамович Рогинский, один из тех, кто приехал на станцию Тихонькую в 1928 году и уже не уехал отсюда никогда. Пишет он о своей жизни, о судьбе первого переселенца, стоявшего у самых истоков нашей области.

Давид Абрамович Рогинский родился в 1905 году в городе Корма Гомельской области в семье мелких торговцев. Учился в хедере, потом в русской школе, которую так и не окончил. В 1922 году вся семья Рогинских вступила в товарищество по совместной обработке земли «Свобода». Там Давид Абрамович научился всем премудростям сельскохозяйственных работ: косил, стоговал сено, пахал на лошадях. Но неумная молодая натура требовала большего.

«В поисках работы я отправился в Минск, – пишет Давид Абрамович. – На тот момент мне было двадцать лет. Брался за любую работу: был и землекопом, и арматуробетонщиком, и разнорабочим. Но постоянного заработка так и не было, вся работа была сезонной».

28 марта 1928 года Президиум ЦИК СССР постановил заселить Биробиджанский район трудящимися евреями. В разных городах были созданы переселенческие артели и коммуны для отправки людей в будущий Биробиджан. Одна из таких артелей была и в Минске, называлась «Победа».

«Вступать в эту артель мне не хотелось, – вспоминает переселенец. – Туда входили и грузчики, и пекари, и строители, желающие трудиться, и, к сожалению, всевозможные бездельники и шулера. Примкнуть я хотел к молодежной коммуне «Икор», состоявшей из учащихся еврейской сельскохозяйственной школы в Курасовщине, усадьбе близ Минска. Принимать меня к себе они не спешили, так как совсем не знали, что я из себя представляю. Но обнадежили, что во время пути они ко мне присмотрятся, а там будет видно. Так я был вынужден стать членом артели «Победа».

Вечером перед отъездом в клубе совторгслужащих переселенцам устроили торжественные проводы: звучали громкие речи, добрые пожелания. Уже на следующий день, 20 апреля, от Брестского вокзала Минска отошел поезд с первым составом энтузиастов из Белоруссии. Комендантом этого поезда был Эля Гохман, впоследствии – директор Амурзетской МТС.

«В Минске нам сказали адрес нашего будущего места пребывания – станция Тихонькая Уссурийской железной дороги. Ехали мы в классных вагонах, их было пять или шесть. Уже с первых дней поездки стало видно, кто чего стоит. К примеру, члены моей артели пили и резались в карты. Не было доверия и к нашему кассиру – с единодушного согласия всех, кто был в артели, деньги у него забрали и передали мне на сохранение. Тем временем ребята из «Икора» часто заглядывали к нам в вагон, пристально наблюдая за мной. Так мы доехали до Тюмени, где нас стали пересаживать из вагонов в теплушки. Во время пересадки за мной пришли два икоровца, забрали меня с моими вещами к себе и выделили мне самое почетное место на верхних нарах. С тех пор я стал полноправным членом коммуны «Икор».

Добраться до места назначения вместе с эшелонам Давиду Рогинскому не дал грипп. В Иркутске, где проходил медицинский осмотр, его

положили в больницу, хотя он наотрез отказывался и сопротивлялся. Выписали переселенца только через три дня, дали продуктов, литер на проезд в классном поезде и отвезли на вокзал. Несмотря на задержку в Иркутске, ему удалось даже перегнать идущий тихим ходом эшелон и прибыть на станцию Тихонькая раньше срока.

«Приехал я 10 мая в двенадцатом часу ночи. Стал выяснять, к кому обратиться. Мне объяснили, что через линию на площади имеется переселенческий пункт с бараками. Вся площадь была уставлена телегами, лошадьми – прибыли украинские переселенцы. Это они впоследствии организовали поселки Бирушка, Михайло-Архангеловка, Александровка (ныне Бирофельд). Наконец, я увидел свет в одном из барakov, зашел туда, занял место на пустых нарах и уснул. Рано утром в барак зашел толстый представительный мужчина, как я потом узнал, Михаил Абрамович Бейнфест, директор сельскохозяйственного училища, председатель научной комиссии облисполкома. Это он нес ответственность за ход переселения в Биро-Биджанский район и создание оптимальных условий жизни для приезжих. Увидев, что я новенький, стал расспрашивать меня, откуда я и каким путем оказался так рано. Я объяснил. «А как фамилия?» Говорю ему: «Рогинский». – «Я твоих братьев знаю. А ты случайно не знаешь моих хлопцев?» – спросил он, имея в виду ребят из коммуны «Икор». Отвечаю, что с его хлопцами я в одной коммуне. «Так вот как, – продолжил Бейнфест. – Значит, теперь ты тоже будешь мой сынок».

Деловое хозяйство «Икора»

Сразу после завтрака Рогинскому дали топор, тачку, лопату – надо было подготовить тропу к паромной переправе через Биру. На то, чтобы ее насыпать и настелить досок на кочки да на болото, ушло у него два дня. Только 13 мая прибыл эшелон, с которым он начинал свой путь,

через несколько дней встречали новоприбывший эшелон из Украины. Колонну из 184 человек 28 мая отправили на Бирское опытное поле. Размытая дождями, никем не ремонтированная и осыпавшаяся дорога преподнесла переселенцам большие испытания. Да и по прибытии люди обнаружили, что ни одного жилого дома, в которых они смогли бы разместиться, не построено.

«В пути до опытного поля было немало трагедий, – читаем рукопись Давида Абрамовича. – Обращаться с необъезженными лошадьми многие не умели, лошади распрягались, телеги опрокидывались. В нашей коммуне серьезных происшествий не было. Но вот куда и как ехать, никто нам не объяснил, и вместо поворота на опытное поле мы завернули в Александровку, пришлось ехать назад. Добравшись до места, стали обустраивать жилье. В нашем распоряжении был большой пустой коровник. Каждая артель, каждая коммуна заняла свой угол, построила себе нары. Через день-два во всю работали: рубили жерди, тесали их, укладывали тротуары по территории поселка.

Через некоторое время нам объявили, что пора разъезжаться по участкам. Нашей коммуне достался участок Мартьяновка, где-то в районе села Красивого. Ни подъезда, ни подхода – кое-как, но добрались туда. Жить пришлось в палатках. А тут еще зарядили проливные дожди, вода совсем отрезала нас от Тихонькой и на два дня оставила без продовольствия. Потом нас вывезли назад на Опытное. Наметили нам степной участок, где сейчас станция Бирофельд. Выделили лес, плотников – стали мы работать и обживать. В районе Ушумунских шахт нашли громадные сенокосные массивы. Ни одного дня мы не сидели без дела: на трех лошадях в упряжке поднимали целину, косили сено, заготавливали лес для постройки дома коммуны, и уже в конце июня 1928 года справляли новоселье.

Дом наш состоял из жилой части и конюшни, под которую отдали его большую половину. Потом стали пристраивать к дому коровник. Первую корову Райку купили в Бирушке, и теперь были с молоком. Потом двое наших ребят поехали в Сибирь и купили еще 10 коров. С тех пор мы стали поставщиками молока для Опытного поля, а тогда, к концу 1920-х – началу 1930-х, там было уже порядочно жителей».

Но для многих такие условия оказались невыносимыми. Положение осложнило еще и то, что наводнение смыло скотомогильники, началось распространение сибирской язвы. Болезнь косила не только лошадей, но и людей. Да и заработать толком многим так и не удалось. Многочисленные коммуны и артели стали распадаться. Начался массовый отъезд людей. В результате из 184 человек, направленных на Бирское опытное поле, к первому сентября осталось только 85.

Коммуна «Икор» вела хозяйство по-деловому. Деньги, заработанные тяжелым трудом, тратили с умом, чтобы никого не обидеть.

«Купили мы всем по хлопчатобумажному костюму, кое-что из постельных принадлежностей: наволочки, простыни, байковые одеяла, – читаем рукопись. – На зиму – всем по полушубку, зимней шапке, фufайке, ватным брюкам, валенкам, рукавицам и по две пары белья. За исключением долгосрочных ссуд, например, на покупку коров, мы у государства не брали ни копейки, жили за счет заработанных денег и постепенно приумножали хозяйство. Те, кто проезжали мимо и останавливались у нас на ночлег, смотрели, какие ухоженные у нас коровы, лошади и диву давались, как это 15 молодых парней смогли так поставить хозяйство. За образцовое ведение хозяйства, за дисциплинированность начальство организовало нам экскурсию в Хабаровск на пять дней. Я выступал на радио. Речь моя сводилась к тому, что мы, молодые энтузиасты, будем прикладывать все силы, чтобы создать образцовое, крепкое хозяйство и передать его на усмотрение властей

группе новых переселенцев. А мы поедем учиться на агрономов, механиков, зоотехников».

Вышло именно так, как Давид Рогинский и говорил. Правительство решило расширить район заселения на левый берег Амура. Руководство обратилось к коммуне с предложением создать переселенческое хозяйство в Дежневском опытном поле. Трое ходоков от «Икора» поехали посмотреть, что из себя представляет место их нового поселения.

«Там был большой жилой дом, один небольшой коровник, конюшня, склад, баня и маленький птичник, – записано Давидом Рогинским. – Мы дали согласие на переселение и передали два стога сена и большой штабель делового леса, который мы заготовили для строительства дома коммуны, администрации Бирского опытного поля. 9 километров от станции Волочаевка – и мы были в новом доме. Вскоре я, председатель коммуны Шапиро и коммунар Соркин поехали в Ачинск, закупили еще 40 коров. В результате стали первыми поставщиками молока в Хабаровск. Сдавали его, взамен получали комбикорм. Потом купили в Волочаевке у одного жителя 6 поросят, развели большую по тем временам свиноферму, кроме этого, держали пчел. Недалеко от поселка была большая дубовая релка, мы ее постепенно вручную корчевали. Двух коммунаров направили на курсы трактористов, и через некоторое время они пригнали трактор «Интернационал». Из Приморского края привезли еще 30 или 40 коров. А осенью 1929 года организовали вылов кеты на Тунгуске, на всю зиму обеспечили себя рыбой и икрой. Так мы стали настоящими фермерами. К этому времени к нам из Белоруссии приехало еще шесть хороших парней и две девушки. Буквально пачками засылали к нам новых людей из Тихонькой – хороших оставляли, плохих отправляли назад. Так наше Дежневское поле стало крепким колхозом имени Восемнадцатого партийного съезда».

Вошь – работе не помеха

Постепенно основной костяк ребят из коммуны стал разъезжаться по учебным заведениям. Последними в техникум механизации в Екатерино-Никольское уехали учиться Давид Рогинский, Хаим Шапиро и Полина Кушнир. В 1932 году занимались уже в новом корпусе в Сталинске.

«Первую весеннюю практику мы провели на полях второго отделения Биробиджанского совхоза, – вспоминает Давид Абрамович. – Я работал заправщиком, полевым слесарем и трактористом. Зимой помогали совхозу в ремонте сельхозмашин. Вторую практику провели в Завитинском совхозе. Поместили нас в школе. А из-за недостатка рабочей силы студентов не отпускали: не пускали на паром без пропуска директора, запретили брать нас водителям автомашин.

Был с нами Фельдман, будущий директор Биробиджанской МТС. И в доказательство того, в каких плохих условиях мы живем, он зашел в кабинет директора совхоза, растегнул рубаху, вытащил оттуда вошь и положил ее ему на стол. Но этим он директора не испугал, нас так и не отпустили, пока не произошел один случай. Мы в то время работали на втором отделении в Кондинке. Видим, к управляющему на добротной паре лошадей в хорошей коляске подъезжает какой-то рослый, солидный мужчина. Это был председатель крайисполкома Иванов. Стал спрашивать, как дела с посевными работами. Тот ответил, что все они закончены. Но это была неправда, о чем наш студент Рассавский не побоялся сказать. Набравшись смелости, мы пожаловались Иванову еще и на то, что уже свыше трех месяцев нас не отпускают отсюда. Он дал команду, и уже через два дня мы уехали. Все каникулы работали в коммуне, тогда это был уже совхоз, нас принимали как дорогих гостей».

Окончил техникум Давид Абрамович Рогинский в июне 1935 года.

Остался работать в Екатерино-Никольском заведующим мастерской. К этому времени он уже был членом партии. Перед окончанием учебы женился на студентке Хане Менделеевне Буллой. После этого без малого двенадцать лет проработал главным инженером на Ворошиловской МТС. Успел немного поработать в облсельхозуправлении. С 1952 года два года был директором родной МТС. После сентябрьского пленума ЦК партии 1953 года лица, не имеющие высшего образования, не могли занимать должность директора МТС или совхоза. Ему пришлось уйти на другую работу. У Давида Рогинского было два сына и две внучки. Больше никаких сведений и даже упоминаний о первостроителе области в фондах музея нет. Было бы интересно, если бы на эту публикацию откликнулись родственники Давида Абрамовича, те, кто знал этого человека.

Важен первый шаг

В середине 1990-х годов в Хабаровске произошло весьма знаменательное событие. В город с публичным выступлением приехал видный раввин Адин Штейнзальц. И я, никогда до этого не видевшая раввинов ни большого, ни малого рангов, не могла пропустить эту встречу.

Ребе поражал аудиторию своей эрудицией, свободным переходом с одного языка на второй, третий... Но больше всего запомнилось его наставление: чтобы научиться писать, нужно начать с буквы «А».

В жизни каждого была возможность убедиться в этой житейской мудрости. Всякое дело начинается с малого, в любом деле важно сделать первый шаг.

Много лет спустя, когда дети и даже внуки начали спрашивать меня о нашей родословной, я начертала, наконец, эту самую букву «А».

Все началось с того, что я записала воспоминания своих родителей об их детстве, семьях, прожитой жизни. Что-то уже было знакомо, о чем-то допытывалась... Казалось, обыкновенная семейная история, интересная лишь тесному кругу родных. Если бы не одно «но».

Жизнь моих родителей неотрывно связана с коммуной «Икор-Соцгородок». Семьи моего отца Григория Пензура, его брата и сестры

были единственными семьями, которые были членами коммуны и оставались в поселке с тех легендарных лет: отец прожил здесь с 1932-го по 1998 год.

Воспоминания дополнялись рассказами односельчан и их потомков, документами из архивов, газетными публикациями. В итоге получилась история Соцгородка, которую я рассказываю уже от своего имени, стараясь соблюдать хронологию. Вот только рассказ, как я ни старалась уйти от этого, получился очень личный. В нем не только голые факты. В нем – жизнь моих земляков.

Соцгородок

Великое переселение

Планы американского социолога, профессора Чарлза Кунца по созданию в Биро-Биджане Социалистического агрогорода начали воплощаться в жизнь в 1931 году с приездом первых зарубежных переселенцев из Америки, Канады, Аргентины, Уругвая, Германии, Литвы, Латвии, Польши, Палестины. Именно они проложили первые просеки и заложили первые дома Соцгородка.

Газета «Эмес» писала в конце августа 1931 года о том, что начались работы по строительству Социалистического города в Биро-Биджане, в основном силами еврейских иммигрантов, большинство из которых прежде были российскими гражданами, но в свое время эмигрировали из России.

Согласно планам профессора Кунца, город должен был появиться между еврейской коммуной «Икор» (нынешняя Камышовка) и коммуной «Тихоокеанский Октябрь» (Даниловка), на лесистом участке, который предстояло очистить и застроить. Соцгород должен был соединить в себе промышленность и сельское хозяйство, обеспечив занятость 5-6 тысяч человек. Также план предусматривал строительство 25 – 30 жилых зданий из 100 комнат. Кухня и столовая, прачечная и прочие бытовые услуги – коммунальные. Для воспитания коммунарских детей предусматривались общинные детские дома.

Город планировалось обеспечить самой современной техникой, водоснабжением и канализацией, электричеством, радио- и телефонной связью. Школа из начальной должна была вырасти до технического училища.

Для занятости населения планировался завод на 1500 рабочих мест, слесарные курсы для обучения 50 рабочих, мебельная фабрика, завод для переработки молока и производства масла и сыра. Промышленную зону должны были опоясывать сельскохозяйственные поселения с современными методами ведения хозяйства, рассчитанные на 2000 голов крупного скота, 2000 свиней и 50 тысяч птиц. Далее газета писала о том,

что 10% плана должны были осуществиться к концу текущего года, 40% – во время следующего, а весь план завершен в 1933 году. Для осуществления плана с помощью ИКОРа государство выделило 1 млн рублей.

Но наряду с этими грандиозными планами отмечалось, что из-за серьезной нехватки рабочих рук (в наличии только 100 рабочих) и техники осуществление плана под сомнением.

В 1931 году к празднованию годовщины Октября в коммуне «Икор» состоялся большой вечер и торжественная демонстрация, в которой приняли участие также и заграничные рабочие из Аргентины, Германии, Америки.

Мои дедушка и бабушка, Исроэль и Хая-Ривка Пинзур, приехали в Соцгородок 12 мая 1932 года из Дубровно, Витебской области (Белоруссия) и привезли с собой четверых детей. В поселке уже жили семья Мориса и Розы Беккер из Америки, семья Цанге из Германии, Иосиф Форер из Аргентины. Примерно в это же время приехал Абрам Коваль с женой и тремя детьми из Америки. Из Аргентины – Гилей Блехерман и Аарон Литевский, Шапиро, братья Левинзоны, Цукерман, Сухой, Гуревич, прекрасный специалист, мастер на все руки Кампель Цвиль. Ерецкий, Абрамские Иосиф и Фейга, Дискины, Брусиловские – переселенцы из Украины. Семья Константина Никифоровича Гурского и его жены Праксovia Евсеевны из Белоруссии также приехала в 1932 году, но, похоже, они не являлись членами коммуны «Икор-Соцгородок».

О роли и масштабах строящегося Соцгородка можно судить по письму Янкеля Ароновича Левина, старейшего большевика, секретаря райкома ВКП(б) Биробиджана и первого редактора газеты «Биробиджанер штерн» заместителю председателя ОЗЕТа товарищу Б. Троцкому. Датировано письмо 21.05.31 г. Среди прочего Левин пишет:

«В Соцгородок, чтобы выполнить договор, о котором я Вам телеграфировал, требуется 300 рабочих с семьями, около 600 человек... Поэтому переселение должно быть организовано в больших размерах, увеличить число из-за границы и чтобы переселенцы знали, что жилищные условия на первое время будут трудные, но выйдем к концу года из кризиса. В Соцгородке строим 100-комнатный

дом, закончили 40 комнат, дальше работу не производим пока не получим материал».

Там же отдельным пунктом выделено:

«Соцгородок. Там положение плохое из-за отсутствия транспорта. Мы телеграфировали торгпредству в Японии насчет возможности и стоимости катера и намерены просить ИКОР и ОЗЕТ перевести средства, то есть валюту для покупки. Также для строительства дороги нужен экскаватор».

По планам переселения на 1932 год в коммуну предполагалось переселить 1700 человек.

О положении в Соцгородке узнаем также из писем иностранных граждан, переехавших в Биробиджан, («Трибуна» №14, май 1932 года):

«Дорогой товарищ Л.

Если бы Вам удалось послать машины, которые нам нужны, это было бы для нас большим приобретением. Мы уже обратились официально в Гамбургский и Берлинский ОЗЕТ. Ты, со своей стороны, конечно, сделаешь все, чтобы это дело уладить.

Мы получили майский номер ваших «Известий». В нем есть фотография с подписью: «Литовские рабочие в Биробиджане». Эту фотографию сделала Гина Медем, когда она у нас была. Фотография представляет наше деревообрабатывающее производство. На ней запечатлены также товарищи из немецкой группы, а именно Ганефт, Вин и Френкель. Мы просим исправить это в ближайшем номере «Листка».

А теперь я хочу написать тебе о нашем положении.

На днях к нам приехали 14 товарищей из Лос-Анжелеса, все семейные, в возрасте от 35 до 50 лет. Большинство приехало без семей – они хотят их выписать позже. Они привезли много рабочих инструментов, разных машин для нашего строительства, и мы надеемся с помощью этих машин ускорить темпы строительных работ.

Недавно у нас было общее собрание рабочих, на котором обсуждался план строительства на 1932 год. Было решено: построить три двухэтажных дома, 5 коровников, 5 свинарников, детский сад, больницу, затем электромеханическую мастерскую-школу, кирпичный завод (дома теперь должны строиться из камня) и столярную фабрику. В дальнейшем предполагается организовать большой пошивочный комбинат (картель). Таков, кратко, наш рабочий план на 1932 год.

Межрабпом в Советском Союзе, а также и у нас в коммуне пользуется большой популярностью. Мы все организовали добровольный сбор для наших товарищей межрабпомовцев за границей. В ближайшее время мы созовем для этой цели специальное собрание и очень хотели бы установить постоянную связь с братскими организациями Межрабпома в Гамбурге. Пришлите нам одобрение Межрабпома.

Наша культурная работа, направляемая рабочим советом, многосторонняя. Ею занимаются различные секции, а именно: театральная, художественная, проводим вечерние курсы для двух групп, работает женский актив, который руководит детской кухней и обустройством детского сада. Наш красный уголок открыт каждый день. В нем много русских и еврейских журналов. Я не знал, что русская пресса так разнообразна по тематике. Выходят, например, журнал, посвященный радио, газеты по вопросам театра и литературы.

У нас скоро будет большой радиоаппарат, и мы сможем поймать немецкую волну.

С большим воодушевлением здесь праздновалась годовщина Красной Армии, а в особенности ее десятилетнее существование на Дальнем Востоке. Представь себе нашу радость, когда наши ребятишки прибежали с криком: «Автомобили едут!». Мы сначала не поверили – от-

куда взяться автомобилям в тайге? Но скоро услышали знакомые гудки. И вот они здесь – наши шефы из Хабаровского гарнизона Красной Армии, которые захотели нас удивить. На грузовиках, с музыкой явились они к нам, и мы долго радовались этому пролетарскому празднику.

Вот так мы живем здесь, в Биробиджане.

С пролетарским приветом от всех товарищей.

Х. Генефт».

«Центральному представительству ОЗЕТа в Берлине.

Дорогие товарищи!

Шлем вам сердечный привет от имени первой рабочей группы из Германии в Биробиджане. Мы находимся в коммуне «Икор», которая в 1933 г. должна стать социалистическим городком на Дальнем Востоке.

Наша коммуна должна в этом году планомерно принять 1000 переселенцев, преимущественно из-за границы.

План строительства на 1932 год таков: устройство электрической станции, постройка нескольких животноводческих помещений, трех двухэтажных домов со всеми удобствами, больницы. Принятый план вполне реален, но нам не хватает техники. Больше всего не хватает деревообрабатывающей и буровой машины. Дровесины у нас достаточно.

Мы просим вас, товарищи, сделать все, чтобы как можно скорее доставить нам названные машины. Этим вы нам окажете большую услугу и поможете планомерно выполнить в этом году строительную работу.

С пролетарским приветом от имени первой еврейской рабочей группы из Германии в Биробиджане.

Х. Генефт».

Реалии немного отличаются от планов. Соцгородок 1932 года выглядел примерно так: на самой вершине сопки, стояла часовенка, а у подножия дом Балаганского, небольшие жилые строения на берегу залива для его работников и конюшня. В бараке на возвышенности жили четверо

китайцев (в поселке его называли «китайским», это название осталось за ним навсегда, пока этот барак не снесли в конце 1960-х годов). Китайцы сезонно занимались рубкой леса и обжигом кирпича, у них даже был свой маленький цех.

Подробности о Балаганском (предположительно его звали Григорий) помог узнать Алексей Зайцев, учитель школы Волочаевка-1, руководитель школьного музея, энтузиаст, изучающий историю Смидовичского района ЕАО.

По воспоминаниям старожилов Волочаевки, сопка, на которой начал строиться новый город, имела местное тунгусо-маньчжурское название Юнь-Карани, где «карани» это «гора», а перевод первой части неизвестен. Позже ее назвали по имени Балаганского, так же как залив и протоку, которая соединяла залив у сопки и русло Волочаевской протоки, впадавшей в Старую Тунгуску.

Прибыл Балаганский на это место в конце XIX – начале XX века. Имел жену и двоих детей. Был человеком зажиточным. Держал лошадей, несколько коров, много птицы, имел невод для ловли кеты и другие рыболовные снасти. Была у него стая злых собак. Летом на лодке, а зимой на санях по Тунгуске возил в Хабаровск на продажу молочные изделия, яйца, птицу, рыбу и другие продукты питания. На южном склоне сопки имел десятины три разработанной и хорошо удобренной земли.

Кету вылавливал и заготавливал десятками тысяч штук, солил, мало-сольную вялил для себя и на продажу, а зубатку последнего хода сушил для своей своры собак.

С приездом первых жителей Волочаевки он собрал две артели рыбаков. На Тунгуске, рядом с сопкой, где жил, организовал лов кеты на кабальных условиях, но все же именно это помогло новоселам выжить и закрепиться на месте. Неводами Балаганского при большом ходе кеты на одной тоне вылавливали по 800–1000 иногда по 1500 штук кеты. В результате 12 семей волочаевцев смогли обеспечить себя соленой и вяленой кетой.

Рыбачил Балаганский на косе Желтый Яр – в восьми верстах от сопки. Лучшим неводом рыбачил сам со своей артелью, старшим в которой был волочаевец Григорий Павлович Кошель.

Позже на таких же кабальных условиях Балаганский нанимал переселенцев, которые основали деревню Архангеловку в 10–12 км выше по Тунгуске от сопки Балаганского. Он увеличил посадки картофеля, стал запасать в два раза больше соли. Первые икоровцы также были вынуждены втридорога покупать у него продукты. Волочаевцы называли его между собой господином рыбопромышленником, жадным и мироедом. Тот же, в свою очередь, считал жителей деревни голодранцами, босяками и смутьянами.

Во время Гражданской войны, Волочаевского сражения многие жители ушли за сопку Балаганского. Эту территорию занимали то белые, то партизаны Шевчука. О судьбе самого Балаганского и его семьи далее практически ничего не известно. В базах данных найдена информация о двух Балаганских, скорее всего, сыне и внуке того самого Балаганского, первопоселенца Соцгородка.

Балаганский Илья Григорьевич. Родился в 1881 году в Хабаровске. Проживал в Биробиджанском районе, в селе Волочаевка, ДВК. Арестован ПП ОГПУ ДВК 20 января 1933 г. Обвинялся по ст. 58-10-14 УК РСФСР. Приговор – 10 лет концлагеря. Реабилитировали Илью Балаганского 7 сентября 1989 года по заключению Прокуратуры Хабаровского края по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. (Источник: Книга памяти Хабаровского края).

А на сайте «Память народа» находим такую информацию: Балаганский Петр Ильич, 1927 года рождения, проживал в Еврейской АО, Смидовичский район, ст. Волочаевка. Награжден орденом Отечественной войны II степени... Вполне возможно, что все это одна семья...

Но это историческое отступление, а мы вернемся в Соцгородок 1932 года. Увидим его глазами 12-летней девочки Рут, семья которой приехала в Соцгородок в августе 1931 года из Америки самостоятельно, без приглашения и визы, сев на корабль, направлявшийся в Японию. Ее старшая сестра Мэри Ледер позже написала книгу воспоминаний «Моя жизнь в сталинской России». Интервью с Рут, уже пожилой женщиной, записал и любезно предоставил нам Николай Бородулин (Нью-Йорк). Хотя семья Ледер была в Соцгородке не-

полный год, впечатления были так сильны, что даже через многие десятилетия Рут помнила подробности той жизни и свои детские эмоции.

Что запомнилось ей? Дорога из Владивостока в Тихонькую, а оттуда в Волочаевку в товарном вагоне. Дальше на Сопку (так в обиходе называют Соцгородок до настоящего времени) – на тракторе и лодке, под палящим солнцем и в сопровождении полчищ комаров. Жизнь в комнатке недостроенного дома, сколоченного из грубых досок, в щели между ними видна улица и попадает пыль, а с потолка падают клопы. Вокруг лес, могут быть волки, поэтому ночью ни в коем случае нельзя выходить в туалет, который довольно далеко и в котором жуткая грязь. Общая столовая с плохой пищей, совсем не приспособленной для детей. А к весне нехватка даже ее и сильный голод. Острая нехватка корма для животных. Лошаденка так истощена, что не в состоянии добрести до Волочаевки за поступающими товарами. Первые неудачные попытки коммунаров вырыть колодец привели к тому, что попали в слой глины, воду невозможно было пить. Пришлось привозить ее из соседней Даниловки, которая была совсем не рада нищим голодным соседям, но вынуждена была делиться с ними водой и продуктами. Рут рассказывала: «Пока мы были там, заложили еще один фундамент дома, из двух крыльев, но не было материалов, чтобы закончить его. Не было даже гвоздей. Мы, дети, были поставлены вытаскивать использованные гвозди, так я научилась пользоваться инструментами. Вытащенные гвозди мы выпрямляли с помощью молотков. Таким образом мы наполнили пару бочонков».

В Соцгородке было всего несколько детей: в еврейских семьях из Германии и Аргентины, и в русских семьях, ходили слухи, раскулаченных и высланных принудительно. Все говорили на разных языках – идише, английском, русском. Детей нужно было учить. Сначала пытались отвести для занятий угол столовой, но дети там мерзли. Тогда решили, что учиться они будут в соседней Даниловке, где была настоящая школа. Но из этого ничего не вышло. Трудно было добираться, дети не ладили между собой, пришлось их вернуть на Сопку.

Весной 1932 года начало приезжать пополнение, появились новые семьи с детьми. 14 июля газета «Эмес» пишет об остром голоде среди

еврейских поселенцев и отмечает, что особо тяжелое положение в поселках Бира, Икор, Биракан и Николаевка. Чиновники там отказываются принимать новых поселенцев, не предоставляют им жилье, и некоторые вынуждены спать на открытом воздухе. Даже люди работающие получают оплату, недостаточную для удовлетворения минимальных потребностей. Косвенно это подтверждают результаты проверки, опубликованные в №13 журнала «Трибуна» за 1932 год. В заметке «Срочно устранить недочеты» указано:

«Обследовав ход строительства в социалистическом городке «Икор», бригада биробиджанской районной РКИ отметила слабые темпы строительства. План строительства 1931 г. выполнен на 35 процентов. К текущему строительному сезону городок тоже недостаточно подготовлен. Вместо необходимых 10 000 кубометров строительного материала заготовлено всего 4000».

Проверяющие указывают на плохой прием новых переселенцев. Например, 14 квалифицированных рабочих, прибывших недавно из Америки, не обеспечены ни жильем, ни продуктами. Обнаружены также серьезные недочеты в бытовых условиях Соцгородка: общественное питание, распределение продуктов через систему потребкооперации, медицинское обслуживание и т. д. – оставляет желать лучшего.

Районной контрольной комиссии и РКИ предложено: *«в течение пяти дней обеспечить жильем американских переселенцев, обязать культкомиссию развернуть широкую культурную работу, наладить работу красного уголка и библиотеки, к июлю закончить строительство дома на 100 квартир. Просить краевой «Потребсоюз» улучшить снабжение Соцгородка продуктами, открыть медицинский пункт, баню и прачечную, улучшить работу столовой, расследовать причины трений между коммунарами и наемными рабочими, изжить обезличку, возложить на каждого коммунара ответственность за порученную ему работу».*

Комиссия выполнила свою работу, уехала, оставив рекомендации,

а проблемы так и не были устранены. Если учесть, что всего год назад первая группа аргентинских переселенцев была завезена на совершенно необжитое место и начала здесь с того, что корчевала лес и строила жилье, можно понять все проблемы и трения в коммуне. Люди, сами существовавшие в труднейших условиях, физически не могли обеспечить приезжающих жильем. Проблема питания стояла не менее остро, все продукты в новый городок завозились. База коммуны находилась на станции Волочаевка-1. Грузы, поставлявшиеся по железной дороге, хранились там. Дорог не было, в период разлива и проливных дождей подвоз продуктов становился практически невозможным. Ситуация немного улучшалась, когда у коммунаров появилась лодка. Доски для нее сняли с крыши одного из домов. А изготовление лодки и перевозка на

ней продуктов – заслуга и обязанность моего деда Исроэля Пинзура. В помощниках у него были старшие сыновья Борис и Костя.

В коммуне была своя свиноферма, это говорит о том, что коммунары были не сильно обременены религиозными предрассудками. Огромного хряка прозвали Чемберлен. Позже ферму перевели в «Икор» (современную Камышовку).

Была в поселке хорошая техническая база – американцы привезли

трактор «Фордзон», два экскаватора, оборудование для мебельной фабрики и электростанции. Не только техника, но и любая мелочь в коммуне – инструменты, толь, проволока, гвозди, посуда для столовой, оборудование для медпункта – была куплена на деньги, собранные по всему миру и присланные зарубежными организациями, в основном американским ИКОРом.

С 1931 года работала шпалорезка (тоже дар ИКОРа), в 1932 году начали выпускать табуретки для нужд коммуны. Завскладом был Илья Блехерман. На шпалорезке позже стала работать Хая Ривка Пензур.

Икоровцы. Фото из архива Л. Соловьевой.

Вот что писал о Соцгородке журнал «Трибуна» в 1932 году (№ 27):

«В семи верстах от железной дороги, на небольшой сопке раскинулась коммуна «Икор», сейчас переименованная в Соцгородок.

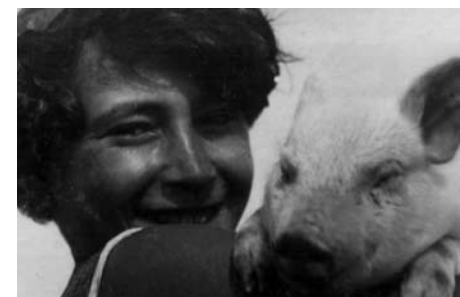
Еще четыре года назад здесь была густая таежная заросль – сплошная тайга!.. Но вот приезжает группа еврейских переселенцев, принимается за дело, начинает осушать, корчевать тайгу, строить временное жилье, преодолевая нечеловеческие трудности...»

«В настоящее время в коммуне живут 370 взрослых и 140 детей. Коммуна неизмеримо быстро разрастается. Стройка идет большевистскими темпами. Расширяется ее живой и мертвый инвентарь. В настоящее время в коммуне имеется 170 коров. Коровник оборудован по последнему слову техники. В стойлах у коров чище, чем в доме местечкового еврея. Имеется 70 телят (25 двухгодичных, 45 – 1932 г.р.), 80 свиней. Свиноферма тоже очень хорошо оборудована. В нем не менее чисто, чем в коровнике.

Построена столярная фабрика, где изготавливают лодки, стулья и пр. Установлено 2 лесопильных станка. Работа в коммуне кипит, идет ударная стройка новой электростанции, мощность которой – 250 киловатт в час.

Коммунары (особенно переселенцы-иностранцы) буквально дерутся за выполнение намеченного плана.

В 1932 г. закончилось возведение двухэтажного дома, в котором разместилось около 30 семей. Рядом с ним

Лея Абрамская. Фотография из Харьковского альбома. Областной краеведческий музей ЕАО.

строится второй дом, который будет в два раза больше. Кроме того, есть ассигнования на постройку трех новых больших домов для вновь прибывающих переселенцев.

Сметой предусмотрено также расширение столярной фабрики (на ней будет занято до 500 рабочих), постройка нового коровника на 200 голов.

Бытовые условия коммунаров удовлетворительные. Питание в коммуне обобщественное, имеется хорошо оборудованная баня и механическая прачечная.

Растет и культура. Школа-пятилетка работает ударно. Заведующая школой – комсомолка, окончившая житомирский педтехникум, сумела организовать учебный процесс на должной высоте. Кроме того, она организовала пионеротряд. Ребята помогают коммунарам в их повседневной работе, участвуют в ликвидации неграмотности среди взрослых. Организована вечерняя школа на русском языке для взрослых переселенцев-иностранцев. Помимо этого, заведующая организовала индивидуальные занятия по русскому языку с некоторыми иностранными специалистами.

Работает хороший драмкружок. Ежемесячно выпускается стенгазета, широко вскрывающая недостатки в работе правления, партийной и комсомольской ячеек.

Великолепно оборудован красный уголок. Чисто, уютно, на столах газеты, книги, шашки, шахматы. На стенах портреты Ленина, Сталина, Маркса, Крупской и др. вождей – таков внешний вид уголка.

И все же в коммуне есть свои проблемы. Главные из них – транспорт. Имеются недочеты по линии работы среди иностранок, привлечения их к хозяйственной и общественной жизни коммуны».

Из письма американца Амрона, опубликованного в № 28 журнала «Трибуна» (ноябрь 1932 года):

«Большой перелом к лучшему произошел и в нашем

Соцгородке. Благодаря последней партии американцев и тому оборудованию, которое они привезли с собой, мы механизуем нашу работу, что, естественно, значительно ее облегчает и ускоряет. Сейчас мы заняты установкой привезенных лесопильных, столярных, слесарных и цементных машин.

Как только машины будут установлены, наши дела пойдут еще лучше. Вначале на машинах будут заняты человек 150, а в следующем году, когда фабрика будет расширена, на ней будут работать человек 700.

В текущем году значительно расширяется сельское хозяйство нашего городка – до 24 000 гектаров, 75 гектаров отводится под огороды. Значительно увеличится в этом году и наше стадо – до 300 коров и 300 свиней.

Самое большое препятствие на пути развития Соцгородка – это нехватка стройматериалов для домов. Не будь его, мы сумели бы принять гораздо большее количество переселенцев и тем самым разрешить вопрос о недостающей рабочей силе. Сейчас нам необходимо получить от вас моторную лодку, трактор и еще кое-какие принадлежности для улучшения нашего перевозочного транспорта. Чем скорее будут устранены препятствия на пути жилищного строительства, тем легче будут преодолены и остальные трудности. Перед нами большая задача – подготовиться к встрече тех американских и аргентинских товарищей, которые спешат к нам на помощь. Но самое главное – это жилье».

Итак, в начале тридцатых годов в строящемся поселке уже были две просеки-улицы. Одной из них поначалу присвоили имя Карла Маркса, а потом переименовали в улицу Чкалова. Здесь стояли два двухэтажных дома, стены которых были нафаршированы опилками. Это были первые строения, возведенные в Соцгородке в 1931 году иностранными коммунарами. Дома барачного типа были построены как общежития: с маленькими комнатами и общим длинным коридором. Во дворе дома

навес, служивший кухней. Было также несколько времянок и пекарня, построенная политическими заключенными.

Жили политзаключенные в двух бараках у подножия сопки. Они занимались строительством железной дороги Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре², известной как проект ВОЛК, который начался в 1932 году под руководством начальника Дальлага НКВД Т.Д. Дерибаса. Сам Терентий Дерибас не меньше десятка раз пешком обошел трассу от Волочаевки до Комсомольска, не чурался общаться с эсками, что помогало ему решать производственные задачи.

Так, одним из значительных сооружений был первый деревянный мост через Тунгуску. Когда выяснилось, что надежды на поступление металлоконструкций несбыточны, заключенный Каразин, инженер, осужденный по «шахтинскому» делу, предложил построить через реку деревянный мост. Он также участвовал в его проектировании. На постройку этого сооружения ушло двадцать тысяч кубометров отборной древесины, срочно заготовленной в районе Биры. Переход через Тунгуску длиной 1110 метров стал самым протяженным деревянным мостом в стране. Спустя 10 месяцев после начала строительства, 28 марта 1936 г., готовый мост принимала в эксплуатацию комиссия. При испытаниях это огромное сооружение дало осадку всего на 4 миллиметра – ровно в два раза меньше допустимого нормами. На торжественном собрании, посвященном окончанию строительства моста, Т.Д. Дерибас зачитал приказ наркома внутренних дел о досрочном освобождении и снижении сроков наказания сотням строителей моста, среди которых был и автор проекта Каразин. Многие из тех, кто освободился, остались на строительстве дороги в качестве вольнонаемных, чтобы продолжить строительство магистрали до Комсомольска.

Политические заключенные были в основном образованными, интеллигентными людьми. С жителями окрестных сел сосуществовали очень мирно,

² История строительства дороги очень интересна и трагична. На изысканиях в 1934 года погиб инженер Александр Григорьевич Литовко, в честь которого названа одна из станций Комсомольской железнодорожной ветки. На ее строительстве работали заключенные писатель Василий Ажаев и поэт Николай Заболоцкий.

не было случаев конфликтов и краж. Напротив, когда в не очень сытные времена в одной из семей потерялся поросенок, именно они нашли и вернули его хозяевам.

По рассказам моего отца, лишь однажды произошло недоразумение. Это случилось тогда, когда кто-то из местных повесил на дверь замок – а в то время никогда ничего не запиралось. Заключенные выразили свою обиду такому недоверию и попросили замок снять.

По воспоминаниям жительницы Даниловки Варвары Георгиевны Тлустенко, политические жили в ужасающих условиях, голодные, оборванные, руки всегда ободраны в кровь. Все работы – установка свай моста, укладка шпал и рельсов, забивание костылей и т.д. – велись вручную. Не было спецодежды, рукавиц-верхонок, инструментов. Семьи в колхозе тоже жили небогато, питались тем, что смогли заготовить и вырастить сами. Для поросят оставляли с осени мелкую картошку, ботву свеклы, моркови, верхний лист от капусты. В большой чугунок бросали все остатки еды, очистки от картошки, приготовленной на обед, и варили это месиво для поросят. «Поросячий» чугун выставляли в холодный коридор, чтобы остывал. Однажды ночью, когда все уже спали, хозяйка дома, услышав шорох, тихо открыла дверь. В коридоре стояли двое. Изможденные, в разорванных телогрейках, они жадно глотали пороссячью еду, хватая ее обеими руками из этого чугунка. Незнакомцы замерли на несколько мгновений, потом покачали головой: «не бойся». Женщина тихо закрыла дверь. Незванные пришельцы съели все и незаметно исчезли. На такие поступки заключенных мог толкнуть только голод. А вообще их не боялись, они не делали ничего плохого для населения.

В августе 1934 г. в письме наркому НКВД Г. Ягоде Дерибас отмечал следующее: отсутствие одежды (46 рубашек на 100 человек), постельного белья, кипяченой воды, рабочих инструментов и механизмов (на 5 тыс. человек 900 подборочных лопат и ни одной штыковой). Хлеб, вода и минтай, который засолили еще японцы в 1933 г., – это основная еда рабочих.

Позже за помощь заключенным местных жителей могли осудить на 10 лет как врагов народа. Во времена большого террора и Т.Д. Дерибас и И.А. Ардатов (его штаб находился в Соцгородке, он непосредственно руководил работами по строительству моста) были расстреляны, а с ними – практически все руководство Дальлага.

У Тунгуски у реки

Если жители Даниловки питались скудно, то для икоровцев с еще не налаженным хозяйством и бытом, не имеющих личного хозяйства, вопрос питания стоял катастрофически остро. Чтобы как-то решить его, они организовали рыболовецкую артель. В бригаду вошли крепкие парни – Аарон Литевский, Самуил Герзон, Илья Блехерман, Юдл Пищиц, Цанге, Яков Габай, недавно приехавший из Бердичева, всего 12 человек. Даже повара в бригаде были свои. К работе при необходимости привлекали и детей. К осенней путине райисполком выделил участок для ловли рыбы на Тунгуске под названием «Коса», длиной около 1 километра.

Коммунары расчистили русло реки от подтопленных бревен и коряг. Самым опытным рыбаком в коммуне оказался Исроэль Пинзур, которому приходилось заниматься рыбалкой еще в Белоруссии. Он единственный умел ловить, вялить, сохранять от порчи пойманную рыбу. Приготовили соль, бочки, ножи, все, что нужно для заготовки рыбы.

Дед подружился с Михолапом, участником Гражданской войны, который жил на другой стороне Тунгуски и возглавлял еще одну рыболовецкую бригаду. В бригаде у него работал Сапожников, который позже тоже переселился в Соцгородок. Михолап научил деда особенностям рыбалки на Тунгуске. Летом ловили белорыбицу, в путину – кету. Помощь оказывали жившие на берегах Тунгуски гольды и корейцы.

МосОЗЕТ прислал в дар коммуне рыболовецкие снасти. Позже, уже в 1937 году, коллектив комбината № 1 Московского областного отдела социального обеспечения послал рыболовецкой бригаде колхоза «Икор» шефский подарок – моторную лодку, намного облегчившую труд рыбаков. Рыбу разделявали и солили на месте, а по морозу вывозили и отправляли со станции Волочаевка-2. Моста еще не было, ветка Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре не действовала, но станция уже работала.

Начинание оказалось удачным. Слава о рыболовецкой бригаде дошла до самой Москвы. В журнале был напечатан очерк о рыбаках, а на фото красовался Исроэль Пинзур с неводом на плече.

Через 80 с лишним лет эта история получила продолжение. Мне

прислали эту фотографию, сохранившуюся в областном краеведческом музее ЕАО. Я впервые видела деда и с большим волнением вглядывалась в родные черты. А позже еще один подарок из прошлого. Эта же фотография на обложке одного из номеров журнала «Найлебн» за 1936 год, издававшегося в Америке на идише и английском языке. Дальше – больше, в журналах тех лет я обнаружила другие фотографии рыбаков «Икора».

Интересна и история с приобретением коммуной единственного на всю область руль-мотора. На одном из архивных фото я увидела Илью Блехермана – он был запечатлен на лодке с мотором. У меня даже не возникло сомнений, что это он, и родители в один голос утверждали то же самое. На фото подпись: «На реке Бире». Бросилась за помощью к его сыну – Исааку Ильичу (Изе). Тот подтвердил, да это Илья Исаакович.

А мой отец, Григорий Израилевич Пензур, рассказал нам о том, как коммунары поймали однажды огромного тайменя и отправили его с оказией в центр. В ответ получили подарок. Мотор был тяжеловат для лодки-самоделки, ее чуть притапливало. Но это не мешало с успехом его использовать, это был первый руль-мотор на всю округу. Как говорил сам Блехерман: «Я заведовал в коммуне плавсредствами, – добавляя потише, – а из плавсредств была одна лодка».

Косвенное подтверждение этой истории есть в очерке И. Добрушина о Первом съезде Советов в Биробиджане. Возможно, я ошибаюсь, но хочется думать, что описан именно этот случай:

«Через весь зал проплывает огромная, 15-пудовая рыбина, которую выловили колхозники рыбной артели и преподнесли в дар Первому съезду Советов. Десять человек несли на руках диковинную рыбу, уложив ее на пол возле трибуны – большое, трепыхавшееся, живое свидетельство несметных богатств этой земли».

Илья Блехерман на Тунгуске. Фото из Харьковского альбома. Областной краеведческий музей ЕАО.

С тех времен за протокой закрепилось название Пензуровская. В одной из статей прочитала, что коммунары обеспечивали себя рыбой и икрой. Судя по воспоминаниям коммунаров, поначалу так оно и было, но позже, по рассказам отца, все выловленное отправлялось в область. Даже сами рыбаки, если варили на рыбалке уху, делали это украдкой.

Кто строит Соцгородок

В начале февраля 1933 года в Биробиджане состоялась Конференция иностранных переселенцев. Материалы ее перевела с идиша Е. Сарашевская. Они весьма интересны, поэтому стоит познакомиться с тем, что касается Соцгородка. На этой конференции Соцгородок представляли товарищ Гуревич, переселенец из Америки и товарищ Пейсахович из Аргентины.

Из доклада тов. Янкеля Левина:

«Вот несколько характеристик иностранных переселенцев, которые принимают участие в строительстве Соцгородка:

«Г. (Джорж, Георгий) Коваль – юный американский «бой», учился на третьем курсе на инженера-электрика в университете в Яве. Вместе со своими родителями приехал в июле 1932 года в Биробиджан. Быстро акклиматизировался и привык к тяжелым условиям труда. Выполнял всю черную работу. Теперь работает в механической мастерской. Он не отступает ни перед какими трудностями! Готов сделать все для строительства Соцгородка.

Велел Хараш – родился в Польше. Переселился в Биробиджан из Аргентины в 1932 году. Квалифицированный столяр. 20 июля был выдвинут на ответственную хозяйственную должность в артели. Своим трудом может служить примером всем рабочим. Он везде первый. Принимает самое активное участие в общественной, культурной и политической жизни. Член правления, член культурной комиссии, производственной комиссии, рабкор газеты «Биробиджанер штерн». Принимает активное участие

в строительстве, не пропустил ни одного субботника. Бережет имущество артели как свое собственное. К Октябрьским праздникам был премирован книжкой ударника, грамотой и подарком. Кандидат в члены партии.

Шлезингер – немецкий рабочий. Приехал в Соцгородок в июле 1932 года. Выполняет любую черную работу. Надо заготовить сено для стада – Шлезингер едет на заготовку сена. Неожиданно случается наводнение, большая часть сена гибнет в воде, организуется бригада для поездки в совхоз Сун-Ят-Сен на заготовку соломы. Шлезингер – в составе бригады. Работает там несколько месяцев в крайне тяжелых условиях. Возвращается оттуда, отдыхает несколько дней, и тут вновь требуются люди на ликвидацию прорыва, и снова Шлезингер готов помочь. Нет такой работы, с которой он не смог бы справиться.

И. Лерер – переселенец из Аргентины. Приехал в 1931 году с первой группой. Один из первых строителей Соцгородка. Корчевал лес, копал канавы, работал на дорогах несмотря на то, что он квалифицированный столяр. Сейчас работает на мебельной фабрике. Был премирован за хорошую работу.

И еще несколько характеристик переселенцев:

Блюма Капланская – родилась в Польше. Принимала участие в революционном движении, за что была приговорена к нескольким годам тюремного заключения. Эмигрировала во Францию, оттуда переехала в Биробиджан. Сначала работала на кухне. Когда коммунары выезжают на ловлю рыбы, вместе с ними едет товарищ Капланская. Проявляет большой интерес к хозяйственному строительству Соцгородка.

Зельда Гуревич – приехала из Америки. Сразу же стала заведующей яслями и детской кухней. День и ночь трудится, чтобы приготовить еду для малышей, следит за

уютом и теплом в помещении яслей. Была премирована как ударница.

Авром Фридман – приехал из Уругвая вместе с первой аргентинской группой в 1931 году. Сразу же поселился в Соцгородке. Он никогда до этого не видел тайгу, никогда не работал на заготовке древесины, но когда коммуна мобилизовала его на заготовку древесины, он показал себя одним из лучших. Начальник лесоучастка отзывается о Фридмане как об одном из своих лучших рабочих, ударнике. Своим трудом он служит примером для остальных».

Из доклада товарища Столова:

«Кто строит Соцгородок? Что там было еще полгода назад и что там теперь? Я был там полгода назад и вновь побывал недавно, и заявляю, что сейчас Соцгородок производит впечатление здорового хозяйства. Строительство, со всеми его трудностями, вынесли на своих плечах иностранные переселенцы. Это они построили светлый, красивый жилой дом. То же самое относится и к сельскому хозяйству, рыболовству и другим сферам деятельности – везде чувствуется вклад иностранных переселенцев. Люди, которые еще вчера и понятия не имели, как ловить рыбу, которые покупали ее на рынке, сейчас ловят ее своими руками, как заправские рыбаки».

Слово делегатам конференции – первостроителям Соцгородка.

Капланская:

«Докладчик много говорил о плохом отношении к работе и сохранении общественного имущества. Очень трудно переделать человека – отучить его от того, что укоренялось в сознании на протяжении сотен лет. Это возможно сделать, только если начать система-

тическую просветительскую работу. Тогда поднимается на высокий уровень сознательность рабочего. А у нас культработа практически нигде не ведется. Газеты к нам доходят поздно, библиотека маленькая. Недостаёт литературы для написания реферата. Нужно для каждого населенного пункта назначить ответственного культработника, который должен систематически приезжать туда с лекциями.

Необходимо также улучшить бытовые условия переселенцев. Нужно хотя бы минимально устроить их быт. Когда мы приехали сюда, мы три месяца спали без матрацев, жили в неосвещаемых комнатах. Неужели трудно было приготовить лампы и другие необходимые для нас вещи? Виноватое в этом только районное руководство...».

Лейсахович:

«Когда первая аргентинская группа прибыла в Соцгородок, там еще ничего не было. Нам предстояло рубить и корчевать деревья. Ночевали во временках. Но мы не испугались трудностей, и нужно сказать, что за небольшим исключением аргентинские переселенцы оправдали доверие, оказанное нам. Почему? Хочу рассказать об одном из строителей Соцгородка: когда он обратился в «Прокор» и попросил товарища Линковского послать его в Биробиджан, Линковский принял его отговаривать: «У тебя дети слабые, они не вынесут биробиджанского климата. Жить там негде, подожди, пока построят дома». В ответ на это товарищ Линковский услышал короткую фразу: «Я хочу вырваться от капиталистов и готов к любым трудностям».

Но нужно сказать и о том, что присылают к нам и других товарищей, которые никак не желают забыть о прелестях зарубежной жизни. Таких сюда посылать не следует. Строительство Биробиджана нуждается в классовой

сознательных трудящихся, которые интересуются тем, что происходит, которые осознают наши трудности. Другие здесь не нужны.

Не всегда рабочая сила иностранных переселенцев используется правильно. Вторую группу аргентинских переселенцев в 1932 году послали работать в Покровку, в то время как в Покровке на них не рассчитывали и в их помощи не нуждались. В результате группа распалась. В будущем нужно избегать таких ситуаций.

Среди иностранцев есть много людей, рассуждающих по-мещански. Если они встречаются с малейшими трудностями, то не могут найти в себе силы преодолеть их, начинают нервничать. Одного такого переселенца я спросил: «Товарищ, ты уже забыл то время, когда голодал за рубежом, не имея ни цента в кармане? Тогда ты тоже так нервничал? Ты что, не можешь пережить пару трудных дней?» В ответ я услышал: «За рубежом я голодал, но здесь, в Советском Союзе, я не хочу опять страдать от этого». Разве это не мещанские рассуждения?

Нам здесь нужны не иностранные мещане, а трудящиеся, которые, не должны забывать о положении, в котором они находились в капиталистических странах, которые могут вынести все трудности, как их выносит рабочий класс Советского Союза».

Блюмек:

«Среди иностранных поселенцев есть много таких, которые в капиталистических странах годами были безработными, сидели в тюрьмах и страдали от других «свобод» капиталистического режима. Приехав в Советский Союз, они хотят получать образование, лечиться на лучших курортах за государственный счет и т.д. Они хотят пользоваться всеми привилегиями, которые у рабочих Советского Союза появились благодаря Октябрьской революции. Но о трудностях, с которыми сталкиваются трудящиеся Со-

ветского Союза, они не хотят знать. Когда дело касается привилегий, тут они стопроцентные советские граждане, когда же дело касается преодоления трудностей, они становятся иностранцами. Не правы те иностранные товарищи, которые считают, что должны получить привилегии только потому, что они иностранцы.

Нужно гнать поганой метлой тех иностранцев, которые спекулируют на наших трудностях. В Соцгородок один день не привезли хлеб. Конечно, это плохо. Но тут же начались недовольные высказывания: «Я работать не могу, потому что сегодня не будет хлеба». Что это, как не спекуляция на наших трудностях? Или другой случай: Вейнтройб из Детройта – бывший мелкий торговец – продавал свиное сало по 45 рублей за килограмм, конфеты – по рублю за штуку, теплые шапки – по 30 рублей за штуку. Мы осудили этого коммунара на общественном суде и решили выгнать его из Соцгородка.

Однако нужно сказать, что таких спекулянтов среди иностранных переселенцев незначительное меньшинство. Большая часть вместе с поселенцами из Советского Союза являются активными участниками социалистического строительства. Это касается переселенцев из всех стран. В каждой группе есть хорошие и плохие, бывшие рабочие и бывшие мастера, теперешние ударники и теперешние бездельники.

Считаю, что в каждом населенном пункте надо усилить политическую воспитательную работу, с помощью которой мы оградим здоровую часть иностранных переселенцев от враждебного влияния».

Но при всей самоотверженности первостроителей отток переселенцев был большой, люди, столкнувшись с такими невероятными трудностями, правдами и неправдами уезжали. Их объявляли дезертирами и чуть ли не врагами.

И пусть на конференции их имена прозвучали в «черном» списке, у нас все же есть возможность восстановить, кто некоторое время жил в Соцго-

родке. Протицируем докладчика:

Меклер – из Америки. Имеет жену и ребенка. В Америке был подрядчиком, имел собственный дом. Не смог найти для себя подходящую работу.

Шерер – из Америки. Холост. В Нью-Йорке был снабженцем. Поставлял окна и двери на стройки. В Лос-Анджелесе имел собственный автомобиль и развозил на нем фрукты.

Фельдман – из Америки. Холост. Был там лавочником, но обанкротился и стал рабочим на швейной фабрике. Какое-то время был штрейкбрехером. Позже присоединился к левым.

Баумерт – из Америки, был там мелким торговцем. Имел в Америке собственный дом, перед отъездом в Советский Союз продал его».

Геллер – американец. Имел в Америке собственное кустарное предприятие и магазин. Тоже имел «пару рублей».

Свед – американец. Семейный, но приехал без семьи. Занятие – снабженец строительными материалами.

Концевой – американец. В Америке держал с компаньоном мастерскую по производству окон и дверей.

Розенблат – американец. Приехал без семьи. В Америке был кантором и торговцем. Здесь работать не хотел.

Но такие составляют небольшую часть иностранных переселенцев».

В № 11 журнала «Трибуна» за 1933 год упоминается Фани Локан, переселенка 1928 года, одна из основателей коммуны «Икор», трактористка-ударница, бригадир, мечтающая переселиться за руль автомобиля, и тов. Фридман – переселенец из Аргентины, бригадир на сенокосе. «От зари до поздней ночи он работает, косит, скирдует, ободряет бригаду, спит всего несколько часов в сутки, и снова на сенокосе. Он помнит трудности, пережитые «Икором» и Соцгородком, на своей же шкуре их испытал. Он знает, что до окончательного слияния их в один мощный колхозный организм еще будет немало испытаний. Он готов на

все. Он – один из тех активистов-ударников, на которых уверенно и спокойно опирается партийная организация и правление колхоза».

Подъемы и падения

Основной отток переселенцев-иностранцев приходится на 1933 год, многие из них, разочарованные в своих надеждах, вернулись на родину или переехали в другие, более благополучные места. Часть коммунаров уехала на учебу, были и такие, кто завербовался на строительство метрополитена. Процесс так называемого «обратничества» был очень силен, возвращалось не менее половины переселенцев. Главная причина тому – голод 1933 года, охвативший всю область, бытовая неустроенность, отсутствие жилья. Иностранцы, не имеющие гражданства, уезжали в Москву, где ОЗЕТ всячески пытался не допустить их выезда за рубеж и тем самым дискредитировать саму идею Биробиджана.

В архиве ОЗЕТа хранятся документы, подтверждающие это и помогающие восстановить имена иностранных переселенцев. Например, просьбу о предоставлении советского гражданства подали палестинцы гр. Головей М.Э. с семьей (жена и ребенок), работавший в коммуне «Икор» с октября 1932 по июль 1933 года, и гр. Пинкус из Уругвая, работавший с августа 1932 по август 1933 года.

Американец Погребницкий В.Л. с женой Погребницкой Р.Д. и детьми Питером, Рабиной и Гити приехал в том же 1932-м и работал в школе Соцгородка пионервожатым, учителем ИЗО, физкультуры, а с марта 1933-го на полевых работах. Работал ударно, справку о чем подписал зам. председателя коммуны Карман. Таким образом, утверждения о том, что коммуну покидают только лодыри, не совсем справедливы.

К концу 1933 года, если судить по бодрым газетным отчетам, положение немного выправляется: «Колхоз «Икор», находившийся долгое время в глубоком прорыве, добился за последний год определенных успехов. «Икор» снял и обмолотил 28 га овса и 7,5 га гречихи, заготовил 30 га картофеля и др. овощей, построил овощехранилище на 200 тонн. Колхоз выполнил годовой план по заготовке зерновых культур, семян и по воз-

вращению семсуды. Натуроплата МТС полностью внесена. «Икор» сдал государству 51 тонну картофеля.

В последнее время наметился значительный перелом в закреплении переселенцев. Колхозу удалось освободиться от лодырей, симулянтов и чуждого элемента. Оставшиеся в колхозе преданные соцстроительству колхозники уверенно идут к зажиточной жизни. Колхоз приступил к распределению доходов по трудодням. План зяби перевыполнен. Вместо 50 поднято 77 га». («Трибуна», № 12, 1933 год).

Но 1933-1934 годы оказались очень трудными для коммуны. Так, в 1933 году она должна была принять 500 иностранных коммунистов с семьями, однако в «Икор» влилось чуть более 10 семей. Очень показательное, что если в 1932 году в Соцгородке работает еврейский детский сад, в котором 35 детей, да плюс к этому 22 ребенка в «Икоре» (данные из материалов ГА ЕАО), то в 1934 году в детском саду Соцгородка остается всего 12 воспитанников. Правда, работает еще начальная школа, в которой есть четыре класса. В постановлении III пленума облисполкома, проходившего с 30 июня по 2 июля 1935 года, райисполкому предписывалось отвести соответствующее здание для вновь открывающейся школы в Соцгородке, отремонтировав его до 10 августа. Обллесхозу – изготовить мебель, учебные пособия, а облпотребсоюзу завезти годовой запас тетрадей, ручек, перьев, карандашей, мела, учебники. Заготовить и завезти на места необходимое количество одежды и обуви для детей и учителей, керосин для школ и учителей, продукты для горячих завтраков.

В 1935-1936 учебном году обучаются два комплекта начальной школы и один комплект неполной средней школы. Преподавание ведется на идише.

В 1934 году уникальное товарищество «Икор-Соцгородок» распалось. Было решено для спасения коммуны «Икор» сконцентрировать все силы в одном месте, отказавшись от планов построения Социалистического города и, собственно, от устава коммуны, где общими были работа и еда.

На базе «Икора» создавался колхоз с совершенно другим типом распределения – каждому коммунару согласно заработанным трудодням. Председателем на общем собрании был выбран аргентинец Иосиф Форер. Хозяйство он принял в совершенно разрушенном состоянии, не

все были довольны новыми требованиями, начались склоки и взаимные упреки, люди продолжали разъезжаться.

В 1934 году был сорван план мелиоративных работ, проводимых Мелиовхозом, вместо 800 га было сдано всего 100, чем фактически был сорван план расширения посевов, что очень остро сказалось на колхозе «Икор», который к тому же не выполнил план раскорчевки под посевы. Но усилия по реорганизации «Икора» не прошли даром. Жесткие экономия, дисциплина, тяжелейшая работа на всех участках дали свои плоды. Зимовку пережили без потерь скота. На первом слете видных колхозников и ударников ЕАО, проходившем в Биробиджане 3-4 июля 1934 года, отмечено, что отстававший в прошлом колхоз «Икор» вышел в передовые, там же ставится в пример другим великолепное состояние лошадей в «Икоре».

Среди знатных людей области – ударница колхоза, переселенка из Украины Нина Шейнфельд, получившая персональное приглашение на краевой слет колхозников-ударников. Она награждена ножной швейной машиной. Нина (Нехама) – бригадир полеводо-ударно организовала работу своей бригады, состоявшей из 30 человек. За ударно и хорошо проведенный сев колхоз был занесен на краевую почетную доску. К 26 августа колхоз «Икор» закончил уборку зерновых, сняв по 8,6 центнера с гектара. Убрали засеянные 22 га картофеля. Вернули семсуду и расплатились с МТС. Подготовили зябь. Рыболовецкая бригада колхоза неплохо провела осенний лов кеты.

К концу года смогли выплатить на каждый заработанный трудодень кроме овощей по 1 кг пшеницы, 5 кг картофеля, 3 рубля 13 копеек деньгами. Вскоре колхоз вышел в передовые и стал занимать по своим показателям второе место в области после Валдгейма.

Отмечалось, что не совсем благополучно обстоят дела на молочной ферме, а примитивный фельдшерский пункт до сих пор не превращен во врачебный, как это планировалось, нет врача, медицинское имущество остается невостребованным.

Д. Маневич в газете «Биробиджанская звезда» писал в 1935 году:

«Колхоз «Икор» еще до прошлого года был слабым хозяйством, с 1935 года он стал быстро развиваться. Теперь в колхозе уже есть две животноводческие рентабельные

фермы.... Не в пример прошлым годам переселенцы закрепляются, прибывают новые, возвращаются и некоторые из тех, кто оставил в свое время колхоз.... Посевная площадь колхоза увеличивается. В нынешнем году будет поднято 300 га целины. К севу колхоз подготовился своевременно. Семена засыпаны, тракторы колхоз получает от новой Биробиджанской МТС. Для лошадей заготовлено сено на все лето. Колхозные поля полностью обеспечены удобрением. Приступили также к оборудованию парникового хозяйства.... Молодой колхоз стал передовым».

Говорилось в статье и о председателе:

«Иосиф Форер еще молод, полон сил. Жена его тоже хорошая работница. Вначале она работала в поле, затем заведовала яслями... Он и его жена – ударники колхозных полей, участники областного слета стахановцев, премированы...

За время, что Форер руководит колхозом, там построены школа, детские площадки, организована библиотека, выписываются газеты... Вскоре будет проведено радио».

С фамилией передового председателя нам еще предстоит встретиться на страницах этой книги.

После распада коммуны в 1934 году в Соцгородке оставалось несколько семей. Среди них – Блехерманы, Пензур, Масловы, Гурские.

Оставшиеся в Соцгородке мой дед Исроэль Пензур и Илья Блехерман первое время ездили работать в колхоз «Икор». Дед заготавливал из тальника колышки для подвязки рассады. Семья Пензур переехала ближе к реке, как тогда говорили, на фалангу, в старый домик, в котором когда-то жили работники Балаганского. В этом доме, уже перестроенном, позже жила Фаня Пензур (Горинштейн в замужестве) и доживала свой век Хая-Ривка.

Дед с икоровцами заготавливал сено на Пензуровских угодьях, которое потом перевозили в «Икор». За перевозку отвечал самый опытный и образованный Шая Коваль, сено перетягивали с помощью трактора

через реку. Еще дед работал как перевозчик на сенокосные угодья, а когда его не было дома, это становилось обязанностью его детей. Икоровцы с удовольствием заглядывали в гостеприимный дом Пензура – отдохнуть, попить чайку, угоститься крепким табаком, который он сам и выращивал.

В газете «Биробиджанская звезда» находим, что 10 марта 1935 года начато строительство мебельной фабрики в колхозе «Икор», значит, административно «Икор» и Соцгородок тогда еще составляли единое целое. Уже 7 мая, в день образования области, должен состояться пуск новой мебельной фабрики. В статье Н. Сухолитно «Икор». Первая фабрика красивой мебели» читаем, что открытие фабрики состоялось на 12 дней раньше срока, а именно 25 апреля.

«Это результат ударной работы рабочего коллектива. Квалифицированные слесари, электрик, моторист и специалисты с киркой и лопатой в руках вместе с чернорабочими строили свою рабочую фабрику. Не было электрооборудования, но электрик тов. Лиськович не растерялся – из обломков и старья сделал электропроводку... Фабрика «Икор» выпустит в этом году продукции на 250 тысяч рублей. В первую очередь будут выпускаться славянские плательные шкафы, кровати, раздвижные столы и другая высококачественная мебель. Фабрика механизирована».

Все оборудование – американское, присланное ИКОРом. Далее, в этой же статье пишется о том, что оборудована мастерская по лозоплетению, которая должна выпускать легкую плетеную мебель, детские

Циля Лурье. Фото из альманаха «Трибуна еврейской общественности» (№8, 1937 год).

коляски, корзины, благо на берегах Тунгуски достаточно сырья. Работать под наблюдением товарища Ситкина на ней должны были жены рабочих и подростки. По воспоминаниям отца, премудростям плетения учил переселенцев Мошкович. Много позже, на обложке одного из выпусков «Трибуны» за 1937 год мы обнаружили фотографию молодой красавицы с плетеной корзиной в руках. Это была наша соседка и бабушкина подруга Циля Лурье, которая работала в этой артели.

Тогда же была оборудована механическая мастерская с токарным станком по металлу и электрическими сверлами. Еще в статье говорилось:

«Оборудован клуб со сценой, налаживается библиотека... День годовщины ЕАО ознаменуется также открытием радиостанции. Сейчас ждут приезда новых рабочих-переселенцев».

В 1935 году в области проводилась проверка партийных документов – говоря простым языком, чистка. В сводке об итогах проверки, утвержденной бюро обкома 6 октября 1935 года (Иерусалимский архив Ф-1 П, Оп-1, Д-9, Л-33), упоминается и Соцгородок:

«Имеют место случаи потери бдительности отдельных коммунистов в период проверки партийных документов. Тов. Ласкер – член ВКП(б) – бывший председатель мебельной фабрики «Икор» принял на работу афериста, пытавшегося разложить производство».

В третьем номере журнала «Трибуна» за 1936 год читаем информацию о том, что в это время мебельной фабрикой «Икор» руководит переселенец из Одессы т. Райгородецкий.

В этом же году проводится основательная проверка работы фабрики, по ее результатам составляется докладная записка «По вопросу о состоянии мебельной фабрики промартели «Икор».

В документе отмечено: несмотря на то, что фабрика имеет самое передовое оборудование, работы на ней осуществляются в основном вручную. Всего выпущено в 1935 году мебели на 150 000 рублей. Стоимость производства мебели высокая, его можно существенно удешевить. По самым грубым подсчетам, фабрика может в квартал выпускать мебели на 250 000 рублей, значительно снизив цены.

«Для этого нужно перестроить технологический процесс, построить сушилку, организовать склад деталей с запасом не менее чем на 5 дней работы, организовать стахановское движение».

На фабрике есть в наличии локомобиль на 30 л.с., две динамомашины, пилы циркулярная, две ленточные и подвесная маятниковая. Станки фуговочные, рейсмусовые, фрейзерный, шипорезный, торцовочный, сверлильные, гонторезочный. Работу можно сделать трехсменной, задействовав 175 человек, соответственно, построив для них жилье, тем более что есть свой кирпичный цех. Расширить подсобное хозяйство, удешевив тем самым обеды. Увеличить выпуск продукции до 3 000 000 рублей в год, выпуская шкафы славянские, столы обеденные, письменные, канцелярские, стулья, диваны, этажерки, комоды, тумбочки и др. Проложить железнодорожную ветку к фабрике от железной дороги Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре. Использовать незадействованное оборудование, разбросанное по берегу реки (паровую машину на 300 л.с., динамомашину на 1000 квт.)».

Выполнить все предписания по известным причинам, конечно, не смогли, но станки работали до последних дней существования фабрики, сушилка была построена, ассортимент продукции освоен. А главное, поселок получил вторую жизнь.

В 1936 году в поселок стали приезжать еврейские переселенцы, в основном из Украины. Тогда приехала семья Липовецких, Черкавские Соня с дочерью Фаней, Красник Циля, Урман Янкель и Рушка с детьми Любой и Хайей, Фурман Симха и Хая и их дети Роза, Бетя, Ицик и Таня, Глозман Ривка с детьми Зиной, Розой и Фаней, семья Сандлер с четырьмя детьми, Давидсон с двумя детьми, Трасповы с детьми Пиней, Ривчиком и Соней, Залцман, Верник с Изиком, Соней и Аней, Клейман, Гальперины Кива и Чарна, Коган Лев и Шейва с детьми Борей и Людой, Лурье, Сельские, Цибульские Хана с мужем и детьми, Гершберг Аркадий с дочерьми Фирой и Бетей. В 1938-1939 годах приехали семьи Нижник с

детьми Идой и Броней, Русинских, Суранович с детьми Двойрой и Мойшей, Колтун с женой, Гурфинкель, семья Мирошник с четырьмя детьми. Но приезжали не только евреи, четверых привезла семья Саватеевых, которая переселилась в Соцгородок со станции Угольной, поближе к родным Анисьи Никитичны – семье Емельяновых.

Примерно тогда же в Соцгородок переселилась Домна (Татьяна) Якимовна Тарасенко с дочерью Валентиной и тут же начала работать на мебельной фабрике, которая стала местом работы практически всех жителей поселка.

Фабрика им. Чкалова к тому времени перебралась в барак, в котором раньше размещались заключенные, – их самих переселили ближе к мосту. В поселке остался только штаб, который управлял работами.

В тайге вверх по Тунгуске зимой валили ясень, а летом сплавляли лес по воде. Бревна вытаскивали на берег протоки, на двух лошадях возили к цеху и там пилили. В помещении, где раньше находился «китайский» кирпичный цех, сделали сушилку для досок.

Мебель производили добротную, ясеновую. Фанеру и клей присылали из Владивостока. До войны в цехе работали 48 мастеров-краснодеревщиков, все евреи. Среди них – Абрам Шкатрут, Гершберг, Спектор. Семен (Симха) Фурман, краснодеревщик, обучал моих родителей столярному делу, и если учесть, что из моего отца получился великолепный столяр, то весьма преуспел. Его жена

Хая тоже работала в мебельном цехе, но занималась инкрустацией по дереву и была первоклассным мастером, специалистом высшего класса, равных ей в этом деле не было. Начальником цеха был Плоткин, начальником производства – Буяновер. Янкель Урман и Корх работали машинистами на локомотивах (паровых установках, которые приводили в действие станки с ременной передачей). В

Мебельная фабрика «Икор».
Фото из Харьковского альбома.
Областной краеведческий музей
ЕАО.

цехе работали одни мужчины, из женщин только Туня Цанге. Плоткина впоследствии заменил мой второй дед, отец мамы – Шмиль Бондарь.

В 1936 году он переехал на Дальний Восток из Винницкой области, где был мелким кустарем, имел свою небольшую столярную мастерскую. Он окончил курс механической обработки древесины при Семеновском деревообрабатывающем техникуме и в 1939 году перевез в Соцгородок семью: жену Молку и троих детей – Фаню, Туню и Цию. Их сначала поселили в двухэтажном бараке, но после отъезда Плоткина – в его квартиру в одном из каменных домов. В нем бабушка прожила до самой смерти. Этот и еще один дом из пяти, построенных в 1937 году на улице Чкалова, сохранились по сей день, но, конечно, находятся в плачевном состоянии.

Газеты того времени писали, что пять каменных домов в Соцгородке были построены специально для рабочих-стахановцев мебельной фабрики. Еще на глаза попала статья В. Винокура, переведенная и перепечатанная затем в журнале «Найлебн». Название претенциозное: «Вокруг нового города». В статье рассказывается о том, что на склонах сопки, где железнодорожный мост по дороге, ведущей в Комсомольск, соединяет берега реки Тунгуски, расположены два двухэтажных жилых дома, мебельная фабрика, несколько кирпичных складов, еврейская средняя школа, здание клуба и детские ясли. Это один из видов Советского Биробиджана – соцгородок, пока безымянный, но растущий. Окружают его новые поселения – Даниловка, Ново-Волочаевка и колхоз «Икор».

У подножия сопки располагаются фундаменты нового здания мебельной фабрики, которая в будущем трудоустроит сотни рабочих и будет оборудована по последнему слову техники. Вся жизнь поселения вращается вокруг этого завода, на котором трудится большинство жителей. Он дает уже ощутимый выход продукции, которая доставляется не только в разные районы ЕАО, но и по советскому Дальнему Востоку, особенно в Хабаровск.

Хотя и маленький по размерам, «Икор» производит мебель современными методами. Детали мебели производятся конвейерным методом, применяется тщательное разделение труда, используются электрические деревообрабатывающие станки.

К 23 сентября фабрика выполнила свой полный годовой план, а сейчас взято обязательство выпустить мебели на дополнительные 156 тысяч рублей к концу года.

Жители Соцгородка сами характеризуют новизну и мощь поселения. Они тоже новы – как для страны, так и для самого поселения, и их инициатива и преданность своей работе объясняют достигнутые успехи.

Аарон Пивник, например, самый лучший работник фабрики, стахановец и мастер инкрустации. Два года назад он приехал из Лондона (Англия). Элиас Блехерман, мастер по шкафам на фабрике, приехал в СССР из Аргентины 5 лет назад. Аарон Ярусский прибыл только 6 месяцев назад из Могилева-Подольского, но за короткое время пребывания здесь он установил всесоюзный рекорд в отрасли деревообработки.

Как мы видим, крошечный Соцгородок не страдал от отсутствия внимания к нему в стране и за рубежом. Здесь побывали многие корреспонденты и известные писатели – как отечественные, так и зарубежные. Именно поэтому сейчас можно восстановить его историю, фамилии первых переселенцев. Более того: нам дана возможность видеть их лица и детали быта.

В 1936 году в поселке была уже семилетняя еврейская школа, в которой обучение велось на идише, преподавал в ней Давид Вайсер. Школа проработала около двух лет. Интересно, что в Соцгородке к 1937 году было запланировано открытие средней школы на 280 мест. Но этим грандиозным мечтам так и не суждено было сбыться.

Вписаны в Книгу Памяти

В 1937 году начались репрессии, из поселка начали исчезать люди. Забрали Солодовникова, Макарова (когда выросли их дети, они добились реабилитации), Арона Шнура, учителя Вайсера. Сейчас в районную Книгу Памяти вписаны несколько имен репрессированных из коммуны «Икор-Соцгородок».

БАЙСЕР Израиль Вольфович, 1911, урожен. г. Черткова, еврей. Школьный учитель. Арест. 20.11.1937 УНКВД по ЕАО. Осужд. 30.12.1937 постановлением НКВД СССР по ст. 58-1а УК РСФСР к ВМН. Расстрелян

29.01.1938 в г. Хабаровске. Реабилитирован 02.07.1937 ВТ ДВО за отсутствием состава преступления. Архивное дело П-83237.

ДАВЫДОВИЧ Ефим Викторович, 1886, урожен. Гродненской губ., русский. Столяр фабрики «Икор». Арест. 05.07.1938 УНКВД по ЕАО по ст. 58-1а УК РСФСР. 20.05.1939 уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения, реабилитирован. Архивное дело П-84430.

ЛАНГМАН Иуда (Иуде) Борохович (Барухович), 1905, урожен. г. Варшавы, Польша, еврей. Зав. складом мебельной фабрики «Икор». Арест. 11.11.1937 УНКВД по ДВК. Осужд. 30.12.1937 Особым совещанием при НКВД СССР к ВМН. Расстрелян 21.01.1938 в г. Хабаровске. Реабилитирован 28.05.1957 ВК ВС СССР за отсутствием состава преступления. Архивное дело П-80716.

ПИМШТЕЙН Исаак Давидович (Поляк Хаим Мордкович), 1910, урожен. г. Чахановича, Польша, еврей. Рабочий мебельной фабрики «Икор». Арест. 20.09.1937 УНКВД по ЕАО. Осужд. 30.12.1937 тройкой при УНКВД по ДВК по ст. 58-6 УК РСФСР к ВМН. Расстрелян 29.01.1938 в г. Хабаровске. Реабилитирован 24.05.1989 Военной прокуратурой ДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989. Архивное дело П-96803.

ФОРЕР Иосиф Исаакович, 1905, урожен. с. Сосновка, Польша, еврей. Председатель колхоза «Икор». Арест. 20.11.1937 УНКВД по ЕАО. Осужд. 04.01.1938 особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-10 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 25.05.1957 облсудом ЕАО за отсутствием состава преступления. Архивное дело П-92078.

ШЛЕЙЗЕНГЕР Игнац Александрович, 1908, урожен. Германии, еврей. Шофер фабрики «Икор». Арест. 13.02.1938 Смидовичским РО УНКВД по ЕАО. Осужд. 18.06.1938 постановлением НКВД СССР по ст. 58-1а УК РСФСР к ВМН. Расстрелян 13.09.1938 в г. Хабаровске. Реабилитирован 28.09.1989 Военной прокуратурой ДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989. Архивное дело П-95088.

В № 23 журнала «Трибуна» за 1932 год было опубликовано письмо от имени руководителя Гамбургской группы переселенцев за странной подписью Цанги Шлейзенгер. Здесь возникает вопрос: это опечатка и это два разных человека (а именно первостроители Соцгородка, о которых уже упоминалось здесь) или же Шлейзенгера в поселке звали Цанги,

считая имя его фамилией. Когда я пыталась узнать имя Цанги у своего отца, вспомнить его он не мог. Путаница и в написании окончания Цанги, Цанге, Цанга. Как правильно – неясно. Еще в большее недоумения я пришла, когда прочитала непривычное нашему уху имя Игнац справа налево. Получилось Цанги. Прихожу к выводу, что написание Игнац получилось в результате ошибки перевода, кто-то прочитал имя «по-русски» – слева направо.

Но вот отрывки из письма, которое я намеренно привожу в этой части воспоминаний. Оно еще раз дает нам понять, для чего эти люди приехали в Биробиджан и что получили взамен.

«26 июня мы пересекли советскую границу, проехав под большой аркой, над которой висел плакат с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Все стояли у окон или открытых дверей и пели «Интернационал».

Я могу вам только сказать, что это произвело на меня огромное впечатление. Я едва мог дышать, у меня стояли в глазах слезы, я не мог вымолвить ни слова. Когда вскоре после этого в поезд вошли красноармейцы, мы могли их приветствовать лишь крепким рукопожатием.

Всю дорогу мы приветствовали рабочих и крестьян возгласами и песнями...

В поезде нас встретила рабочая бригада с оркестром. Представитель ОЗЕТа произнес приветственную речь. Потом нас приветствовала по-русски работница; нам перевели то, что она говорила...»

В своей книге «Биробиджан: мечты и трагедии» (издательство РИО-ТИП, краевая типография г. Хабаровска, 1999 год) Д. Вайсерман приводит воспоминания икоровцев о тех событиях. Не все они имеют документальные подтверждения, но я склонна верить очевидцам. Тем более что о некоторых из этих случаев вспоминал и отец. А это значит, что документы на многих других пока не найдены, будем надеяться, что пока.

«Неожиданно исчезли из коммуны земляки из Аргентины Ича Лерер и мастер на все руки наш лучший стекольщик

Арон Шнур. А через некоторое время их и их жен вместе с детьми выслали в Сибирь. Более десяти лет провел в сталинских застенках также переселенец из Аргентины Цукерман. Он вернулся в 1956 году реабилитированным, но уже безнадежно больным.

Однажды ночью арестовали единственного в «Икоре» ветеринарного врача – эмигранта из Польши Треновского. Судьба его неизвестна.

Любимцем икоровцев был переселенец из Германии Цанге. Он работал сначала шофером-механиком, затем кузнецом. В его распоряжении были все моторные лодки и катера коммуны, а затем и колхоза. Он непосредственно отвечал за их исправность. Осенью 1937 года Цанге так же неожиданно для всех исчез. Его видели в последний раз в 1939 году в Кимкане на лесоповалах».

Историю семьи Цанге продолжили мои родители. Жена Цанге Туня, оставшись без мужа, единственная из женщин поселка работала в механическом цехе на долбежном станке. С началом войны забрали и ее. Сына Вальде приютили то ли корейцы, то ли нанайцы. В поселок никто из них уже не вернулся.

С.М. Неудачина: *«Икоровцев брали не только ночью. Пумштейна, например, а также американского журналиста Сугальского и некоторых других арестовали днем на своих рабочих местах».*

Из воспоминаний Ильи Исааковича Блехермана: *«Сухо-го взяли ночью. Это был уже немолодой человек, много лет проживший в Аргентине. Через два месяца он вновь появился в колхозе. После рассказывал, что все полицейские мира должны учиться у наших чекистов, как надо выбивать показания. Так, как они издеваются над человеком, никто не умеет. Старый революционер, Иосиф Сухой прошел все ужас подпольной работы в Аргентине, сидел в польской тюрьме, но такого вандализма не видел...»*

После освобождения Иосиф Сухой работал в Волочаевской МТС,

умер в Израиле в очень солидном возрасте. Его имя встречается в газете военных лет: «В 1944 году передовая бригада Сухого И. из колхоза имени XVIII партсъезда Волочаевской МТС Смидовичского района заняла второе место».

Завтра была война

В предвоенные годы в поселке появились украинские семьи, которые достаточно мирно уживались с семьями еврейскими. Перед войной Соцгородок считался большим культурным центром, одним из самых больших в районе. В двухэтажном клубе работали драмкружок на идише, духовой и струнный оркестры.

В архиве семьи Липовецких сохранились фотографии родителей – Шмуля и Ривки – в костюмах к спектаклю. Были в поселке тир, футбольное поле, игровая площадка. В клубе проводились районные соревнования по стрельбе, по лыжам, на базе Соцгородка работал выездной районный пионерский лагерь.

Илья Исаакович Блехерман вспоминал, что перед войной в поселке жило больше сотни семей. В первый же военный призыв взяли около семидесяти человек, необученных призывников сразу бросили на фронт. Не вернулся никто.

В мебельном цехе из мужчин остались начальник Шкатрут Абрам Гейнихович, бухгалтер Литвак, столяры Фурман и Гальперин (на фронт их не взяли из-за преклонного возраста), пожарный Фрейгин и токарь Сегал. Остальные рабочие места заняли женщины и дети. Среди них Женя Воробьева, Фаня Пензур, Таня Фур-

ман, Фаня Бондарь, Хая Шкатрут, Маруся Блинкова и ее сестра Нюра, Зина Савватеева, Роза Гальперина, Зина Глозман, Бетя Липовецкая. Все они были 1928-1929 годов рождения. А потом присоединились и младшие – 1930-1932 г.р.

Выпускали они продукцию для фронта: лыжи для перевозки пулеметов и вывозки раненых, ящики для снарядов и мин, дегазационные ящики, табуреты для воинских частей, планшетные доски, кузова для машин – простые и обитые свинцом.

В 1942 году мой дядя Константин Пензур, дед Шмуль Бондарь и Константин Гурский по призыву районного военкомата были отправлены в распоряжение военного завода в Комсомольск-на-Амуре. На фронт их не взяли по состоянию здоровья. Оттуда К. Пензура отправили в Анадырь на заготовку рыбы и оленины для завода и воинских частей. Это, возможно, спасло ему жизнь. Гурский погиб, деда убили из-за хлебных карточек. Бабушка Маня осталась одна с четырьмя детьми.

Семьи, потерявшие кормильца на фронте, получали какое-то пособие от государства, но ни семья Бондарь, ни вдова Гурского Пасковья Евсеевна, имевшая 10 детей, этой помощи не получали.

Чтобы выжить, корчевали лес, сажали огромные огороды, с тяжелой глинистой земли снимали крохи, урожай сгнивал из-за осенних дождей. Бабушка работала почтальоном, а затем в красильном цехе мебельной фабрики. В хозяйстве была корова, дети косили сено, но молока практически не видели, все продавалось и на эти деньги выкупали хлеб. Пекарня была в поселке Волочаевка-1, раз в неделю (а то и реже) снаряжали подводу, и все дети целый день караулили на дороге, ожидая хлеб.

Хлеб был тяжелый, наполовину с отрубями и картофелем, выпекался в формах, которые смазывали солидолом. На работника полагалось 800 грамм, на иждивенца – 400. Так как из еды была одна картошка, ее сажали очень много, но до весны все равно не хватало. Зимой ходили на поля соседнего колхоза выдалбливать оставшиеся в земле мерзлые клубни и пекли их на печи. Там, на картофельном поле, нашли мертвым (окоченел от холода) жителя поселка Сурановича. В большой семье Нижниковых, потерявшей на фронте отца, умер

Чета Липовецких. Фото из архива семьи Липовецких.

от голода мальчик Липка. Где-то в 1990-х годах мы с мамой были в Биробиджане в гостях у односельчанки Иды Нижниковой. Угощая нас, Ида улыбнулась: «Дочери ругаются, что я их закармливаю, а я просто не могу себя пересилить, еды должно быть много».

Выручал лес. Как только проклеывалась первая зелень, собирали и ели все, что было съедобное. Первыми начинались дикий лук, щавель, потом стебли дудника, стебли и ягоды элеутерококка, лимонника, дикого винограда.

В 1943 году сгорел один из двухэтажных барачков, и для расселения семей, оставшихся без крыши над головой, остальных жителей поселка уплотнили. То есть все имеющееся жилье разделили на крошечные клетушки. Тогда же отделили часть квартиры и у моей бабушки Мани.

Она с четырьмя детьми с тех пор проживала в одной небольшой комнатенке.

В этом же доме, где жила бабушка, работал детский сад. Заведующей в нем была Евдокия Пискунова, поваром – Клавдия Воробьева, моя тетя Фаня Бондарь – няней.

С 1943 года на фабрике начал работать мой отец. Сначала они с Перепечко пилили дрова, а летом устанавливали оборудование для пилорамы на берегу реки. С 1944 года начала работать мама, ей

было 12 лет. Вместе с ней работали Уля Саватеева, Нина Екимова, Валентина Тарасенко. Сейчас, когда чудо прогресса Интернет помогает общению через километры и страны, моя мама с подружкой своего детства Ульяной Саватеевой (Гурской) неизменно в разговорах возвращаются к тем дням. Вспоминают, как пилили бревна ручной пилой, а бревна были такие, что дети не видели из-за них друг друга, как выгребали опилки, носили воду из реки для парового котла, карабкаясь на обледеневший обрывистый берег. Добрым словом вспоминают рабочего

Детский сад Соцгородка. Примерно 1943 год. Из архива семьи Бондарь.

пилорамы Овчинникова, жалевшего детей и позволявшего им украдкой отдохнуть. Котлы топили дровами, и девочки уходили за шесть километров от поселка на заготовку дров. Норма была пять кубометров на каждого. И это в разгар зимы, без теплой одежды и обуви. Когда мама не вышла на работу из-за того, что нечего было обуть, ее отдали под суд. Хорошо, что судья в районе оказался человеком, не побоявшимся взять ответственность на себя. Он посмотрел на 12-летнего ребенка и сказал только: «Иди, деточка, домой». А Хая Шкатрут отсидела полгода – за опоздание.

Помимо работы на производстве на детей ложились и домашние дела. Дрова возили на санках с берега Тунгуски, что был в нескольких километрах от поселка. Разбирали остатки первого деревянного моста. Из обуви в лучшем случае резиновые сапоги. Зимой темнеет рано. Вот так в темноте, утопая в снегу, продрогшие до костей дети тащили на себе санки.

Неудивительно, что тогда и закончилась учеба для большинства из них. Начались другие университеты. Отец пошел в первый класс в еврейскую школу, затем ее закрыли. В войну после четырех классов бросил школу и стал помогать кормить семью. Сейчас, вспоминая эти дни, мама удивляется: «Сама не понимаю, как мы выжили».

Рассказы моих родителей буквально слово в слово повторяют записи, оставленные в наследство своим детям Валентиной Матвеевой Нечасовой (Тарасенко):

«Когда началась война, всех мужчин забрали на фронт, остались старики, подростки, дети. Собрали работать всех, кто может стоять у верстака. В цехе выпускали уже не мебель, а ящики для патронов и мин. Мы, малолетки по 13 лет, пошли работать, делали табуретки, столы. Мы

У колодца Валентина Матвеевна Нечасова (Тарасенко). Фото из архива семьи Нечасовых.

не доставали до верстака, поэтому нам делали подмости, затачивали рубанки и учили пользоваться молотком и пилой. У нас были хорошие наставники, хотя и старые. Школу все побросали, я окончила 5 классов, ходить в школу было не в чем. Голод и холод заставил бросить школу, и мы до конца войны работали в артели. Пришлось работать и на лошадях, и на выкатке леса из реки, и на пилорамах пилили дрова для отопления котлов».

У всех жителей той поры общие воспоминания и одна судьба.

Во время войны в поселке базировалась военная часть, которая исчезла в одну из ночей перед началом войны с Японией. Военные не были редкостью в Соцгородке, еще одна часть была переведена на Курилы уже после войны. На памятном обелиске в честь павших воинов на Волочаевке-2 большинство еврейских фамилий. Это фамилии жителей Соцгородка, не вернувшихся с войны: Винокур Ефим Моисеевич, Гальперин Израиль Кивович, Гуслинский Л. Б., Драч Арон Лазаревич, Драчук Иван Семенович, Изнаиров И. И., Изнаиров Л. И., Корх Михаил Леонтьевич, Красник Иосиф Менделевич, Сандлер Михаил Меерович, Сельский Л. А., Спектор Юдко Лейбович, Фрейдин Ю. С., Шкатрут Петр Абрамович, Маловичко Г. Е.

На фронт ушел Пензур Борис Израилевич и пропал без вести. Только в 2016 году удалось отыскать его следы. Погиб Митчелл (Михаил) Морисович Беккер. Воевали братья Клейман

– Фроим (не вернулся) и Ушер, Липовецкий Александр Яковлевич, не вернулись с войны Русинский Лев Борисович, Волжанин Прокофий Фролович, Глузман Песах Хунович, Нижников Наум Лейбович, Лазебный Василий Тимофеевич, Монствило Константин Антонович, Беляев Григорий Александрович, Воробьев Михаил Петрович, Коган Лев Пансионович,

Мальчишки военной поры. Гурский Григорий Константинович. Из архива семьи Гурских.

Липовецкий Семен Яковлевич, Михеев Петр Семенович. В войне с Японией принимали участие Гурский Григорий Константинович, Блехерман Илья Исаакович. Гурский Анатолий Константинович вернулся домой после тяжелого ранения и вскоре умер.

Эти и, возможно, другие войны ждут своей очереди, чтобы вспомнили и о них.

По улице моей который год...

Родители работали на фабрике до самой пенсии. Папа сначала был столяром, потом механиком, а мама – станочницей в механическом цехе.

Мама с папой поженились в 1954 году, в 1955-м родилась сестра, а в 1957-м появилась на свет я. В 1962 году началось строительство двухквартирных деревянных домов по улице Чкалова, в один из них мы и переехали. Из этого дома я пошла в первый класс, но уже в соседнее село Даниловку, школы в поселке уже не было. Детский сад открывали в 1980-х годах. Заведующей там работала моя тетя Лилия Семеновна Горшкова (Бондарь), а мама была поваром.

Из этого дома родители в 1998 г. уехали в Израиль. Таким образом, они прожили в поселке 66 лет. Там остались могилы их родителей, одних из первых поселенцев, там живет мамина сестра.

В нашем с сестрой детстве еще многое напоминало о старом поселке, хотя мы, конечно, об этом не задумывались. В полуразрушенном каменном доме мы играли в прятки, на месте сгоревшего двухэтажного деревянного барака был пустырь, на котором днем играли мы, а долгими летними вечерами нас сменяли взрослые – управившись со своими

Справка о ранении, выданная Гурскому Анатолию Константиновичу. Из архива семьи Гурских.

многочисленными делами, они выходили играть в выжигалы, волейбол, городки, мы же становились преданными зрителями и болельщиками. Только спустившаяся темнота, делавшая мяч неразличимым, разгоняла всех по домам. Потом на этом пустыре рабочие мебельной фабрики разбили парк, который сейчас превратился в густой лес. При нас еще работали старый мебельный цех и сушилка, которая впоследствии сгорела. Мы там часто бывали, и я хорошо их помню, как и надпись краской на фанерке на рабочем месте моего отца: «Здесь работает Пензур Г.И.». Его друг и сосед Валентин Кретов вспоминал, что никто не мог угнаться за ним в работе. Помню маленькую конторку, пропахшую запахом столярного клея, который варили тут же, на печке.

Достопримечательностью Соцгородка был старый колодец, вырытый еще первыми переселенцами на взгорье в центре поселка, глубина его была около 60 метров. С водой проблемы в поселке бывали нередко. Воды не хватало на всех жителей, колодец периодически нужно было чистить, что при такой глубине было проблемой. Но на эту работу дружно собирались все мужчины. Положение изменилось только тогда, когда рядом с колодцем пробрили глубокую скважину и поставили электрический насос, но это уже было в 1970-х годах.

Приходящие к бабушке подруги говорили с сильным акцентом, а в разговоре между собой переходили на идиш. На идише еще иногда разговаривали родители и мамина подруга Татьяна Титова (Фурман), в основном когда нужно было посекретничать. И наш сосед, приятель Шурка, допытывался у матери, в каком институте она выучила иностранный язык.

Соцгородок еще долгое время был притягателен для всей округи. Летом ребятня и взрослые на протоке. Это и место отдыха, и рыбалки, и работы. Здесь, вдоль реки, пастбища для коров и место, куда свозили на огромных лодках-баркасах заготовленное на Тунгуске сено. Тогда уж не зевай, успевай поворачиваться. Не успеешь вывезти – паводковый разлив уничтожит весь труд и оставит коров без корма. Работа не из легких, но в поселке народ дружный, обязательно помогали друг другу.

Зимой самым лучшим развлечением была Конева горка. Почему Конева? По имени командира роты Николая Матвеевича Конева, пона-

чалу проживавшего здесь же, на вершине сопки. Кто из жителей Соцгородка или окрестных сел не бывал здесь?! Целые компании, вооруженные лыжами и санками, проводили там выходные дни. По накатанному склону можно было докатиться до самой дороги, а для лыжников даже сооружался трамплин.

Летом на горке немногочисленно, зато мы знали самые сокровенные лесные уголки. Папоротник у подножья сопки в тени деревьев так разрастался, что был почти вровень с нами, и забредать в него было жутковато. Прямо посреди склона росло дерево, увитое лимонником, и можно было запросто набрать к чаю ароматных ягод. Совсем рядом амурский виноград обвивал бархат, пробковое дерево. Заросли элеутерококка с молодыми съедобными побегами, которые появлялись ранней весной, не говоря уже о земляничных полянах, кустах боярышника, шиповника, красной смородины и черемухи. А лещина, лесной орех – разных видов, поспевающий в разное время. Детский рай! А красавцы дикие пионы, белые и красные, а редчайшая орхидея венерин башмачок, куртины ландышей и разноцветье лютиков, синюх, саранок. Мы часами могли бродить по лесу. Наверное, все было гораздо прозаичнее, лес и река были одними из наших немногочисленных развлечений, он же спасал нас, не избалованных фруктами и овощами, от авитаминоза, но эти воспоминания возвращают нас в детство и поэтому они такие светлые и радужные...

Со временем Соцгородок стал превращаться в дачный поселок. Практически никто в округе уже не знает о его былом расцвете и не связывает его с евреями, тем более иностранцами. Ушли в мир иной последние из еврейских переселенцев той поры. Да и были это в основном вдовы, старушки, чьи мужья погибли во время войны. Из евреев – потомков первых поселенцев в нынешнем Соцгородке осталась семья Клейман – Шифра Хаймовна и ее брат – Григорий Липовецкий, Циля Самойловна Горшкова (Бондарь), более молодое поколение семьи Асеевых. Из старожилов – Ульяна Семеновна Гурская (Саватеева). Возрождают родовое гнездо дети и внуки Александра и Ривки Липовецких.

Памятью сердца

Казалось бы, воспоминания записаны, можно завершать работу.

Но дальше, похоже, вмешивается само провидение. Уже не я управляю поисками, а они начинают руководить мной и диктовать дальнейшие шаги. Не иначе как сама судьба подбрасывает мне фамилии и адреса, фотографии и воспоминания икоровцев и их родных. Оказалось, что «Икор-Соцгородок» не исчез, как думают многие исследователи, сидя в своих важных кабинетах. Он продолжает жить в душах и памяти потомков первых коммунаров, разбросанных по всему миру. Внуки и правнуки еврейских поселенцев бережно хранят воспоминания и документы, частицы жизни своих героических предков. С открытой душой помогают друг другу в поисках и делятся драгоценными воспоминаниями. И невозможно стало не продолжить начатое, и невозможно отделить наши семейные истории одну от другой...

Мы обсуждали это с внучкой Ильи Исааковича Блехермана, сидя у своих компьютеров. Она в Майами, я – в Израиле. Наши деды дружили. Дед Виктории приехал в Соцгородок из Аргентины, мой – из Белоруссии. Вместе организовали рыболовецкую артель, делились семейными секретами. А когда вся коммуна переехала в «Икор» (ныне село Камышовка), наши две семьи остались в поселке. Поэтому в рассказе о семье Блехерман не предвиделось ничего неожиданного. И не потому, что судьбы героев обычны (как раз наоборот), просто их история, знакомая мне с детства по рассказам родителей, по газетным публикациям, казалось, не таила никаких сюрпризов. Но это только казалось.

Когда работа была почти закончена, обсуждены последние мелочи с сыном главного героя Исааком Ильичем (Изей), его сестра Геня Ильична Борисова прислала фотографии из семейного архива, от которых замерло сердце, – фотографии, в которых сосредоточилась целая эпоха. И возникла масса вопросов, ответы на которые еще только предстоит найти. Опять и опять утверждаюсь в мыслях, что на примере крошечного поселка Соцгородок, затерянного на краю света, можно изучать мировую историю еврейства XIX–XX веков. В некоторые странички этой истории я предлагаю сейчас заглянуть.

Семья Блехерман

Конец XIX века. Ремесленный город Брест, в котором, по переписи 1897 года, проживало 45568 человек, из них 30290 – иудейской веры. Город, имеющий давнюю историю, важное транспортное значение и в то же время – достаточно нищий, не имеющий водопровода, с одной больницей на 15 коек, четырехклассной гимназией и церковно-приходским училищем. Почти все ремесленное производство и торговля в городе сосредоточены в руках евреев.

Именно в этом городе проживала семья Ицхака Блехермана. Фамилия главы семьи указывала на родовую профессию – жестянщик. Не изменил традиции и Гилил (Илья), третий ребенок в многочисленной – одних детей 13 душ – семье. Его молодость совпала с непростым временем. В результате военных действий Брест переходит из рук в руки. Россия, Украина, Польша...

Илья успевает не только овладеть профессией, но и послужить в Польской армии. Рожденный в 1904 году, Илья хоть и учился, как все еврейские дети, в хедере, но, в отличие от глубоко веровавшего и соблюдавшего традиции отца, впитал в себя витавшие в воздухе нового века социалистические идеи. Его неугомонной натуре было тесно в рамках местечка. С очередной волной эмиграции в 1926 году Илья с младшим братом Янкелем и тремя сестрами – Ентой, Сурой и Мирям – уезжает в Аргентину.

Чтобы понять, почему именно Аргентина, нужно вернуться в конец XVIII века. Погромы, нищета и голод в еврейских местечках, черта оседлости, не позволяющая жить и работать в городах, заставляют евреев уезжать в поисках лучшей доли.

Известный еврейский филантроп барон Мориц Гирш, потративший на благотворительность около 400 миллионов франков, пытаясь помочь своим российским единоверцам, планировал пожертвовать на их обучение и трудоустройство 50 млн франков. Для начала один миллион рублей был потрачен на нужды церковно-приходских школ, 400 тысяч – во время Русско-турецкой войны на устройство больниц для раненых обеих армий. Но, не найдя общего языка с царским правительством по

поводу вложения дальнейших пожертвований, он изменил свои планы.

Поняв, что у него нет возможности помочь евреям в России, он решает вывезти их в другие страны, по его выражению, искать «нового отечества». Много свободных земель оказалось в Аргентине, и барон покупает там огромные участки земли для российских евреев. Началась массовая эмиграция – со своими надеждами и разочарованиями. После смерти барона в 1896 году это движение затихло. Но в начале XX века западные районы России оказались под властью правительства Пилсудского, и эмиграционный процесс возобновился с новой силой.

Доподлинно неизвестно, как добирались молодые Блехерманы в Аргентину, но путь этот был совсем не легкий, и если бы не помощь

На пароходе. 1931 год. Фото из архива семьи Блехерман.

МОПРа (международной организации помощи рабочим), вряд ли бы переселение состоялось. В Аргентине Илья устраивается работать по своей специальности жестянщиком, но бунтарский его дух не удовлетворен. Уроженцы Брестчины хоть и звались в Аргентине «поляко», но далеко не все отождествляли себя с Польшей. Большинство из них считали эту территорию частью Российской империи, а оккупацию – временной, симпатизировали СССР и приветствовали социалистические порядки на родине. Да еще и на Америку надвигались годы Великой депрессии,

повсеместно росла безработица. Поэтому слухи о строящейся на востоке России «земле обетованной для всех евреев» упали в благодатную почву. И когда в 1928 году по всему миру прозвучал призыв ехать в СССР и строить в болотах еврейское счастье, Илья с большим энтузиазмом на это откликнулся. Не остановило его и то, что брат и сестры не поддержали его порыва, а решили остаться в Аргентине. И так, решено, Илья едет в советскую Россию строить новую еврейскую жизнь.

Впоследствии Илья Исаакович Блехерман вспоминал:

«В 1930 году к нам в Аргентину приезжал секретарь Биро-Биджанского райкома партии Левин. Он рассказывал нам о перспективах будущей Еврейской области. Все поверили ему и приехали сюда. Все мы были коммунистами».

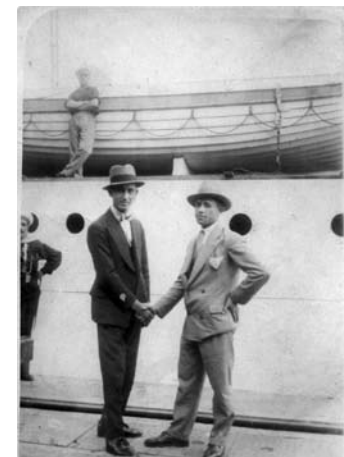
Переселением евреев в СССР из Аргентины занималась организация «Прокор». В конце апреля 1930 года теплоход с группой переселенцев, полных надежд и радужных планов, покидает берега Аргентины. Путь из Буэнос-Айреса в Европу не близок. В середине мая переселенцы прибывают во французский порт Шербур, затем, для получения визы для въезда в СССР, следуют в Германию, где в Берлине им пришлось прожить целый месяц. Из Берлина морем в Ленинград, вновь на поезде в Москву, опять почти с месячной задержкой для оформления разрешений на въезд. Только потом, на поезде через всю страну, на Дальний Восток.

Наивных идеалистов и мечтателей, считавших, что при социализме не может быть воров, в дороге обобрали, основательно облегчив их багаж. Наконец, 12 июня 1931 года переселенцы прибыли на станцию Тихонькая. Их отправляют в коммуну «Икор», туда, где на берегу Тунгуски энтузиастам-переселенцам предстоит строить настоящий социалистический агрогород на 5 тысяч человек с современным производством. И название ему уже есть – Соцгородок. Пока же вместо города – сопка на берегу реки, заросшая лесом.

Позже Илья Исаакович рассказывал: «Нам показали Балагановскую сопку, она ваша, стройте, живите.

– Где брать стройматериалы?

– Рубите лес, для кирпичей есть глина, песок, делайте.

На пароходе. 1931 год. Фото из архива семьи Блехерман.

У нас было энтузиазма больше, чем силы. Я сейчас не представляю, как мы могли это перемотать».

Вот как вспоминал о коммунарах Иосиф Колин, актер ГОСЕТа:

«Соцгородок... Великолепно помню этот поселок. Всего несколько бараков в тайге. Иностранцы (евреи из Аргентины, Польши, Америки) работали там тяжело, но с великой верой в будущее, строили город. Кругом болота, тайга, а к нам на концерт зрители пришли в европейских костюмах, в накрахмаленных рубашках, женщины – в вечерних туалетах».

С прибытием новой группы коммуна превращается в первую (и единственную в своем роде) международную еврейскую коммуну «Икор-Соцгородок». Переселенцы в ней не только из Аргентины, но и из Америки, Польши, Литвы, Латвии, Германии, Палестины. Уклад жизни у новоселов действительно коммунарский. Вместе планируют и распределяют работу, вместе питаются в коммунарской столовой. Большую помощь коммунары получают из-за рубежа от еврейских организаций. Поставляется оборудование, машины, стройматериалы, инструменты. Но условия жизни и работа тяжелейшие. Первая задача – прорубить в лесу просеки для строительства домов. Городские еврейские парни становятся лесорубами, пахарями, строителями и даже свиноводами. Неустроенность быта, тяжелая физическая работа, скудность питания, полчища гнуса. Выдерживают не все, очень многие уезжают, но оставшиеся, и среди них Илья Блехерман, упорно работают. Вскоре появляются первые дома, открывается мебельная мастерская, создается рыболовецкая артель.

Примечательный эпизод из жизни коммуны показывает характер Ильи Исааковича. В коммуне жила семья переселенцев из Калифорнии – Роза и Морис Беккер. Так случилось, что они умерли один за другим, двое их детей остались сиротами. Младшую Элизабет забрала к себе и удочерила заведующая детским садом из соседней Даниловки В.П. Безверхий, а старший Митчелл (Михаил) остался жить и воспитываться в семье Блехерман...

Как уже говорилось выше, в 1934 г. в силу многих причин комму-

на распалась. Все приехавшие коммунары перебираются в «Икор». Семьи Блехерман и Пензур остаются. Исроэль Пензур на правах старшего поддерживает и наставляет Илью, который к тому времени женился, встретив красавицу Маню Лейбову, приехавшую на Дальний Восток вместе с сестрой Раей из Литвы. В 1935 у них рождается первенец, мальчик Изя, названный в честь далекого деда из Бреста. Близкие его зовут очень символично – Икор.

Фотографию, где он запечатлен на руках своей мамы, символ новой зарождающейся еврейской страны, перепечатали многие издания мира. В 1936-м в молодой семье родилась дочь Туня.

Жизнь поселка возобновляется с новой силой с прибытием в 1936 г. группы новых еврейских переселенцев, в основном с Украины. Соцгородок становится культурным и спортивным центром для молодежи всей округи. Но ненадолго. Наступил страшный 1937 год. Если после убийства Кирова в декабре 1934-м у коммунаров-аргентинцев просто отобрали оружие, с которым они приехали, то сейчас начались массовые аресты.

Эти несчастья чудом не коснулись Блехермана и еще нескольких коммунаров. В основном тех, кто успел в срочном порядке тайно уехать. Позже Илья Исаакович рассказывал, что в НКВД служил один из его знакомых по Бресту, он и предупредил его о грядущих арестах и посоветовал на время где-нибудь скрыться. Вдвоем с Аароном Литевским они ушли в тайгу и пробыли там почти два месяца. Когда вернулись, узнали, что этот человек, спасший им жизнь, арестован. Нужно ли говорить о том, что о переписке с родственниками ни в Бресте, ни в Аргентине не могло идти и речи. Родные потеряли друг друга из вида.

Маня Блехерман (Лейбова), переселенка из Литвы с сыном. Фото из Харьковского альбома. Областной краеведческий музей ЕАО.

В 1940 году началась война с Финляндией, Илью призвали в армию. После окончания Финской кампании ему посчастливилось вернуться домой живым и невредимым. И в это время происходят события, о которых Илья Исаакович молчал практически всю жизнь, стараясь спрятать свою боль от окружающих. В 1941 году, как раз накануне войны, Маня с маленькой дочкой уезжают навестить родных в Белоруссию и попадают под бомбежку. Маня и Туня становятся первыми в поселке жертвами большой войны. Первыми, но далеко не последними. На фронт уходят практически все мужчины из Соцгородка. В конце 1941-го Илья вместе со своим воспитанником Митчеллом Беккером в один день уходят в армию. Изя остается на попечении Брони Моисеевны Свердлик, молодой

учительницы, ставшей второй женой Ильи Исааковича и прожившей вместе с ним долгую, не всегда легкую жизнь.

Она родилась 5 июля 1918 году на Украине в г. Красилов (Каменец-Подольская область). После окончания педучилища в 1937 г. была направлена в Соцгородок, где тогда еще работала еврейская школа.

Митчелла после непродолжительной подготовки направили на фронт. Он погиб в 1944 году. Илья всю войну прослужил в Уссурийске, а 8 августа 1945 года вступил в войну с Японией, участвовал в боевых

действиях против Японии, был награжден орденом Отечественной войны и медалью «За победу над Японией». Демобилизовался в октябре. В Соцгородке школу к этому времени закрыли, в соседней Даниловке – только четырехлетка. Нужно было что-то решать с учебой Изя, и Илья Блехерман, со свойственной ему решимостью, перебирается в город. Так, семья, в которой уже подрастал еще один сын, Феликс, очутилась в Биробиджане. Но каким бы малым ни был тогда Изя, он всегда вспоми-

Илья Исаакович Блехерман с женой Броней Моисеевной. Из архива семьи Блехерман.

нал Соцгородок, где прошло его раннее детство, с какой-то особенной теплотой. В памяти живы фамилии Блинковых, Липовецких, Карпань, Сандлер, соседей по дому Рушки Урман и ее дочерей Любы и Хаи, Фани Русинской и ее дочери Раи, Красниковой, Мирошник. Помнит он и рыбалку на протоке, на Тунгуске и на заливе на Фаланге, где жили семьи старого Пензура, Гурских (с Сергеем он дружил) и двух братьев Ивана и Яшу Макаровых, которые с весны до самого снега пасли общественное стадо.

Первым на новое место переехал глава семьи, устроился на работу на завод металлоизделий, через пару месяцев получил квартиру, и 8 марта вся семья благополучно прибыла на новое место жительства. Жили, как, впрочем, и все в то время, очень трудно – три иждивенца на одного работника, а в 1946 году родилась Геня, и стало еще труднее. Но постепенно обзавелись хозяйством: корова, огород. Появились продукты, выращенные своими руками, молоко для детей. Через пару лет (после 6-го класса) старший Изя стал на каникулах понемногу подрабатывать и помогать семье. В 1953 году он окончил школу и поступил в Высшее инженерное морское училище во Владивостоке, позже туда же поступил Феликс. А Геня окончила Томский политехнический институт.

В 1966 году совпало так, что братья встретились в отчем доме. Один приехал в командировку, второй заехал к родителям по дороге на новое место работы. Воспользовавшись тем, что вся семья в сборе, старший Блехерман с детьми побывали в Соцгородке в гостях у семьи Пензур. Только вот уж не у Исрозля, а у его сыновей Григория и Константина. Довелось встретиться и с другими старожилами села и даже сфотографироваться на память.

Но не только коммуна «Икор-Соцгородок» тревожит память. Илья Исаакович не оставляет попыток связаться с аргентинскими родственни-

Со старожилами Соцгородка. Фото из архива семьи Пензур.

ками. После войны через газету «Эмес», выходившую в Варшаве на идише, он разыскал своих сестер и брата в Буэнос-Айресе. Снова завязалась переписка. Они даже присылали посылки. Но все это было под пристальным вниманием всевидящих органов. В 1947 году Блехермана предупредили, что если он не хочет иметь неприятностей, то лучше эту переписку прекратить, что и было сделано. И только много позже, во времена Хрущевской оттепели, общение возобновили. В 1973 году Илья Исаакович получил приглашение от сестры посетить Аргентину, чем с огромной радостью воспользовался. Когда он вернулся в Биробиджан, на расспросы о поездке, о жизни людей он рассказал, что его родные в Аргентине не могли поверить в то, что все трое детей жестянщика получили высшее образование. А особенно любопытным Илья неизменно отвечал, что там его язва не болела и быстро зарубцевалась. Даже в эти годы он не рисковал рассказывать подробности. Позже Илья Исаакович рассказал, что в Аргентине он встречался с многими друзьями своей юности. Некоторые из них «стали большими буржуями». Среди этих встреч была одна особенная, вернувшая его в 1931 год. Это была молодая семья, приехавшая в Соцгородок из Аргентины с годовалым ребенком. И молодая мама, и младенец очень страдали от укусов мошки. Когда однажды утром женщина проснулась настолько опухшей, что не смогла открыть глаза, коммунары решили, что семья должна вернуться назад и сами похлопотали о разрешении на отъезд. От этого мальчика, солидного владельца сети галантерейных магазинов, Илья Исаакович узнал, что родители часто вспоминали Соцгородок и рассказывали о нем сыну.

Илья Исаакович всю жизнь в Биробиджане оставался верен своей родовой профессии жестянщика и заводу силовых трансформаторов. Передовой рабочий, известный в городе и области, он заслуженно носил звание «Мастер – золотые руки». Всегда занимался общественной работой, был членом профкома. Даже достигнув пенсионного возраста, продолжал трудиться. Сорок лет он отдал родному предприятию. Всю жизнь, в свободное от работы время, он не выпускал из рук книги и всегда старался чему-нибудь учиться. В его доме было хорошее собрание книг, в городской библиотеке он перечитал все книги на идише, а потом взялся за русскую литературу.

В возрасте 78 лет ветеран перенес тяжелейший инфаркт, только тогда он вынужден был оставить работу и начать жизнь простого пенсионера. Каждый день он совершал длительные пешие прогулки вокруг квартала, где они жили, не пересекая дороги, потому что почти полностью ослеп. Во время одной из таких прогулок какие-то бандюги-пацаны потребовали у него деньги и избили его. И не столько от побоев, сколько от бессилия и обиды он слег и через несколько дней скончался. Это случилось в 1997 году, когда ему было 93 с половиной года. Так печально закончилась жизнь этого замечательного человека, много повидавшего на своем веку и оставшегося верным своим идеям.

Чтобы не заканчивать рассказ на этой грустной ноте, нужно вспомнить, что при жизни Илье Исааковичу посчастливилось увидеть, как станция Тихонькая превратилась в цветущий город, как разлетелись его птенцы из отчего дома по разным городам и даже странам, получили образование, создали счастливые семьи.

Мог ли мечтать жестянщик Ицхак Блехерман, что его потомки, дети и внуки его непоседливых детей Ильи, Енты и Мирьям соберутся вместе на святой земле Израиля?!

Но были встречи и события еще более удивительные. Интернет по-

мог найти считавшуюся погибшей дочь Ильи Исааковича Туню. Когда она после гибели матери попала в детский дом, ей не было еще 5 лет, и она мало что помнила. Воспитательница Татьяна Ильинична Лопатко сохранила за девочкой настоящую фамилию, благодаря этому через 70 лет смогли встретиться родные люди. Окончив в детдоме семь классов, Антонина (Туня) поступила в Брестское училище связи, сама того не зная оказавшись на родине своего отца. В 1955 г. после окончания была направлена в Печору, где живет и сейчас. Вышла замуж, родила трех

Изя и Туня. Встреча через 70 лет. Фото из архива семьи Блехерман.

дочерей. Все три получили высшее образование. Младшие живут со своими семьями рядом с матерью. А старшая дочь Виктория сейчас в Америке. Благодаря ей и Исааку Ильичу семья воссоединилась.

Несмотря на то, что потомки жестянщика Ицхака Блехермана из Бреста разбросаны по разным странам, они – одна дружная семья, хранящая память о своих предках и унаследовавшая от них порядочность и доброту, готовность прийти на помощь. И еще очень любящая Биробиджан. Настолько, что даже солидный возраст не мешает вновь и вновь приезжать, встречаться со знакомыми улочками, друзьями, юностью. Мечтать о встрече с Соцгородком.

Наши мысли материальны. Если очень захотеть и стремиться к этому, оно обязательно сбудется. Осуществились и мечты семьи Блехерман. В мае 2015 года Изя вместе с Туней, покинувшей поселок в 1941 году, смогли вернуться в Соцгородок, к своим истокам.

Но история семьи вовсе не завершена. Очередным сюрпризом стало то, что в 2017 году удалось связаться с семьей сестры мамы Исаака Ильича – Раисы, в прошлом также жительницы Соцгородка. Только тогда удалось выяснить девичью фамилию сестер и узнать некоторые новые подробности о родных.

Семья Коваль

По прошествии какого-то времени, и опять волей случая, я нахожу адрес внуки Иосифа Форера, председателя коммуны, отправляю ей письмо и буквально на следующий же день слышу по телефону ее взволнованный голос. «Я рядом, в Маалоте, а фото из архива биробиджанского музея, которое вы мне прислали, единственное, я никогда раньше не видела деда». Мне очень понятно ее волнение, потому что это один в один повторение того, что пережила я, не так давно, когда в первый раз вглядывалась в фотографию своего деда. А Елена продолжает: «Вы знаете, мы родственники с семьей Абрама Ковалья, наши бабушки – сестры, вот адрес». И через день я уже переписываюсь с Людмилой Соловьевой, внучкой Шай Ковалья, о котором мне рассказывал мой отец. И снова воспоминания, уникальные фотографии.

Общение с Людмилой продолжается. Мы задаем друг другу вопросы, сопоставляем факты и догадки, углубляясь в историю семьи Коваль. Историю совсем не рядовую. Жизнь, как всегда, удивляет своими хитросплетениями.

Авром Бер (Абрам Исаакович) Коваль родился в местечке Телеханы Пинского уезда в 1883-м. Годы Первой мировой войны явились тяжелым испытанием для всех жителей Телехан, в том числе и для евреев. Все три деревянные синагоги и почти все жилые дома Телехан сгорели. Большая часть евреев покинула обжитые места, и лишь немногие из них вернулись после войны. По этой причине революционные события 1917 года непосредственно не затронули местечко, так как оно практически обезлюдело. С 1921 года, по Рижскому мирному договору, эта территория вошла в состав Польской республики. Постепенно налаживалась мирная жизнь. Были заново отстроены жилые дома, синагоги, при которых начали действовать хедеры.

Телеханы дореволюционного времени – типичное местечко черты оседлости. Большая часть евреев жила небогато. Работая по 12 часов в день, плотники, печники, жестянщики, бондари, сапожники и другие ремесленники жили в нужде. А многие и вовсе существовали на случайные сезонные заработки, денежную помощь от родственников из Америки.

Как и во многих других местечках царской России, еврейская беднота страдала от нищеты и погромов. После одного из таких кровавых погромов многие телеханские евреи эмигрировали. Не стала исключением и семья Коваль. В семье было шестеро детей: Хая-Либе, Морис, Абрам, Перл, Сара и Голда. Брат эмигрировал в Аргентину, одна из сестер в Палестину, Абрам в 1910 г. нелегально через Польшу – в Америку. Через год к Абраму, уже имевшему в Америке относительно неплохой заработок, приехали две сестры и его будущая жена. Этель Шенитская происходила из семьи раввина, но с ранних лет работала на стекольной фабрике, где и стала членом революционной подпольной группы. В маленьком городе Сью-Сити в штате Айова они купили небольшой домик. Один за другим родились трое сыновей – Шая в 1912 г., Жорж в 1913-м и Габриель (Гейби) – в 1919 г. Абрам работал плотником, сохранились данные, что в 1916-м он вступил в профсоюз «Единое братство столяров и плотников Америки».

Жили небогато, но извечную еврейскую мечту – учить детей – осуществить смогли. Тем более что дети проявили необычайные способности к учебе. Шая окончил на «отлично» колледж, в память о чем хранил печатку с барельефом Вашингтона. Жорж, об успехах которого в школе писала с восторгом местная газета, поступил в инженерный институт, младший Гейби также не отставал от братьев, его имя как отличника учебы уже появлялось в прессе.

Абрам в Америке продолжал вести активную общественную жизнь, он не последний человек в городском отделении ИКОРа. Детям тоже не чужды социалистические настроения, они участвовали в демонстрациях по защите прав бедняков, даже в связи с этим известны местной полиции. Хорошо рисующий Шая оформлял своими плакатами демонстрации. Жоржа в сентябре 1931-го в родном городе задержала полиция за то, что он был зачинщиком «захвата» служебного кабинета местного уполномоченного по делам неимущих, с требованием найти жилье для двух бездомных женщин, которых перед этим выселили из приюта. Об этом даже писала местная газета «Сью-Сити джорнэл энд трибьюн».

Но наступили годы Великой депрессии. Абрам потерял работу. Жорж, и до этого подрабатывавший, чтобы помочь семье, не смог продолжать учебу. Как всегда бывает во время кризиса, в стране обострился антисемитизм.

Семья, прожив в Америке более 20 лет, решила уехать в Советскую Россию, приглашающую евреев строить социалистический Биро-Биджан. Так, в 1932 году они оказались в Тихонькой, а оттуда их направили в коммуну «Икор-Соцгородок». Со строительства Соцгородка начинается жизнь Ковалей в России.

Жизнь совсем непростая. Наступило время холодов, Абрам добрался в коммуну серьезно больной, а в поселке – два недостроенных дома и лес вокруг. Начинали с нуля, неприспособленные к такой жизни вчерашние горожане учились выживать у местных жителей из соседних сел. Учились ловить рыбу, заготавливать дрова, топить печи. Тяжело было всем переселенцам, но иностранцам, горожанам, привыкшим к определенному уровню комфорта, тяжело вдвойне. Однако, как и многие другие коммунары, движимые высокими идеалами, Ковали не роптали и не жаловались, а начали строить новую жизнь. Задвинули в угол привезенные с собой стиральную машину и патефон с американскими джазовыми пластинками, бесполезные за неимением электричества. Богатый дорожный кофр со множеством отделений для мелочей заменил им шкаф для хранения одежды. Очень пригодилась хозяйке дома немецкая ручная швейная машинка, которую когда-то Этель получила в подарок от мужа. Правда, машинка понадобилась не только Этель – вскоре ее украли. Нашлась она весной, когда растаял снег, в канаве за селом. Умелые руки Абрама вернули ее к жизни, и еще долгие годы Этель обшивала с ее помощью детей и внуков. Потом машинка перешла в распоряжение молодой семьи старшего сына Шай, и в 2000 году, ко времени, когда дочь Шай Гита подарила ее Хабаровскому краеведческому музею, была вполне работоспособна.

Фото в журнале «Икор». 1932 год. Семья Коваль перед отъездом в Россию.

Абрам вернулся к своей специальности, плотничал в коммуне. Старшие дети Шая и Жорж, спрятав до времени дипломы и городские костюмы, вместе с отцом включились в жизнь коммуны, выполняя любую, даже самую неквалифицированную работу. Позже, когда я показала своему уже престарелому отцу семейную фотографию Ковалей, он признался, что впервые видит Шаю в цивильном костюме, в его воспоминаниях он только в рабочем комбинезоне.

После приостановки проекта «Соцгородок» семья перебирается в «Икор», который с 1939 года носит имя XVIII партсъезда, а с 1962 – Камышовка. Абрам Коваль первоклассный плотник, работающий, добросовестный. За хороший труд был послан на ВДНХ. Колхозники избрали его заместителем председателя. В газетных публикациях тех лет, в воспоминаниях первых переселенцев эта фамилия не редкость. В статье Д. Маневича «Два передовых еврейских колхоза» читаем про Абрама Коваль: *«В «Икоре» он занят большей частью на ремонтных работах. За прошлый год товарищ Коваль заработал 600 трудодней. Он один капитально отремонтировал телятник на 20 голов за срок, рассчитанный на троих плотников. Такими же стахановскими темпами он отремонтировал амбар на 60 тонн семян.*

Товарищ Коваль соединяет американскую деловитость с широким размахом социалистического труда. Он – член президиума райисполкома. За честный труд и стахановские методы работы правление колхоза премировало товарища Коваль путевкой в дом отдыха».

Но не только хорошей работой запомнился Абрам Коваль односельчанам, а своей порядочностью и добрым отношением к людям. Все старожилы села произносят эту фамилию с большой теплотой и уважением. До самой старости вся округа обращалась к Абраму Исааковичу со своими просьбами. Из-под его умелых рук выходили уникальные штучные вещи – сани с гнутыми полозьями, телеги и прочая утварь, необходимая в хозяйстве.

Про колодки для изготовления обуви, привезенные хозяйственным Абрамом из Америки и ручную мельницу, мне рассказали современные

жители Камышовки. Там же я услышала восторженные рассказы внуков старожил об инструментах, которые он привез из Америки и которые, как оказалось, до сих пор хранятся в семье Ковалей.

Кроме всего сказанного, Абрам по-настоящему преданный муж, трогательно ухаживавший за своей больной женой в преклонном возрасте, и заботливый отец и дед.

Здесь, в Камышовке, Абрам, его жена Этель остались на всю жизнь. Здесь они закончили свой жизненный путь. Этель – в августе 1952-го, а Абрам в январе 1965 года. К сожалению, кладбище на котором похоронены первые коммунары, в том числе и чета Коваль, заброшено, уже не различить могил, и большинство жителей села даже не догадываются о его существовании.

Совершенно по-разному складывалась жизнь детей этой необычной семьи. А судьбы их таковы, что было о чем переживать любящим родителям. Шая (Исай Абрамович), самый грамотный из коммунаров, работал на тракторе в коммуне, затем в МТС, механиком в Волочаевском совхозе (Камышовка), а на пенсию уходил с должности главного инженера. Специалист своего дела, содержащий в идеальном порядке совхозную технику, он не забыл юношеского увлечения живописью. Писал маслом, делал чеканку. И еще занимался садоводством. Даже в суровых условиях Дальнего Востока развел сад и очень им гордился. Односельчане вспоминают, что ни у кого в селе сливы и яблони не плодоносили, как у Ковалей. Ветви, усыпанные тяжелыми плодами, свисали через забор и привлекали ребятню, которую хозяева привечали и щедро одаривали. Не только дети, а порой и мужики села не прочь были заглянуть к Ковалям и испробовать плодов этого сада,

Абрам Коваль. Фото из Харьковского альбома. Областной краеведческий музей ЕАО).

но уже в виде фирменного домашнего молодого вина производства хозяина дома, за что, само собой, ему иногда доставалось от сельских женщин.

В статье «Три поколения» в «Биробиджанер штерн» за 1965 год Ш. Конник писал об Исае Абрамовиче: *«Это высокий крепко сложенный мужчина с загорелым лицом и сильными натруженными руками. Когда семья Коваль приехала сюда, Шая стал трактористом. Двадцать лет просидел он за рулем трактора. Потом стал бригадиром тракторной бригады, затем механиком бывшей волочаевской МТС, а затем – механиком третьего отделения совхоза. Вся сельскохозяйственная техника совхоза под его умелым руководством была вовремя отремонтирована и работает сейчас на уборке урожая без перебоев. Как рачительный хозяин готовит он уже сейчас всю свою сельхозтехнику к следующему году.*

Шая очень скромный человек – очень не любит говорить про себя. Поэтому я решил спросить, что про него говорит заведующий совхозным отделением Владимир Петрович Слинько.

«Шая Абрамович, – рассказывает он, – самый главный человек по части техники. Благодаря ему у нас в этой области все в порядке.

Шая Коваль охотно передает свой богатый опыт юным механизаторам. Он награжден медалью «За поднятие целины», почетным знаком «Отличник социалистического земледелия», множеством почетных грамот и ценных подарков».

Жена Шай Абрамовича Мария Петровна (Муся) Шейнфельд тоже из первых икоровцев. Знатный овощевод, ударница колхозных полей, а затем воспитатель в детсаду. Верная спутница Шай с 1935 года и до конца их дней. Четверых детей родили и вырастили вместе: дочерей Гиту, Софью и Галину и сына Геннадия. Старшая Гита успела поработать в родном селе фельдшером, Софья стала строителем, Галина – учителем

и поначалу тоже работала в колхозе, только в Смидовичах, а младший Гена избрал себе профессию, уже ставшую семейной. Он, как и его дяди, окончил «Менделеевку». Самое же главное, что дети вырастили молодое поколение Ковалей, за которое деду Абраму не было бы стыдно. (К сожалению, в живых из детей Шай и Марии в настоящее время осталась только Галина).

Выйдя на пенсию, Исай Абрамович переезжает из Камышовки в Хабаровск, еще какое-то время работает на заводе, но не бросает любимых занятий садоводством и живописью. В уже далеком 1932 году, переезжая из Америки в Россию, он привез с собой краски, кисти, в надежде продолжить заниматься любимым делом. Но не до того было, лишь теперь появилось время. Начал писать маслом, делать чеканку. Страдая от болезни Паркинсона, он делает себе скамейку-упор для рук и, держа кисть двумя руками, продолжает создавать картины. До самой смерти в 1987 году. Его работы сейчас бережно хранит его семья.

Средний сын Абрама Жорж (Георгий) проработал в коммуне недолго, но тоже успел оставить о себе память. В материалах конференции иностранных переселенцев (Биробиджан, 1933 г.), переведенных Е. Сарашевской читаем: *«Г. Коваль – юный американский «бой», учился на третьем курсе на инженера-электрика в университете в Яве. Вместе со своими родителями приехал в июле 1932 года в Биро-Биджан. Быстро акклиматизировался и привык к тяжелым условиям труда. Выполнял всю черную работу. Теперь работает в механической мастерской. Он не отступает ни перед какими трудностями! Готов сделать все для строительства Соцгорода».*

Жорж в коммуне корчевал лес, работал дранкоколом, то есть расщеплял бревна на тонкие пласты для покрытия крыш, немного шофером, механиком, а затем, через два года, поступил в московский химико-технологический институт.

Мария Шейнфельд в «Икоре». Фото из архива семьи Коваль.

В своей автобиографии Жорж писал о том, что он в 1933 г. поехал в Москву поступать на учебу, но опоздал на прием и еще на год вернулся домой. В 1934 году поступил в МХТИ. Тогда же получил в Москве советское гражданство. Внучка Исаяи Абрамовича Людмила Соловьева открыла мне маленький семейный секрет. Жорж, отправляясь в Москву, планировал поступать в МГУ. Но подвело незнание Москвы и русского языка, он просто-напросто перепутал вузы. Да и откуда ему было знать русский язык, если дома и в коммуне общались на идише. Вот английский, его второй родной язык, у него был великолепный, и это сослужило ему в дальнейшем добрую службу. А пока приемная комиссия освободила абитуриента Коваль от экзамена по русскому языку.

В 1939 году он окончил институт, защитил дипломную работу по тематике лаборатории редких газов и поступил в аспирантуру. Об этом я краем уха слышала от отца. Об остальном, как и весь мир, узнала не так давно.

25 ноября 1939 года Жорж Коваль был призван на военную службу, отчислен из аспирантуры и направлен в спецшколу ГРУ. Осенью 1940 года нелегально переправлен в США. Его цель связана с его образованием – новые отравляющие вещества, разработанные в американских лабораториях. Но внедриться под чужим именем не удастся. И тогда советский разведчик Дельмар идет на риск, он использует вместо легенды свое настоящее имя и документы о среднем образовании и двух курсах института, с которыми без труда удастся найти подходящую работу и установить нужные связи. Четвертого февраля 1943 года Коваль как гражданина США (американское гражданство по праву рождения осталось за ним до конца его дней) призвали в американскую армию. Он получил очень высокий балл при тестировании и был направлен на специальные курсы по изучению радиоактивных материалов при Нью-Йоркском городском колледже.

В августе 1944 года рядовой американской армии Джорж Коваль успешно закончил обучение на курсах и получил назначение на сверхсекретный объект в город Ок-Ридж. Так он оказался в самом сердце атомного центра, в котором производился обогащенный уран и плутоний.

В конце 1945 года Жоржа переводят на новое место службы – в лабо-

раторию, которая располагалась на секретном объекте в городе Дейтон, штат Огайо. Как радиометрист он был вхож во все уголки центра.

Информация от агента Дельмара, единственного разведчика в мире, сумевшего проникнуть на атомные объекты США, сразу попадала к научному руководителю советского атомного проекта Курчатову. Своевременное создание грозного оружия в противовес американской атомной бомбе во многом заслуга Жоржа Абрамовича. Если бы не оно, неизвестно, как бы сложилось в дальнейшем противостояние этих двух великих держав. До сих пор американские спецслужбы выясняют, как мог случиться такой прокол в их работе, как и что именно сержант Коваль, имевший допуск самого высшего уровня государственной секретности, мог передать советскому руководству.

А между тем техник третьего разряда Джорж Коваль был уволен из армии США, имея награды «За примерное несение службы» и «За победу во Второй мировой войне», отклонив предложения о продолжении службы.

Существовала угроза того, что агенты ФБР смогут установить, что американец Джорж Коваль в 1932 году вместе с родителями выехал на постоянное жительство в СССР и после этого в США не возвращался. Угроза более чем реальная: в журнале, издаваемом в США организацией ИКОР, были напечатаны фотографии семьи Коваль, выезжающей в Биробиджан, фото Абрама и статьи о его новой жизни в Биробиджане.

В 1948 году Жорж Коваль вернулся в Москву. В июне 1949 года начальник 2-го Главного управления Генштаба генерал армии М. Захаров подписал приказ, касающийся судьбы «Дельмара» и его работы в военной разведке. В приказе говорилось, что «рядовой Жорж Коваль 1913 года рождения демобилизован из рядов Вооруженных сил СССР», а в военном билете стояла запись о том, что в боевых действиях он не участвовал. За свою работу агент Дельмар не удостоился ни званий, ни наград. С одной стороны, это была опала, с другой, вполне вероятно, что забвение спасло жизнь Жоржу, он не попал под чистки, устроенные в аппарате после смерти Берии.

По этому поводу, как гласит семейная легенда, между Жоржем Абрамовичем и спецслужбами был заключен негласный договор: он ничего

не просит от них, но и они не трогают его. Я очень сомневаюсь, что со спецслужбами возможны какие-либо соглашения, но кто сейчас может сказать, как это было на самом деле? Дельмар умел хранить свои тайны.

В мирной жизни у бывшего разведчика возникли проблемы, заставившие его однажды нарушить договор, если он существовал на самом деле. Вернувшись в аспирантуру и успешно защитив диссертацию, Жорж около года не мог найти работу. По той простой причине, что не мог объяснить чиновникам, где служил и чем занимался 10 лет, почему за это время, имея высшее образование, не заслужил даже лейтенантского звания и имеет только одну медаль «За победу над Германией».

Только после вмешательства начальника ГРУ генерал-лейтенанта М. А. Шалина Жоржа Абрамовича приняли на преподавательскую работу в МХТИ, где он работал в течении сорока лет, преподавал, подготовил и опубликовал около 100 серьезных научных работ. И, прожив долгую жизнь, никому не рассказывал о своем прошлом.

Вспомнили о Ковале только тогда, когда он сам напомнил о себе, обратившись в американское посольство с просьбой о выплате ему материального пособия, положенного ему как ветерану американской армии. Кто знает, какой мотив двигал ветераном, ход его мыслей всегда был непредсказуем.

Вот тогда спохватились и родные спецслужбы, которым так кстати пришлось история Ковалю, но уже для поднятия собственного имиджа. В 1999 году бывший разведчик получил Удостоверение ветерана военной разведки, а за ним в 2000 году – почетный знак ГРУ «За службу в военной разведке». Ветеранам в таком возрасте такой знак не выдается, он предназначен только для награждения действующих офицеров, но для Жоржа Абрамовича было сделано исключение! А

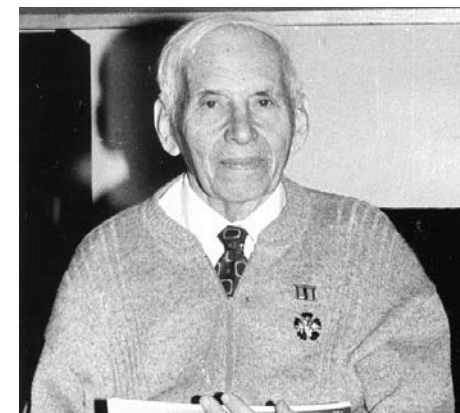
В «Игоре». Фото из архива семьи Коваль.

так как рядовому Ковалю офицерский знак тем более положен не был, то в удостоверение звание указать «забыли». Тогда же ему была назначена достойная пенсия.

В 2002 году вышли в свет газетная статья, описывающая эти события, и книга В. Лоты «ГРУ и атомная бомба». Но героем книги оставался разведчик Дельмар, Жорж Абрамович не разрешил раскрыть свое настоящее имя.

Обо всем этом и еще о многих подробностях службы и личной жизни Ж. Ковалю, о его встрече и переписке с известным физиком и историком, вместе с которым Жорж Абрамович во время Второй мировой войны служил в Ок-Ридже в Манхэттенском проекте, А. Крамишем, можно прочитать в книге ученика и исследователя жизни Жоржа Абрамовича Ю. А. Лебедева «Два выбора (об истории вербовок Ж. Ковалю)», РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2014 г.

Юрий Александрович продолжает свою кропотливую работу, изучая неизвестные этапы жизни Жоржа Ковалю, готовит к выпуску новую книгу, в которой, я уверена, будет немало открытий. В своей работе, опубликованной в альманахе Российского химико-технического университета им. Д.И. Менделеева («Исторический вестник», вып. № 49 (1) 2017г.) он пишет: «В богатой событиями биографии Героя России Ж.А. Ковалю все еще скрыто множество эпизодов, характеризующих его как чрезвычайно разностороннего человека, которому судьба дарила удивительные возможности, а он не упускал случая ими воспользоваться. Ниже приводится один из таких эпизодов, выявленный мною в ходе работы над книгой о его жизни и деятельности».

Ж.А. Коваль при вручении почетного знака. 2000 год. Фото из архива семьи Коваль.

Исследователю удалось разыскать и документально подтвердить ранее неизвестные данные о том, что кроме того, что Коваль изучал электротехнику в государственном университете Айовы, весной 1941 года студент Жорж Коваль учился на факультете «Расширенного Университета (University Extension) Колумбийского Университета в Нью-Йорке, изучая органическую химию. В это же время там работали знаменитые ученые-нобелианты Ферми и Юри, стоявшие у истоков изучения атомных процессов, и очень высока вероятность того, что Жоржу удалось услышать их лекции, что, возможно, в дальнейшем помогло его работе.

Интересно, что в переписке с Крамишем, высоко ценившим Жоржа Абрамовича, два ветерана не только обсуждали современные мировые проблемы и вспоминали годы совместной службы, но и периодически возвращались к жизни Ковалья в коммуне, к событиям и людям, связанным с ней. Крамиш знал о некоторых эпизодах этой поры из американской прессы, Жорж Абрамович вспоминал былое и людей, с которыми ему довелось встретиться в «Икоре».

Скончался Жорж Коваль в Москве 31 января 2006 года. 22 октября 2007 года ему «За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания» было присвоено звание Героя России (посмертно).

Только тогда его коллеги и студенты узнали, что их любимый преподаватель, талантливый ученый был разведчиком.

Была еще одна сторона жизни легендарного Дельмара, известная только близким. Жорж Абрамович, как и все мужчины в семье Коваль, был опорой и надеждой как для больной жены, за которой преданно ухаживал, не доверяя никому, так и для молодого поколения. Настоящий глава семейного клана. До глубокой старости сохранивший ясный ум, он в 70 лет освоил компьютер и вел активную переписку со своими друзьями, живо интересовался происходящими событиями. На 90-летие родные подарили ему цветной принтер и приставку для набора текста с голоса, и подарок этот юбиляр активно использовал. Но душой отдыхал, когда удавалось вырваться на дачу, за город. Подержать в руках плотницкий инструмент, вдохнуть запах свежих стружек, что-то смастерить своими руками.

Общаясь с семьей Жоржа Абрамовича, я не могла удержаться от «коварного» вопроса. Как он сам относился к тому, что он, гражданин США, работал против своей страны? Оказалось, что только однажды в семье зашел разговор, который Жорж Абрамович оборвал раз и навсегда, ответив, что работал он не на американское или советское правительство. Главным был для него итог: мир избежал ядерной войны.

Сейчас каждый этап жизни Жоржа Ковалья тщательно исследуется, о нем написаны книги, сняты фильмы и в России, и в Америке, и желающие без труда могут с ними ознакомиться.

2 сентября 2015 года в Биробиджане в честь Героя России был открыт пилон в Сквере Победы, а в 2018 году в районном музее п. Смидовичи появилась новая экспозиция, посвященная Ж.А. Ковалю и первостроителям «Икора».

Самая короткая, но не менее героическая история у младшего из сыновей Абрама Ковалья. Талантливый, как и все в их семье, хорошо играющий на гитаре, душа компании, Гейби после окончания еврейской средней школы №2 им. Кирова в Биробиджане, успешно окончил в 1941 году тот же институт, что и брат. На страницах «Трибуны» № 23 за 1936 год опубликовано «Обращение биробиджанцев Москвы к еврейской молодежи». В ней – призыв «дать не одну сотню и тысячу смелых, отважных летчиков, танкистов, подводников, парашютистов и пехотинцев» для защиты Родины и, конечно, здравницы в честь великого вождя. Все подписавшиеся студенты – биробиджанцы московских вузов, и среди них братья Жорж и Гейби Коваль.

На защиту диплома к Габриэлю в Москву приезжала его мать. Но долгожданная встреча с сыном не была радостной. Ее приезд 22 июня 1941 года совпал с началом Великой Отечественной войны. Не пробыв

Гейби Коваль. Фото из архива семьи Коваль.

в Москве и суток, Этель возвратилась домой на Дальний Восток. Семья еще не знала, что это было последнее свидание матери с младшим сыном. Гейби, защитив 26 июня диплом инженера-технолога, ушел на фронт. Известно, что он был призван в ряды вооруженных сил Биробиджанским горвоенкоматом.

А дальше – только строки из книги памяти: *«Гвардии лейтенант, командир взвода Коваль Габриэль Абрамович погиб 1 августа 1943 года в районе села Рябино Смоленской области»*.

Последним местом службы Габриэля Ковалья была 4-я Гвардейская мотострелковая бригада. Село Рябино, что под Ельней, было уничтожено в годы войны и не восстановлено. Но в мемориальном комплексе в Ельне, в списке павших воинов увековечено имя Габриэля Ковалья. Не так давно родные смогли побывать на месте боев и поклониться его памяти.

В родном институте на мемориальной доске с именами погибших на фронте «менделеевцев» золотыми буквами выгравировано «Гейби Коваль».

Пока собирался этот очерк, постоянно находились какие-то новые данные. Например, в статье Андрея Шитова в Российской газете от 04.06.2008 г. упоминается о том, что в 1936 году сестра Абрама Голда с мужем Гарри Гуштелем ездили к родственникам в колхоз на Дальний Восток. Вопреки моим сомнениям оказалось, что это правда. Голда с мужем действительно не только приезжали в гости к Ковальям в «Икор», но и побывали в Телеханах, на память об этой поездке осталась фотография.

Упоминание об этом путешествии я нашла и в издании «Найлебен» (апрель 1937 г., №4): *«Г-жа Г. Гуриштель, сестра Ковалья, и ее муж, которые все еще проживают в Сью-Сити, отправились навестить семью Ковалья летом 1936 года. По возвращении они с энтузиазмом вспоминали о том, что видели в Советском Союзе, в Биро-Биджане. Гуриштель, который всегда был преданным другом ИКОРа, обещал активизировать свою деятельность в десять раз, по-*

тому что чувствует: то, что он видел в Биро-Биджане, заслуживает преданности со стороны каждого еврея во всем мире. Благодаря этому энтузиазму ему удалось получить 52 новых подписчика «Найлебен». Он утверждает, что рассматривает эту деятельность просто как вклад с его стороны в популяризацию великой исторической главы, одним из создателей которой посчастливилось стать его шурина».

Вся семья понимает: здесь у сыновей Ковалья есть лучшие возможности для поиска своего места в жизни. Но что еще более важно – это возможность участвовать в той великой задаче, которая в настоящее время осуществляется в Биро-Биджане: омоложение нации, создание новой еврейской нации на Еврейской автономной территории».

В 1971 году Голда вновь посетила Хабаровск, встречалась с Шайей и Марией, в Москве побывала в гостях у Жоржа.

У этой истории, надеюсь, будет продолжение. Правнуки Абрама Ковалья прилагают большие усилия в поисках своих родственников, разбросанных по свету. Похоже, усилия не напрасные. Удалось отыскать потомков сестер Абрама, живущих в Израиле, а это дает надежду на новые открытия.

При подготовке этой главы использована информация из следующих источников:

Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева. – 2017. – № 50 (2)

Лебедев Ю. Персонаж Солженицина

Лота В. Его звали «Дельмар» // Красная звезда. – 25 июля 2007 г.

Шевченко В. Оперативный псевдоним «Дельмар» // интернет-сайт proza.ru

Найлебен. – Америка. – 1932–1937 гг.

Протокол конференции иностранных переселенцев // ОГБУ Госархив ЕАО. – 1933 г. – перевод с идиша Е. Сарашевской

Российская газета. – 4 июня 2008 г.

Воспоминания и архив семьи Коваль.

Семья Герзон-Браверман

Все началось с фотографии, которая без малого 80 лет хранилась в архиве семьи Коваль. Ко мне это фото попало от правнучки икоровца Абрама Коваля, внучки Шаи, Людмилы. На обратной стороне трогательная и о многом говорящая надпись: *«На память нашим дальневосточным «родителям», чьей отеческой заботливостью и советами были воспитаны сознательные строители новой общественной структуры – социализма».*

Сара Браверман и Самуил Герзон в «Икоре». 1936г. Фото из архива семьи Коваль.

И подписи – Ш. Герзон, С. К. Браверман. 6.04.36 г. Вглядываясь в эти молодые лица, разбираю надпись на обратной стороне и вдруг понимаю, что Самуил (Шмуэль) Герзон – это же один из первых еврейских переселенцев в коммуну «Икор-Соцгородок», чьи воспоминания лежат у меня на столе уже больше года. Он единственный, рассказывая о том, как создавалась рыболовецкая артель в «Икоре», упоминает моего деда, рыбака Исроэля Пинзура. Красиво, образно, поэтично рисует образы отдельных коммунаров и картины дальневосточной природы. Рассказывает про будни коммуны, про то, как вчерашние городские евреи становились земледельцами. Эти воспоминания были написаны для журнала «Советиш Геймланд», а перевела их с идиша дочь Герзона Рита Рознатовская.

Соцгородок расположился на возвышенности, которая своими склонами сбегает к реке. На ее берегах прошло все мое детство, при первой возможности мы исчезали из дома до самого вечера. Купались, загорали, играли тут же у реки в мягкой траве-мураве. Прямо на берегу были остатки пилорамы, бетонные площадки и металлические станины, рельсы. Привычная картина нашего детства. Никто особо и не задумывался о несоответ-

ствии тихой пасторали берега и остатков технического прогресса. Они были здесь всегда, с самого сотворения нашего детского мира. А неподалеку – два больших бетонных куба, на которые мы частенько вскарабкивались, чтобы без помех поболтать с подружками, поделиться нехитрыми секретами. У подножья этих кубов мы собирали одуванчики для венков или полыхающую в траве землянику. Лишь потом я узнала, что это остатки фундамента электростанции, которую планировали строить в новом социалистическом городе. Американцы завезли оборудование, ящики с ним долго валялись бесхозные, а потом куда-то сгинули.

Все и всегда знали, что глубокий участок протоки, куда мы уходили купаться, назывался Перекоп. Именно там отшнуровывалась пересыхающая протока с ласковым песочком, в изобилии водились огромные раковины-жемчужницы, в прозрачной воде было полно раков, а на берегу росли дикие яблони и черемуха. И только в свои более чем взрослые годы, прочитав воспоминания Самуила Герзона, я устроила «допрос» отцу и узнала, откуда появилось это название.

Вокруг Тунгуски и ее проток – пойменные луга. И самый большой разлив бывает, как правило, летом, когда совпадает время муссонных дождей и таяния снегов по горным рекам. Этой особенностью и воспользовались коммунары. Как раз в том месте, где у протоки высокие берега, решили обосновать заездку, перекопав реку и перегородив ее загородкой из тонких бревен, вбитых в дно. Вода в реке поднялась, затопив все кругом, с ней зашла и рыба кормиться в заросших кочками заливных лугах. Когда же вода стала падать, ловушка захлопнулась, рыба, скатываясь вслед за водой, уперлась в загородку. Участок воды перед преградой буквально кипел, более крупные рыбыны выпрыгивали из воды, пытаясь преодолеть заездку. Рыбаки поняли, что одним им не справиться. Остановили все сельскохозяйственные работы

Сара Браверман и Самуил Герзон в «Икоре». 1936г. (обратная сторона). Фото из архива семьи Коваль.

в коммуне, всех коммунаров, включая детей, задействовали в ловле и переработке рыбы. Об этом рассказал отец, об этом же эпизоде из жизни коммуны писал С. Герзон.

В очередной раз воспользовавшись помощью Изи Блехермана, который, когда дело касается биробиджанцев, заменяет мне поисковую систему Интернета, я уже через неделю разговариваю с Ритой Самуиловной Рознатовской.

Она, с подозрительно поблескивающими глазами, говорит мне: «У меня сердце замерло, я сразу узнала папин почерк. Это мои родители как раз в год моего рождения». И тут же смеется: «Когда я рассказываю, что родилась в кибуце на Дальнем Востоке, все думают, что я сошла с ума».

Рита Самуиловна начинает свой рассказ о родителях, о семье. очередной раз удивляя причудами судьбы, испытаниями, выпавшими икорцам, и их стойкостью.

На Дальний Восток молодые коммунары приехали из Украины, Винницкой области. Приехали еще порознь. Первой в 1931 году уехала сестра Сары Браверман, за ней после окончания еврейского медицинского техникума в родном городке Гайсин и сама Сара. По-видимому, это та самая коммунарка – работница медпункта, о которой упоминает в своей книге «Икор» А. Лейбман (Лев).

Самуил Герзон родился в еврейском местечке Самгородок в той же Винницкой области. Как и во всей округе, полунищие семьи, пережившие еврейские погромы, зарабатывали на жизнь в основном ремеслом, обслуживая близлежащие села, и случайными сезонными заработками. Отец Шлойме – уважаемый человек в селе, глубоко верующий, инвалид японской войны, георгиевский кавалер, участвовавший в битве при Порт-Артуре. Что он мог дать своим детям кроме наставления учиться? А детей пятеро: Аврум, Самуил, дочери Малка и Нехама и младшенький Аарон.

Самуил проявлял немалые способности. Он страстно хотел учиться, понимая, что только образование может вытащить его из голодной сельской жизни. Поэтому покинул семью и уехал в Винницу учиться: сначала в 7-летнем ремесленном училище, а потом в электромеханическом тех-

никуме. Все эти годы подрабатывал, помогая ученикам, отстающим в учебе, и очень гордился, когда мог помочь семье. Кроме учебы занимался комсомольской работой, обучал грамоте еврейскую бедноту.

В 1932 году по комсомольской путевке он в компании таких же парней уехал на Дальний Восток. Добирались поездом целый месяц. Самуил получил направление в Соцгородок, здесь он повстречал Сару. Единственный медработник в поселке, она работала и фельдшером, и акушеркой, могла заменить врача, при необходимости добираясь к больным на телеге или лодке. Хорошо хоть народ был в основном молодой и здоровый. Но случались и болезни, и травмы.

Самуил не чурался никакой работы. Был и рыбаком, и пахарем, позже председателем кооператива Волочаевского куста. Занимался заготовкой и вывозкой сельхозпродукции, что при отсутствии дорог было очень непросто. Да еще огромная материальная ответственность. Об этом он тоже рассказывал в своих воспоминаниях. Обыкновенное дело – заготовка и перевозка картофеля в условиях того времени превратилось в целую эпопею, о которой Самуил в своих воспоминаниях пишет: *«Эти несколько напряженных дней и ночей моих далеких молодых лет живут в памяти до сих пор со всеми подробностями»*.

Там же появилась на свет их старшая дочь Рита, названная так в честь маминой сестры Ривки, погибшей при попытке нелегальной эмиграции в Палестину. Судя по подписи на фотографии, молодую пару опекал опытный Абрам Коваль, заменивший им далеких родителей.

В 1937-1938 годах часть коммунаров была репрессирована. Самуил Герзон тогда уже преподавал математику в вечерней школе в поселке Николаевке, был студентом учительского института Благовещенска. Он не стал искушать судьбу. В одну ночь собрал нехитрые пожитки и тайно увез семью к родным на Украину. Там устроился преподавателем математики на офицерских курсах в Казатине, Сара работала в районной больнице. В 1939 году у них родилась еще одна дочь – Клава.

И все бы хорошо, но началась финская компания, а за ней и Великая Отечественная война. Все мужчины многочисленной семьи Герзон-Браверман ушли на фронт. Женщин и детей удалось отправить в эва-

куацию. Сначала в Куйбышев, где они смогли перевести дух у дальних родственников, а затем в шахтерский городок Пласт Челябинской области. Самуил, которому повезло избежать ранений на финской, в Великую Отечественную дважды получал легкие ранения и быстро возвращался в строй. Но в бою под Белым Бором, что возле Ленинграда, в конце 1942 года танкист Герзон был не просто тяжело ранен, а еще и сильно обгорел, потерял зрение, чувствительность рук и был просто нашпигован осколками, которые еще долгое время с нарывами выходили наружу. Полгода в госпитале. Беспомощного, на носилках, его привезли к матери. Сердобольная сестричка в госпитале, дабы спасти солдата от февральских морозов, обмотала его слоями ваты. Возвращаться в таком виде к жене и быть обузой инвалид первой группы не хотел. Но тут уже Сара проявила характер. На следующий же день она перевезла мужа домой.

Понемногу Самуил восстанавливался, приспосабливался к новому своему состоянию. Жили они в избе с одной комнатой и насыпным земляным потолком. Сара уходила на работу, а для мужа она нашла занятие: развела кроликов, с которыми он возился, заполняя свой день. Да и подспорье к столу появилось. В 1944 родился сын Павел, который стал еще одним кормильцем в семье, – на него полагалась продуктовая карточка. Но как только освободили Украину, семья двинулась домой.

Добирались на товарняках. На одной из станций Сара, в поисках еды для детей, отстала от поезда. Слепой инвалид с тремя детьми, младшему из которых было полгода, и старой матерью остался без денег и документов. Рита Самуиловна отчетливо помнит все мытарства той поездки, поиски родного дома в разрушенном городе, подбитые танки на его улицах. Детские впечатления живут в ней до сих пор. Тем более что она повсюду сопровождала отца. От дома остались одни стены и крыша. Но это не беда. Главное, что Саре тоже удалось добраться живой и невредимой.

Справились и с ремонтом. На территории бывшего еврейского гетто теперь разместили пленных немцев, которые помогали восстанавливать город. По утрам, в сопровождении дочери, Самуил конвоировал нескольких из них, выделенных инвалиду для ремонта дома, а вечером

возвращал назад. В 1947 г. появился на свет еще один сын – Сергей. А в 1949-м Самуил увозит жену и детей в Биробиджан, оставив на Украине мать и остальных родственников.

Биробиджанская страница жизни оказалась более спокойной для семьи. Немного улучшилось здоровье Самуила, его перевели на вторую группу инвалидности. Купили домик, развели хозяйство, огород. Дети подрастали, помогали родителям. Самуил, выучивший азбуку Брайля, преподавал в школе для слабовидящих при городской организации общества слепых, потом ему помогли устроиться в спецшколу при тюрьме. Так что даже пенсию заработал, не сидел на шее у государства. И занимался еще одним любимым делом. Унаследовав от отца прекрасный голос, он играл в народном Биробиджанском театре. В семье хранятся записи песен в его исполнении, сделанных для областного радио. Рита Самуиловна показывает мне сохранившиеся программки к театральным спектаклям, фотографии той поры. Рассказывает, что она нечасто бывала на спектаклях с участием отца. Очень волновалась за него, а он пел, танцевал, не признавая никаких ограничений. Самуил был заводилой в городской организации инвалидов, заместителем председателя городского общества слепых, организатором кассы взаимопомощи для пенсионеров, старался помочь нуждающимся. И много занимался со своими детьми, обучая их математике, игре в шашки. Тому, что сам очень хорошо умел делать, имея многие дипломы и победы на соревнованиях шашистов.

В 1979 году Самуил умер, оставив детям свои записи. В них и его история, и благодарность семье, и наказ детям и внукам. Подводя итоги своей жизни, он написал: *«Я не искал легких путей. Совесть моя перед людьми чиста»*.

Уже став взрослой, Рита поинтересовалась у отца, что толкнуло его на переезд в Биробиджан. И Самуил ответил, что он понял, что на Украине никогда бы не исполнил свою мечту выучить детей. Все четверо не подвели отца, все получили высшее образование, один из сыновей – ученую степень. Все нашли достойное место в жизни. Сын Сергей, еще будучи подростком, получил приглашение в физико-математическую школу при Новосибирском академгородке. Окончил там университет,

преподавал, занимался молекулярной физикой. Рита преподавала в школе, в Биробиджанском областном педучилище, а ее сестра сначала в техникуме в Иркутске, а потом там же перешла на работу в областной отдел народного образования. Павел окончил политехнический институт в Хабаровске, работал в Улан-Уде, в НИИ в Москве, там же защитил диссертацию. К сожалению, его жизнь рано оборвалась.

Сара Акимовна дожила до 1990-го, в этом же году Рита Самуиловна с семьей уехала в Израиль. Традиции дружной семьи не нарушились, теперь уже она помогает детям, занимается с внуками, успехами которых семья по праву может гордиться. Мне повезло познакомиться не только с Ритой, но и с ее братом Сергеем. Удивительно красивые, интересные, интеллигентные, умные люди, которым солидные годы не мешают жить полной жизнью и активно участвовать в ней. Для того, чтобы иметь возможность

Бывшие икоровцы Р.С. Рознатовская, С.М. Неудачина, Е.А. Брагинский в Биробиджане.

быть в курсе всех событий и общаться с друзьями, разбросанными по всему свету, они освоили компьютер, посещают лекции, концерты. От отца им передалась любовь к музыке и бережное отношение к семейным реликвиям. Невзирая на переезды, Рита Самуиловна сохранила все, что связано с родителями. Молитвенники деда, рукописи отца, газеты и журналы с его заметками и воспоминаниями, награды и тросточку, шахматы, мамыны медицинские инструменты,

прошедшие с ней всю войну, эвакуацию, переезды через всю страну.

Израиль – страна, где случаются удивительные встречи. Однажды к Рите подошла молодая женщина со словами благодарности в адрес Самуила: «Его помощь изменила жизнь моей сестры». Слепая с рождения девочка обрела профессию, дом, семью. Рита Самуиловна отыскала для меня в семейном архиве заметку из областной газеты, рассказывающую об этом случае. Ее отец не только учил эту девочку, но сам ездил с ней в Хабаровск, добился для нее рабочего места и жилья.

Случай же свел ее с земляком Изей Палатниковым (Илан Палат), молодость которого прошла в Биробиджане. Он был глубоко растроган встречей с землячкой, воспоминаниями о биробиджанской молодости. В память о встрече он прислал ей из Сан-Франциско свою книгу воспоминаний «Солдат из Биробиджана» и альбом фотографий ветеранов города – в дар музею города Кармиэля.

Мое знакомство с Ритой Самуиловной перешло в прочные отношения, и она радует меня своей помощью и поддержкой, она же любезно поделилась с нами воспоминаниями ее отца Самуила Герзона, которые вновь переносят нас в коммуны.

Самуил Герзон

Незабываемые дни

(Воспоминания. Часть I)

По соседству с легендарной Волочаевкой. 1932 год

Наша коммуна «Икор» находится на расстоянии менее 3 километров от разъезда Дежневка и в 12 километрах от Волочаевки. Это приподнимает наше настроение. Еще бы! Жить и работать по соседству с легендарной Волочаевкой! На расстоянии пяти километров от реки Тунгуски расположено наше поселение Соцгородок, а вокруг шумит дикая тайга, тянутся непроходимые болота, а над ними клубятся мириады комаров, мошкары и слепней, которые безжалостно сосут кровь у всего живого. Правда, по ночам порхают вокруг фантастические разноцветные бабочки-мотыльки, а зеленые поля покрыты такими яркими цветами, каких мы не видели ни в Белоруссии, ни на Украине. Коммунары в большинстве своем молодые парни, которых комсомол послал на Дальний Восток осваивать богатства обширных целинных земель. Лишь некоторые приехали со своими семьями. Всем было тяжело забыть свой отчий дом, землю, на которой родились и росли.

Авраам Терновский, красивый, широкоплечий парень, признавался: «Как увижу на станции пассажирский поезд, услышу гудок паровоза, – тяжело на сердце, тянет домой».

Переселение действительно дается нелегко, трудно привыкнуть к новым условиям. Большинство парней – портные, сапожники, столяры, или вообще без профессии, они никогда прежде никакого отношения к земледелию не имели. Но все мы с большим энтузиазмом осваиваем новые земли: корчем тайгу, пашем целину, с ранней зари и до поздней ночи работаем с топорами, кирками, лопатами. Нашей бригадой в 11 человек руководит Арон Литевский, очень энергичный парень, выходец из Польши. Зимой мы выезжали на лесозаготовки, и там он показал свою хватку и организаторские способности. Арон был послан делегатом на ВДНХ в Москву и награжден там грамотой и медалью.

Мойше-Арно Пищиц и его сыновья

В этом году хорошо уродились зерновые, и мы приступили к жатве. Работает косилка, но кроме нее нужны косари. Кого поставить? Ведь никто косы в руках не держал! Инициативу проявил Мойше-Арно Пищиц. Он первым становится в начале поля. За ним оба его сына – Юдл и Авраам. Начали! Косы издали резкий режущий свист.

«Как у Левина в «Анне Карениной», – выкрикнул Мойше Сухой и тоже взялся за косу. Глядя на них, становятся рядом другие коммунары. Не все получается: косы не хотят резать, трава не хочет ложиться ровными рядами.

«Пока это еще не родное дело», – говорит Мойше Сухой.

Понемногу приспособливаемся, дело пошло.

Но где поставить и как сметать стог сена, да так, чтобы он стоял? Кто это умеет делать? И на это, оказывается, тоже способен Мойше-Арно Пищиц. Он кладет копны, стога аккуратно и прямо. Мы откровенно удивляемся: откуда у городского еврея взялось такое мастерство? Более того, его стога видел сам Микола Збанчук, старожил соседнего колхоза. Он долго курил трубку и в конце концов высказался: «О це гарно! Діло будэ! Цой чоловік вроджений скірдоправ!».

Молотилку нам дала МТС, но как, с какой стороны к ней подобраться? Кто из нас может на ней работать? Мойше-Арно Пищиц может! Вообще он человек хладнокровный. В самые трудные минуты берет он кусок газеты, сворачивает козью ножку толщиной в палец и закуривает молча. Мы уже знаем: в это время у него в голове рождаются самые богатые идеи.

«Не расстраивайтесь, – говорит он, – будет хорошо».

Небольшое совещание, в котором принимают участие Форер, Сухой, Спольский, Пищиц и другие. Выносятся решения, что барабанщиком на молотилке будет Мойше-Арно, потому что к этому надо иметь большое терпение и осторожность. К барабану ставятся самые ловкие. Мы достаем первые копна из стога. В каждом деле нужна аккуратность. Вскоре появляются исключительные работники: Хони Шапиро и Арон Литевский. Они настолько умелы в работе, что соседние русские и украинские колхозы просят их помочь обмолотить зерно.

А вообще не все было так хорошо. К началу уборки овощей зарядили проливные дожди, разливается наша Тунгуска и затопливает все до самых домов. Урожай, который мы растили все лето, пропал, оказавшись под водой. Ночью поднимается крик: тонет стадо. Все поселенцы с веревками и досками бегут спасать колхозное добро. Государство выделяет муку и другие продукты для нас, но попробуйте привезти все это из Волочаевки в коммуны, когда все вокруг на десятки километров залито водой. Часто можно было увидеть караван людей, шагающих по шпалам железной дороги с мешками муки и других продуктов на плечах, а с обеих сторон железной дороги – море воды. Короче, с продуктами в коммуне были большие трудности. Поэтому ухватились за мысль: восполнить недостаток продуктов рыбой. Живем же на берегу Тунгуски, в которой столько рыбы! Рыба буквально просится: «Возьмите меня, и у вас будет другой рацион».

Все коммунары помнили вкус субботней фаршированной рыбы, которую их мамы готовили в местечках, но о том, как ловить самим, вялить, сохранять от порчи, об этом никто, кроме Пинзура, не имел никакого представления.

Исрозль приехал в коммуны из Белоруссии. Ему приходилось ловить рыбу в Днепре, и он имел представление о том, как плетут сети, как навешивают грузила, как делают удочки. Хотя я сам жил в г. Виннице на реке Буг, потом в Киеве на Днепре, но о ловле рыбы имел очень туманное представление. Именно здесь, в коммуне «Икор» на берегу реки Тунгуски, мне пришлось испытать себя в ловле рыбы.

Рыба

Получив консультации у Пинзура, в один из жарких летних дней, после тяжелой работы в поле, пошел я на протоку, что в 5 минутах ходьбы от моего жилья. Захватил с собой две удочки и коробочку с червями. Спускаюсь к оморочке, привязанной к дереву у самого берега. Я любил эту лодочку: оттолкнешься веслом, и она мчится стрелой, только держи равновесие. Протока была узкой, с обеих сторон рос высокий тальник, его переплетенные густые ветки образовывали темный коридор.

Было около девяти часов вечера, но еще светло, время, когда рыба хорошо ловится. Я закинул удочки в воду без особой надежды, что из этого что-то получится, но сразу обе лески потянули в глубину. Они натянулись, как две струны, и я едва смог их удержать. Тяну... Блеснула золотистая чешуя на спине большого сазана.

«Вот это парень! – подумал я. – С ним надо быть осторожным, не то он сломает удочку и исчезнет в воде...». Я его немного помучил, вода по протоке, и только потом, еле-еле, с большим трудом затащил в оморочку, затолкал его в брючину штанов, накрепко привязал веревкой, чтобы он не сделал сальто-мортале опять в реку. На вторую удочку попался королевский карась. И началось... Караси и касатки, с такими острыми плавниками, что резали руки, рвали наживку, сами косяками летели на крючок, дрались за кусочек дождевого червя. Я складывал улов, как поленицу дров, на дно оморочки. Но что это? Кто-то под водой с силой тянет у меня удилище, прямо из рук вырывает. Потихоньку я тяну леску из-под лодки. Сильный карась глянул на меня своими мутными глазами. Я подтягиваю его ближе, ближе, сопротивление становится все сильнее. Тяну изо всех сил, вот карась уже в лодке. Что же оказалось? Что вы скажете на такое нахальство?! Большая сильная щука килограмм на восемь, не меньше, своей большой волчьей пастью с зубами-иглами заглотила до половины несчастного карася и ни в коем случае не хочет его отпустить. За свою жадность и упрямство щука была наказана. Она тоже легла на дно оморочки по соседству со своей жертвой... Я не успеваю снимать рыбу с крючков и насаживать новую наживку.

Домой я шел в полной темноте, с трудом таща богатый улов, примерно 30 килограмм рыбы. Удивительно, что столько наловил за такое короткое время! Еле дотащил! Что делать с таким количеством рыбы в такую жару? В «Икоре» было несколько многодетных семей, которые нуждались в помощи, такие, например, как семья кузнеца Ойхмана, погонщика лошадей Табачника, Финкельберга и др. Им я сразу отдал большую часть улова. Все были рады, и уже минут через сорок из открытых окон слышны были приглашения: «Товарищ Герзон! Самуил! Идите кушать жареную рыбу!..».

Я благодарю: «Я еще свою не ел!»

Остаток рыбы я держал в ванне с водой. Вода придавала свежесть комнате, а плавающая рыба была интересным зрелищем для соседских детей.

Я еще долго был под впечатлением моего первого удачного улова: столько рыбы! Такая спокойная река! Ни одна моторная лодка не нарушает тишины! Нерестилища чистые и прозрачные. Ни одной капли бензина не было тогда в реке. Вокруг ни одного рыбака.

Мы сидим в правлении и думаем: что делать? Не ждать же, пока вода спадет...

Мойше-Арн Пищиц вынул, по своему обыкновению, из кармана кусок газеты и сделал самокрутку толщиной в палец. Мы поняли: готовится новая идея, сейчас Мойше-Арн выдаст ее на-гора. Он сидит. Курит, молча смотрит на нас оценивающим взглядом. Мы уже не ожидали услышать от него живого слова, как вдруг он произносит: «Раз живем у Амура-батушки, надо ловить рыбу».

А Мойше Сухой добавляет: «Да, рыба – это дешевая еда. Но чем ловить? Кипой раввина?»

Мойше-Арн Пищиц: «Руками».

Правлению коммуны эта мысль понравилась. Была создана бригада из четырех человек. В нее вошли: «опытный» рыбак Исроэль Пинзур, Арн Литевский, Илья Блехерман и я. Илья за свои организаторские способности был избран бригадиром. В резерве были Юда Пищиц и недавно приехавший из Бердичева Яков Габай. Решили также, что при необходимости на помощь придут все коммунары.

Несколько человек откомандировали в Хабаровск, и они привезли оттуда (достали с большим трудом) сеть длиной 200 метров. Теперь мы настоящие рыбаки!

Подготовили соль, бочки, ножи. В полном составе наша бригада отправилась изучать места, где по нашим понятиям можно будет ловить рыбу в больших количествах.

Когда Тунгуска разливается после продолжительных летних дождей, вода заливают обширные территории. Ни проехать ни пройти. Но там, где протока впадает в Тунгуску, было узкое место между крутых берегов. Там мы и решили обосновать заездку, перегородить это узкое место за-

городкой высотой в 4 метра, используя тонкие бревна, накрепко вбивая их в речное дно.

Я помню, в те дни у нас в коммуне было одно из самых боевых собраний. Сама идея всем понравилась, но чтобы сделать заездку, нужны время и люди. А где гарантия большого улова? Блехерман и Литевский (аргентинские евреи, приехавшие из Буэнос-Айреса) поговорили между собой по-испански, похлопали друг друга по плечу, усмехнулись, они были оптимисты, и объявили: «Все будет хорошо!»

Рыболовецкая бригада сразу принялась за работу: заготовку древесины. И спустя короткое время мы смогли отпартовать правлению коммуны: «Заездка готова!».

Стали ждать разлива реки, чтобы мы смогли доказать правильность нашей идеи. Долго ждать не пришлось. Начались проливные дожди. В заграждении мы оставили широкие проходы, чтобы рыба могла, пользуясь паводком, свободно заплывать, не бояться заграждений. Вода в Тунгуске поднялась до двух метров и залила, как всегда, обширные земли до самой станции Волочаевка. Рыба косяками пустилась в залитый водой кочкарник, зарылась в мягкую зеленую траву.

Несколько дней вода держалась на одном уровне, а потом медленно начала спадать. Это почувствовала рыба, начала подплывать к сети и пробовать ртом, можно ли спастись. Но не тут-то было. Все проходы были закрыты.

Рыбы было действительно много. Мы поняли, что силами нашей одной бригады нам не справиться. Блехерман кричит: «Полундра! Нужно позвать больше людей!». Мы приступили к первой тоне. Сеть была очень тяжелой, мы ее еле тащили. Рыба с большой силой тянула нас в реку.

Крик стоит до облаков! Все рады! Столько рыбы! Большие сильные сазаны, что попали в первом улове, до 18 килограмм весом, им нужно много воды, а вода все мелеет. Рыбы бьются о перегородку с еще большей силой, пытаются перепрыгнуть через заграждение. Некоторым это удается – такова сила жизни, инстинкт самосохранения. Мы используем все силы, чтобы не выпустить рыбу.

Коммунары обрабатывают пойманную рыбу, сортируют, солят, укладывают в бочки под строгим наблюдением Пинзура. Он в этом деле знаток.

Отходы идут к Абрамскому на свиноферму. Он стоит и радуется тому, что его крикунам перепадет столько вкусной еды.

Солнце безжалостно палит, все в поту. Работаем без перерыва. Улов необходимо сразу обработать, иначе рыба испортится. В двух котлах варится лучшая рыба. Жена Спольского Ципора Вербицкая знает свое дело. Уха заправляется молодой картошкой, кореньями, специями. Ароматный запах разносится далеко и возбуждает аппетит. Порции такие большие, каких нет даже в лучших ресторанах: в каждой порции по полкилограмма рыбы, если не больше. Коммунары впервые с удовольствием едят досыта вкусную, свежую уху. Отобедав, все с новыми силами принялись за работу. Чем дальше, тем рыбы больше. Вода спокойная и заметно убывает.

Забрасываем невод второй раз. Он снова полон, с трудом тянем. Вынуждены приоткрыть отверстие в загородке и выпустить немного рыбы, иначе порвут сеть. Почти все коммунары – от мала до велика – участвуют в этой непривычной для них работе. Споры несут корзины с рыбой от неводов к столам обработчиков. Нельзя допустить, чтобы пропала хоть одна рыбина.

За дни путины коммунары насытились лучшими рыбными блюдами, заготовили запасы рыбы на зиму. Много рыбы оставили для продажи в Биробиджане и Хабаровске. А за нашей четверкой – Блехерман, Литевский, Пензур и я – в коммуне утвердилось прозвище «рыбаки».

Слава о нашей рыболовецкой бригаде вскоре дошла до самого Хабаровска и даже до Москвы. В газете «Дэр Эмес» был напечатан очерк о первой еврейской рыболовецкой бригаде в Биробиджане.

Правление коммуны «Икор» убедилось в нашей высокой квалификации и решило создать из нас стабильную бригаду рыбаков. Мы стали готовиться к осеннему ходу рыбы не только в притоках, но и в самой Тунгуске.

Райисполком выделил нам участок для ловли рыбы в Тунгуске под названием «Коса», длиной около одного километра. Нужно было стальными тросами прочистить речное русло от потопленных бревен и коряг, занесенных сюда притоками рек Кура и Урми. Иначе будут рваться сети. И потом, после очистки дна реки, надо постоянно следить, чтобы этот

участок не засорялся бревнами и ветками подмытых деревьев. Мы часто забрасываем сети, проверяем, не попала ли в них кетина. Следить нужно очень внимательно, чтобы не пропустить начало осенней путины, не пропустить первый ход рыбы, когда кета идет косяками. Опоздать в эти дни – значит проиграть путину. Погода изменилась, начались дожди, похолодало. Река день ото дня вздувается, вода поднялась на 2-3 метра. Мы делаем пробу – и в сетях 2-3 рыбы, первые гонцы. Это обычно самая сильная рыба, которая первой спешит доплыть к местам нереста, к истокам горных рек. Такие гости предупреждают нас о том, что завтрашний день будет полон тяжелой работы. Ловить рыбу в реке это так романтично, но далеко не легкое. Во-первых, это физически тяжело: тянуть невод с 20 – 30 рыбинами враз. Ты тянешь невод, а он тянет тебя. Но мы держимся. Наш бригадир Илья Блехерман подбадривает нас: «Не дрейфьте, парни! Рыба есть рыба! Река – это река. И мы рыбаки! Удачи! – напутствует он нас. – Разжигайте костер, обсушитесь немного перед работой. Дежурные будут меняться каждые три часа. Нельзя спускать глаз с воды».

К рассвету все уже были на ногах. Лодки уходили на лов одна за другой. Улов 20 – 30 кетин за один раз – это больше центнера рыбы. Поднялся ветер, усилился дождь, но мы не уходили с реки. Забрасываем сеть, подтягиваем ее к берегу. Но вода не отпускает сеть, вертит ее, сеть тащит нас. Внезапно мы почувствовали сильные удары по ногам, как будто нас бьют палками. Это рыба забила в сетях у берега. Мы тогда вытащили более 150 рыбин, наша радость была неописуема.

Внезапно мы услышали чей-то доброжелательный голос: «Покажите разрешение на ловлю рыбы».

Рядом с нами стоял сильный мужчина лет пятидесяти с широкой черной бородой. Это Афанасий Алексеевич Михайлов, инспектор рыбнадзора, известный на всем Дальнем Востоке специалист по рыбной ловле.

«Ах, какие молодцы! – воскликнул он. – Я плыву по реке в такую плохую погоду и вижу несколько смельчаков, противоборствующих разбушевавшейся реке. Ну, думаю, – невод уже не ваш. Но вы молодцы, не отпускаете его. Ну-ка, я гляну в сеть... Рыбаки первого класса! – восхищенно сказал он, – вам следует магарыч!»

Это была для нас высшая аттестация.

Фотография

Перебирая свои старые бумаги, сохранившиеся еще со времен моей работы в коммуне «Икор», я нашел фотографию коня. Он занимал весь передний план фотокарточки, а за конем едва виднелся нечеткий силуэт человека. Что это за конь и чем он заслужил, чтобы наш фотограф, бывший хмельницкий часовщик, учетчик коммуны, всегда честный Яша Лифшиц увековечил его для будущих поколений? И я вспомнил!

Год 1933-й, коммуна «Икор». Наша плотницкая бригада тогда строила новую просторную конюшню (до этого лошадей содержали в разных местах). Хозяином этой конюшни сделали Иосифа Иткина, которого коммунары в шутку прозвали Лошадиный Король и часто обращались к нему: «Ваше лошадиное высочество!». Иосиф Иткин, парень лет двадцати, прибыл на Дальний Восток по комсомольской путевке из белорусского местечка. Был он рослым, худощавым, круглое загорелое лицо обсыпано симпатичными веснушками, которые видны были только в очень солнечные дни. На лице Иосифа светились умные, лукавые черные глаза. Был он ловким, гибким, спортивным. Он мог ходить на руках лучше, чем другой ногами, был он большой шутник, большой труженик, а главное – один из энтузиастов, на которых держалась коммуна в те трудные годы. Была у Иосифа слабость к лошадям, может быть, наследственная, от отца – извозчика.

В его отношении к лошадям была, я бы сказал, артистичность. И этот самый конь, запечатленный на фотографии, особо выделял Иткина среди других коммунаров. Если до появления Иосифа он спокойно и медленно хрустел зубами сено или стоял, погрузившись в свои лошадиные мысли, то при виде Иткина на нем будто менялась шкура. Конь перевоплощался. Звали коня Валёк. Почему такая кличка и откуда Валёк появился в нашей конюшне, я до сих пор не знаю. Это был вороной красавец, стройный, с гибкой шеей. Понимающие говорили, что, если бы не белые шкарпетки у копыт, его бы взяли в цирк. Глаза были черные, горящие, удивительные. Не каждого он подпускал к себе... Правда, он не кусался, как другие норовистые кони, не брыкался, но не позволял запрячь себя в повозку. А если уж удавалось его запрячь в оглобли, то

он тащил самые тяжелые грузы. Однако коммунары не могли иметь с ним дело.

«Трудный конь, – говорили они. – Хоть делай его старостой!»

И только к одному к Иосифу Иткину Валёк был равнодушен. Его приказы конь выполнял всегда. Ему он терпеливо позволял запрягать себя в телегу или под седло. Еще издали он слышал свист Иосифа и отвечал ему счастливым ржанием. А какая радость была при этой встрече! Валёк вытягивал к Иткину длинную шею, обнюхивал Иосифа со всех сторон, щекотал его лицо своими чувствительными губами, обдавая Иосифа приятным запахом свежескошенной травы. Вечерами на улицах Соцгородка видели Иткина, ведущего Валька к реке купаться. Иногда Иосиф приказывал Вальку стать на задние ноги и радовать окружающих танцем. Валёк это делал очень смешно, как настоящий циркач, а Иткин сиял от счастья. Мойше-Ари Пищиц, имея склонность к философским размышлениям, однажды, глядя на танцующего коня, сказал: «Конь тоже может быть умником, иногда он умнее своего хозяина».

Но вот пришло время, когда Иосиф должен был ехать в Биробиджан в военкомат становиться на военный учет. В Биробиджане он пробыл несколько дней, а когда вернулся, не узнал Валька. Запряженный в большую телегу, нагруженную тяжелыми мешками и бочками, он стоял какой-то прибитый, хмурый, с выражением большой грусти в глазах. Конь скулал по Иосифу. Он перестал есть и равнодушно позволял запрягать себя в тяжелые возы. Увидев своего любимца в таком состоянии, Иосиф чуть не плакал. Он сразу согнал возчика с телеги, обнял голову коня и стал шептать ему в ухо добрые слова, какие только мог придумать в эту минуту. После этого Иосиф впрягся вместе с Вальком в телегу и помог коню везти тяжелый груз. В одной упряжке они прошли километра полтора.

Валёк ожил, уплетал за обе щеки еду, беря реванш за те дни, которые он постился с горя. В эти дни его и сфотографировал Яша Лифшиц, а как эта фотография сохранилась среди моих бумаг, не знаю. Иосиф Иткин ушел служить в армию, мы слышали, что его послали в кавалерийскую школу. Потом, как и другие коммунары, в первые дни Великой Отечественной войны он ушел на фронт. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Иосиф Иткин, где ты?

Картофель

Приехав домой в «Икор (а я был на съезде районных активистов, на котором обсуждались проблемы посевной), застаю телеграмму на свое имя: третьего июня я должен быть в Биробиджане у председателя облисполкома. «Какое отношение имею я к этим высоким окнам?», – удивленно подумал я. Согласно должности, которую я тогда занимал (председатель кооператива Волочаевского куста), я имел дело с работниками Смидовичского района. Но приказ есть приказ – и к указанному времени я был в приемной председателя облисполкома Либерберга. Оказалось, что вызвал меня первый секретарь обкома ВКП(б) товарищ Хавкин. В кабинете у Хавкина уже сидели его заместитель Певзнер, председатель областной кооперации Кеслер и другие люди. Я не знал всех, и для них я тоже не был знакомым лицом.

Когда я вошел, все прервали разговор и повернулись ко мне.

«Так это тот, о ком шла речь? – спросил Хавкин, осматривая меня. – Женат?»

Я знал о привычке Хавкина начинать беседу с какой-то неожиданной стороны. Но такого вопроса я не ожидал. Отвечаю: «Пока нет». Хавкин кивает головой: «Как вам это нравится? – обращается он к окружающим. – Он еще холостяк».

Мне тогда было чуть больше двадцати лет. Я набрался мужества и пошутил: «Так что, меня вызвали сюда, чтобы сосватать?». Все улыбнулись, но через секунду их лица стали серьезными.

«Ты угадал», – сказал Либерберг. Это был мужчина, примерно сорока лет, высокий, стройный, с военной выправкой, одним словом, красавец. Я знал, что еще совсем недавно он был профессором истории и руководил институтом обществоведения в Киеве.

«Ты угадал, – снова повторил он. – Мы действительно хоти тебя сватать... На заготовку пятидесяти тонн посевного картофеля для биробиджанских пригородных хозяйств. В нашем районе картофеля нет. Единственная надежда на ваш Смидовичский район».

У меня защемило сердце: хорошее сватовство! Кто-то, а я знал, что это за работа после такого неурожая, как в прошлом году! Либерберг

закончил разговор: «О подробностях вы непосредственно поговорите с Певзнером».

Певзнер – человек с большой круглой головой, в пенсне, ввел меня в свой кабинет на втором этаже. За нами вошли Кеслер и председатель облфинотдела Торговников. Певзнер тоже заговорил о важности заготовки посевного картофеля для Биробиджанского района.

«Мы знаем, – сказал он, глядя на меня через пенсне, – что ваш Волочаевский куст выполнил свои государственные поставки. Никто не может заставить коммунаров и колхозников продать свой картофель по 50 копеек за килограмм в то время, как они могут взять в Хабаровске большую цену».

«Так вы же сами все знаете», – вырвалось у меня.

«Да, мы это знаем. Но мы знаем также, – его губы растянулись в широкую улыбку, – мы знаем, что коммунары и колхозники Волочаевского куста уважают вас. Вы для них большой авторитет, поэтому мы и обратились к вам. Не принимайте это как приказ. Это просьба, которую нужно выполнить».

«Что же за это получают колхозники? – спросил я. – Они тоже должны быть чем-то вознаграждены за помощь городу».

«Это другой вопрос. Вот сидит товарищ Кеслер, – Певзнер блеснул в его сторону стеклами своих очков, – лучшее и самое красивое, что только есть на его базе, будет продано колхозникам по самой дешевой цене».

Кеслер, еще молодой мужчина в начищенных до блеска хромовых сапогах и в полувоенном кителе, франтовато на нем сидевшем и придававшем ему вид важного государственного деятеля старых времен, повел усами, сделал движение рукой, что означало: «Нет. Это невозможно. Это сделать невозможно. То, что находится на базе, строго лимитировано!».

«Для коммунаров и колхозников лимита не будет! – сказал Певзнер. – Главное, чтобы был картофель. Лишь бы был картофель», – повторил он, давая понять особенную важность этого задания.

Для меня началось очень тяжелое время. Я отложил в сторону все свои дела и начал мотаться по всем поселкам нашего куста, собирать

собрания колхозников. И коммунары, и колхозники с пониманием откликнулись на просьбу руководителей области. Немалое значение имело обещание получить возможность купить на базе дефицитные товары. Так или иначе, но в течение нескольких дней на заготовительных пунктах уже были запланированные 50 тонн картофеля, еще и с гаком! Рассчитывался я квитанциями, так как наличных денег у меня не было, но люди мне верили. Мне помогало то, что и коммунары, и колхозники знали меня как честного человека, чье слово – закон, и который в то нелегкое время как мог старался удовлетворить их потребности в промтоварах.

Итак, на заготовительном пункте лежит в мешках 50 тонн семенного картофеля. Я был героем дня! Мне удалось с лихвой выполнить такое сложное задание! Но на душе не было радости, а было большое волнение: как переправить это богатство в Биробиджан? Везти этот картофель до станции Волочаевка было не на чем: Амур в ту весну разлился особенно сильно, сильнее, чем в предыдущие годы. Все вокруг, сколько видел глаз, было залито водой. Но, как говорят, нужда ломает железо. Мне пришла мысль, которая могла появиться только в моем безвыходном положении, – обратиться за помощью к строителям железнодорожной ветки Хабаровск – Комсомольск-на-Амуре. Они базировались рядом с поселком. Прорваться к начальнику стройки Ардатыеву было практически невозможно. Он всегда был занят на стройке, на собраниях, заседаниях. Приемная всегда была полна вызванными им людьми.

С большим трудом я все же пробился в его кабинет. Он встретил меня удивленно, взглядом спрашивая, зачем я пришел к нему. Прежде всего я показал ему мои документы. Ардатыев пригласил меня сесть и внимательно выслушал. Я рассказал о заготовленном картофеле, который нужно переправить в Биробиджан, и о дорогах, залитых водой.

«Да... – сочувственно кивнул он головой. – Но чем же я могу вам помочь?»

Я знал, что в его хозяйстве есть несколько катеров и барж.

«Дайте нам катер с баржей, и мы переправим картофель из Соцгородка в Николаевку по Тунгуске, а дальше повезем по железной дороге».

«Я бы вам, конечно, помог, – сказал он, – но обе мои баржи ушли груженные. Вернутся не раньше, чем через три недели».

«Что же делать? – воскликнул я удрученно. – Ведь пропадет труд многих людей!»

Тут у меня появилась счастливая мысль. На берегу я видел большую баржу, в которую вошел бы весь наш картофель. Надо было только проверить, не протекает ли ее корпус. Об этом я сказал Ардатыеву.

«А где взять людей, чтобы гнать эту баржу?»

«Вода сама понесет ее по течению».

Ардатыеву эта мысль понравилась. «Хорошо, – согласился он, – за баржу отвечаешь ты, а кто будет отвечать за вас?»

Я поднял руки к потолку: «Всевышний и наше собственное везенье!»

Ардатыев улыбнулся и распорядился выдать нам баржу. Я расписался на бланке со штампом в том, что для обеспечения нужд посевной в мое распоряжение переходит баржа из его хозяйства.

«Завтра, – сказал он, – твою баржу осмотрят, приведут в порядок и доставят в указанное место».

Я тут же дал телеграмму в Биробиджан Певзнеру, чтобы он выслал нам в помощь людей из пригородных хозяйств, заинтересованных в получении семян. Утром в моей комнате стояли два человека – директор биробиджанской швейной фабрики Лошак и член областной кооперации Бен. Вскоре мне передали, что баржа стоит на якоре и ждет нас. Надо было грузить картофель.

Я мобилизовал всех, кто мог грузить мешки. При этом внимательно следил, чтобы груз прямоком попадал в трюм и раскладывался равномерно, чтобы баржа не кренилась. Под тяжелым грузом баржа заметно оседала в воду. Казалось, вот-вот вода дойдет до ватерлинии. Но баржа устойчиво держалась на воде.

Я стал у руля, а двое приехавших горожан, стоя на палубе у борта, пытались восьмиметровыми тяжелыми баграми оттолкнуть нашу посудину от берега. Баржа легко, будто делая нам одолжение, качнулась и осталась стоять на своем месте. Лошак – широкоплечий, с усами, как у моржа, с кривыми ногами бывшего кавалериста, в тяжелых кирзовых сапогах – стоял с удрученным видом. Он думал о том, что это пустая затея, что он не должен был ввязываться в эту авантюру, и нельзя было остав-

лять фабрику. Зато Бен, спокойный человек, бывший столяр, а потом выдвигенец доказывал Лошаку, что безвыходных положений вообще не бывает. При этом он рассказал, по своему обычаю, несколько легендарных эпизодов из своего военного прошлого – он воевал против Врангеля на Сиваше. А там бывали положения, не сравнить с нашим.

И как доказательство этому высказыванию на берегу показался мой старый знакомый Григорий Костял, председатель Даниловского колхоза, широкоплечий, седовласый великан с красным, обветренным таежными ветрами лицом. Его именем была названа речная протока Костяловская.

Костял внимательно оглядел баржу и ее экипаж.

«Здорово, бесстрашные морские волки!», – поприветствовал он нас. Бен приложил руку к козырьку и выкрикнул: «Полундра!»

«Да, лучше полундра, чем SOS», – ответил Костял. Он быстро послал за трактором, тросом, лебедкой, собрал человек 20, вооружил их длинными кольями. Трактор надрывно зарычал, будто он был зол на заупрямившуюся баржу. Рывок! Еще рывок! Ура! Баржа сдвинулась с места и с важным видом медленно поплыла к Тунгуске. Почувствовав фарватер, она слегка пошатнулась, на мгновение остановилась, будто прощаясь с оставшимися на берегу, и... поплыла. Люди проводили нас радостными криками, бросали в воздух шапки, желали нам успешной навигации по бушующей воде.

Два часа дня. Солнце в зените и жжет без жалости, но мокрые мы не от жары, а от большого напряжения. Я, капитан, стою за рулем... Мои матросы – с кольями в руках – проверяют глубину воды, чтобы не сойти с фарватера и не сесть на мель. А потерять фарватер было очень легко, вокруг бушевало половодье. Только кое-где из воды торчали кроны тальники. Мимо нас проплывали крутые берега, поросшие густым лесом. Ни одного поселения вокруг. Баржа идет медленно, со скоростью 2-3 километра в час.

Красивы солнечные закаты на Амуре, они заливают небосвод ярким светом и отражаются в воде такими яркими красками, что глазам больно. Раскаленный солнечный круг останавливается надолго на реке, будто хочет прощальным взглядом в последний раз осмотреть мир и

начинает медленно затухать, опускаясь в воду. И тут раздается многоголосье птичьего гама. Это птицы торопятся к своим гнездам, пока еще не погас последний луч света.

Очень скоро на реку опустилась ночь, в густой темноте мы не видим друг друга. К тому же по Тунгуске разлился густой туман, воздух очень скоро стал влажным. Холод пробирал нас до костей. Мы вынуждены надеть на себя дождевики, которые прихватили с собой на всякий случай: знали, что в пути может быть и дождь, и холод. Плохо было то, что спички отсырели и не зажигались. Закурить было невозможно. Но наша баржа, несмотря ни на что, плывет по Тунгуске.

Ночью случилась неожиданность. По Тунгуске сплавом пустили бревна, которые заготавливали на берегах Кура и Урми. Мы видели, как толстые бревна дико несутся по реке, перегоняя нашу груженую, почти неуправляемую баржу. Их столкновения с баржей очень опасны для нас. Днем мы отталкивали бревна кольями, а в темноте это было невозможно. Мы только слышали, как бревна со страшной силой терлись с обеих сторон у бортов баржи, как вода внизу оглушительно шумела.

Опасность велика, но мы ее не видим в полном мраке. Я рулю вслепую. Мы очень измотаны этим путешествием. Голодные, едва держимся на ногах. «Матросы» спорят, орудуя тяжелыми кольями, отталкивая бревна.

«Право! Есть!.. Лево! Есть!» – слышны их голоса.

Но внезапно что-то случилось. Баржа вдруг остановилась на полном ходу, нас качнуло так сильно, что мы чуть не свалились в воду.

«Проверьте глубину!» – кричу я.

«Дно не прощупывается», – звучит в ответ. Слава богу, мы не на мели! Тогда почему? В чем причина остановки? И тут баржа затряслась как в лихорадке и начала вращаться в бушующем водовороте. Часа полтора нас крутило на одном месте, пока мы внезапно не вырвались из этого капкана.

Мы сдвинулись с места, но нас опять атаковали бревна – то в одиночку, то целыми ордами, перегоняя нас, угрожая каждую минуту похоронить нас в кипящем водовороте. Единственным утешением было то, что по движению бревен мы чувствовали, что не уходим с фарватера...

Я не помню, как долго тащилась наша баржа, но вдруг мы почувствовали сильный удар, от которого наша посуда вся затряслась. Мы сообразили, что баржа уперлась в загородку, которую соорудили для деревообрабатывающего завода в Николаевке. Загородка задерживала бревна, идущие сплавом, и не выпускала их в Амур.

Только теперь мы поняли, в какую беду попали, ведь бревна могут затянуть нас на дно. В лучшем случае мы можем здесь застрять надолго со своим картофелем. Мы подняли красный флаг. Но кто нас увидит в этом густом ночном тумане?

Едва дождались утра. Небо над далекими сопками стало розоветь. Никогда еще мы с такой радостью не встречали рассвет. Первые теплые лучи солнца после холодной, туманной, полной опасностей ночи.

Первым наш сигнал заметил дежурный на пожарной каланче. Вскоре к нам с большими трудностями подплыла лодка с двумя пожарными. Мы попросили их передать директору лесозавода Кацу, чтобы он помог привести баржу в порт, куда подходят железнодорожные вагоны. Через полчаса подъехали другие пожарные – и очень вовремя, так как мы уже были окружены плотным кольцом бревен. Пожарные растолкали их баграми, тросом подцепили баржу и подъемным краном подтянули нас к причалу. Начальник станции Николаевка Судейкин прислал нам два вагона для перевозки картофеля. Эти же пожарные создали бригады и перенесли мешки с картофелем в вагоны. После окончания работы они в придачу к деньгам получили от нас водку и закуску. Сами же мы смертельно устали, но были на седьмом небе от радости.

А уж если везет, то везет до конца. Судейкин оформил документы на наш картофель как на первоочередной груз. Диспетчер прицепил наши вагоны к первому же идущему через Биробиджан поезду. Это был поезд «Максим», следовавший маршрутом «Хабаровск – Иркутск». Я дал телеграмму Певзнеру и в облизполком, что в 11 часов мы выезжаем из Николаевки и везем 50 тонн картофеля. Медленно, останавливаясь на каждом разъезде, но мы едем. Часов через пять наш поезд со свистом подошел к Биробиджану. Локомотив напряженно пыхтел. На перроне было много представителей коопторга, облизполкома и других организаций. Встретили нас радостно, как героев. Лошак и Бен стояли навыв-

тяжку, грудь вперед, как воины, вернувшиеся с победой с поля битвы.

На этом закончилась моя картофельная эпопея. Но эти несколько напряженных дней и ночей моих далеких молодых лет живут в памяти до сих пор со всеми подробностями, будто все это происходило вчера.

Хороший человек

Среди коммунаров было много приехавших из разных капиталистических стран с целью создавать и благоустраивать территорию, отведенную под еврейский национальный район.

Мне особенно запомнился Яков Эйдлин из далекого американского штата Филадельфия. Невысокий, сухощавый, с красивым интеллигентным лицом и большими серыми глазами, он имел в себе что-то такое, что привлекало к нему каждого.

Было ему 42 года, но семьи, несмотря на возраст, у него не было. Жил он один в маленькой комнате барака и содержал ее в безупречной чистоте.

Работал Эйдлин... Нет, легче сказать, где он не работал. В коммуне он добросовестно выполнял обязанности заведующего складом, ночного сторожа при конюшнях, коровниках и свиноферме. У него были и другие должности, с которыми он блестяще справлялся. К примеру, идет проливной дождь, Эйдлин бросает все и мчится выдавать коммунарам дождевики и резиновые сапоги. Начинают протекать крыши в бараках – Эйдлин тащит кровельное железо, заделывает дыры. Из Волочаевки прибыли запчасти для тракторов. Их надо было как можно быстрее выгрузить. Чтобы не отрывать других коммунаров от работы, за это дело тоже берется Яков Эйдлин. В свободное время и ночами он ухаживал за животными: то сено подносил лошадям, то, как заправский ветеринар, помогал появиться на свет теленку.

Коммунары часто приставали к Эйдлину с вопросом: «Когда же ты спишь?». Яков на это отвечал молчаливой улыбкой. Это было удивительно – всегда свежий, бодрый, без тени усталости в ясном внимательном взоре. Невозможно было понять, откуда берутся силы на самые тяжелые работы у этого вегетарианца (ведь кроме молочного и овощей он

ничего не ел). При этом он был всегда добрым, терпеливым, вежливым. Он всегда успокаивал спорщиков. Если кто-то упорствовал, советовал изгнать из себя черта (есть такая английская поговорка), а уже потом вернуться к продолжению беседы.

У Эйдлина всегда было множество самых разных идей. Он активно вмешивался во все вопросы сельского хозяйства, упорно отстаивал свое мнение во всем. К примеру, настаивал на том, что помидоры и огурцы надо срывать в свой срок.

«Не навредите, – говорил он нетерпеливым. – Еще несколько дней на поле – и увеличится их вес и улучшится качество».

Сломать ветку в присутствии Эйдлина никто себе не позволял. Боже упаси при Якове топтать свежую траву, портить дерево – получишь вырванные годы.

Кто себя прекрасно чувствовал рядом с ним, так это наши коммунаские дети, они буквально липли к нему. Он рассказывал им сказки, истории из дальних странствий, пробуждал у детей любовь к природе, земле, тайге, животным.

По-рыцарски относился Я. Эйдлин к женщинам коммуны. Его всегда тревожило их положение. После тяжелого труда в поле и на других работах они должны были еще управляться по дому, растить детей, стирать, варить, убирать. Женщины ему тоже симпатизировали. По-доброму интересовались, когда же он покончит со своей холостяцкой жизнью. «Когда же мы погуляем у вас на свадьбе?» – не давали они покоя Эйдлину. Он их выслушивал со спокойной улыбкой и обещал, что скоро будет и выпивка, и обильное угощение.

Почти все коммунары были вхожи в его скромное, но уютно обставленное жилье. Маленькая комнатка превращалась тогда в красный уголок. Стол накрывался красной атласной скатертью. На столе газеты и журналы. Для любителей живописи и музыки была богатая коллекция цветных репродукций известных картин и большая коллекция пластинок с записями великих певцов и актеров, еврейских в том числе. Случалось, комната Эйдлина не вмещала всех желающих, тогда люди стояли в длинном коридоре у раскрытой двери.

Встречи у Эйдлина обычно начинались с бесед о проделанной ра-

боте, о делах коммуны, о новостях в мире, а потом сыпались просьбы, заказы.

– Яков Аронович, Чайковского «Сентиментальный вальс».

– Товарищ Эйдлин, из «Двухсот тысяч».

– Глинка, «Иван Сусанин».

Несколько человек, которые еще помнили канторов, просили поставить пластинки с записью канторских мотивов. Эти концерты затягивались до поздней ночи, несмотря на то, что завтра надо было рано подниматься на работу. Особенно долго засиживались все, когда приходила Рохеле Гимельфарт.

Рохеле

Рохеле окончила Одесский пединститут, и сама вызвалась ехать на Дальний Восток. В коммуне в неполной средней школе она преподавала русский язык и литературу, а также английский. Это была девушка чуть старше двадцати, редкая красавица. Серый костюм и белоснежная блузка придавали ей особенную элегантность горожанки. И поэтому неудивительно, что почти все парни в коммуне были влюблены в нее. Надо сказать, что и женщины тоже любили Рохеле за доброту, милую веселость и общительность. Работы у Рохеле было много, дневная школа, вечерняя школа для взрослых, общественные дела, на все у нее хватало времени. Ее приход вызывал оживление присутствующих. Казалось, в комнате становилось светлее, мужчины шутили, соревновались в остроумии, вызывая улыбку девушки.

Эйдлин встречал Рохеле особенно учтиво, усаживал на видное место, сразу включал пластинку, которую она просила. Рохеле любила Шаляпина. По всем признакам нам было ясно, что этот сорокалетний мужчина влюблен в нее безнадежной поздней любовью.

Однажды Рохеле предстала перед нами с новой стороны. В этот день стадо с поля пригнали немного раньше обычного. Одна корова подошла к кормушке, ожидая хозяйку, но никто не встретил ее, хозяева были еще в поле. Из тяжелого переполненного вымени молоко капало прямо на песок. Восьмилетняя дочь хозяйки не знала, что делать,

стояла и плакала. Попросили помочь учителей вечерней школы. Они, конечно, хотели помочь девочке, но никто из них ни разу в жизни не доил коров. Спасла положение Рохеле. Она пошла в избу, надела халат, вымыла руки и коровье вымя, села на маленький стульчик, который вынесла девочка, и стала доить. Тут как из-под земли появился Эйдлин. Он подошел к корове с другой стороны, опустился на одно колено, и тоже стал доить корову. У него это получилось естественно, как все, что он делал.

С тех пор в коммуне стали называть Рохеле – «мать Рахиль», а Эйдлина – «отец Иаков». К всеобщему огорчению, Рохеле вскоре покинула нас. Произошло это так. Родственник одного из коммунаров, Бенъямин Ванштейн, окончил в Москве военную академию имени Фрунзе, и его направили на Дальний Восток. Перед отъездом в свою часть он заехал в «Икор» повидаться с друзьями. Это был геройский парень с военной выправкой, с тремя шпалами на гимнастерке. Из коммуны он уехал не один – с Рохеле. Мы им сыграли великолепную свадьбу, красиво их проводили. Все были веселы, рады за нее. Эйдлин же долгое время ходил, по выражению коммунаров, как вчерашний. Грустный и задумчивый, он искал для себя новые занятия, работу, чтобы забыть от тоски. «Красивый сон», – сказал он мне как-то. Я понял, что он имел в виду.

Верхом на бугае

Об Эйдлине коммунары говорили, что он и мухи не обидит. Что правда, то правда, животных он очень любил, особенно лошадей. Еще о нем говорили, что коровы и лошади из хозяйства коммуны целуют ему руки от большой любви. Возможно, они так считали его лучшим другом, но в действительности это было из-за большого куса соли, который Эйдлин всегда носил с собой в мешочке. Те, кто не знал об этом секрете, всегда с большим удивлением смотрели, как животные радостно мычали, заведя Эйдлина, облизывались, в ожидании угощения. Эти добрые отношения между ним и животными спасли ему однажды жизнь.

Был в нашем стаде бык, которого нарекли собачьим именем Рябчик из-за черных и белых пятен на его шкуре. Заведующий коровником Ротберг говорил об этом быке: «Вы думаете, что я здесь хозяин? Как бы не так! Настоящий хозяин – он!»

И показывал на этого быка.

Рябчик был молодой бык голландской породы, красивый, крепкий, с сильным торсом. Рябчика почтительно величали «Его высокопроизводительство». А он вел себя с достоинством, знал свою мощь, силу, держал себя как настоящий король. О силе Рябчика ходили легенды. Все в коммуне помнили известный бой между Рябчиком и бугаем из соседнего Даниловского стада, типичным представителем чистой симментальской породы огненно-рыжей масти.

Эти два быка однажды сошлись в чистом поле голова к голове, рога к рога. Оглушительный рев разнесся вокруг как знак предстоящей битвы. Внезапно рев стих, наступила оглушающая тишина. Животные всматривались друг в друга, били копытами землю. И вот первый удар сильными бычьими лбами. Посыпались искры, глаза налились кровавой ненавистью и злым бычьим упрямством. Облаком поднялась густая пыль, в ход пошли острые рога.

Долго длилась упрямая битва между двумя лидерами. Побеждал то один, то другой. Но Рябчик, сделав хитрый маневр, достал даниловского бугая решительным ударом, тот упал ногами кверху. От этого толчка затряслась земля. Рябчик постоял минуту над своим поверженным врагом, внимательно посмотрел на него сверху и, как джентльмен, не стал добивать упавшего, а ушел с высоко поднятой головой в свой коровник.

Этот силач Рябчик, перед которым все дрожали, всегда встречал Эйдлина радостным ревом, уже издали завидев его. Однажды Рябчик насмерть перепугал всех коммунаров. Это было вечером. Только что пригнали стадо с поля. Как всегда, впереди всех горделиво шел Рябчик. И тут Эйдлин вышел со склада и направился в контору. Увидев Эйдлина, Рябчик рванул к нему с наставленными рогами. Каждого, кто видел это, охватил страх. Сейчас от Эйдлина останется мокрое место. Люди схватили вилы, чтобы отогнать быка. Но произошло чудо. Рябчик побежал к Эйдлину и спокойно остановился перед ним, ожидая чего-то.

Потом стал медленно и осторожно касаться его рогами. Эйдлин вынул из кармана кусочек соли и угостил быка. Рябчик даже зажмурился от удовольствия. Покончив с лакомством и облизнувшись, Рябчик отблагодарил друга на свой бычий манер. На глазах у всех он наклонил голову и поднял Эйдлина себе на загривок. Затем Рябчик триумфально прошеествовал перед собравшимся народом и бережно опустил Эйдлина на землю.

Спрятанный диплом

В коммуны «Икор» часто приезжали горожане покупать продукты для своих организаций. Все они имели дело с Эйдлиным. Однажды в коммуне появились два незнакомца, которые ничего не покупали, а все вертелись вокруг Эйдлина, стараясь завести с ним разговор. Но Яков, занятый своими многочисленными делами, не обращал на них никакого внимания: мало ли людей приезжает в коммуны. Ночью, как обычно, он зажег фонарь «летучая мышь» и пошел к коровнику. Не успел он переступить порог дома, как почувствовал удар по голове чем-то тупым и тяжелым. Он упал, оглушенный, и тут же в него вонзилась финка. Этот разбой совершили те, кто приехал утром и все высматривал вокруг. Бандиты знали, что у Эйдлина в общинной кассе должна быть большая сумма денег.

Летом ночи короткие. Часа в три, когда забрезжил рассвет и скотники вышли на работу, их удивило, что в коровнике нет света. Открыв двери, они увидели Эйдлина, лежащего без сознания в луже крови. Поднялся крик. Прибегавший фельдшер сделала укол и велела тут же отправить раненого в Хабаровск. Его положили на носилки, укрыли и с большой осторожностью понесли из «Икора» к разъезду Дежневка. Больше трех месяцев пролежал Эйдлин в хабаровской больнице, был больше на том свете, чем на этом, перенес несколько операций. Бледный, осунувшийся, ослабевший, но, как всегда, жизнерадостный он вернулся домой. Коммунары встретили его с большой радостью.

Вскоре произошел случай, который вернул Эйдлина к его настоящему призванию, а нам пришлось проститься с этим прекрасным человеком, которого мы все нежно любили. Произошло это так. Когда грабители

вскрыли сейф, то там ничего не нашли. Деньги и документы Эйдлин хранил в другом, только ему известном месте. Придя из больницы, он вытащил оттуда все деньги и документы. Среди документов присутствующие увидели маленькую книжечку с тесненными золотом буквами. Прочесть эти буквы смог Шая Коваль, выходец из США. Эйдлин с улыбкой взял эту книжечку и спрятал ее в нагрудный карман. Позже Шая объяснил, что это был диплом об окончании Филадельфийского университета, и что специальность Эйдлина – преподаватель английского языка. Об этом никто никогда раньше не знал.

Как раз тогда в коммуны гостил Велвл Погребницкий, сын нашего парторга, прекрасный художник, окончивший в Москве высшее художественное училище ВХУТЕМАС, и там оставленный преподавателем. От Шая Ковалья Велвл узнал о дипломе Эйдлина, а спустя короткое время тот неожиданно был вызван в Москву – преподавать в специализированной школе английский язык. Рассказывали, что и там он пользовался таким же авторитетом, как и в коммуны «Икор».

(По материалам журналов «Советиш Геймланд» №11, 1978 год и №11, 1979 год.)

В этих воспоминаниях С. Герзона я исправила только имя Исрозля (у автора он Янкель) Пинзура.

Некоторые события и имена, о которых шла речь, были известны мне, захотелось узнать о них больше, проследить дальнейшую судьбу героев воспоминаний С. Герзона. Так, постепенно из одного рассказа моих родителей получилась целая серия икоровских рассказов. Думая об этом, я пыталась подобрать более точное определение происходящему. Что это? Расписная русская матрешка, раскрывая которую мы обнаруживаем внутри другую, не менее красивую, или бесконечная восточная сказка, в которой окончание одной истории становится началом новой?

Нет, конечно, ни то и ни другое. В услужливой памяти всплывает деревянный сруб колодца из моего детства. Это было одно из первых сооружений нового поселка. Выкопали его первые поселенцы по всем правилам. Не там, где почва легче и вода ближе, а на высоком месте.

Так, чтобы сточные воды в него не попадали, а дождевые проходили через естественный многослойный фильтр скальных пород. Вот и получился колодец глубокий, больше 60 метров, пахнущий сыростью, немного деревянной прелью, даже в самую жару веющий прохладой и манящий чуть жутковатой неизвестностью. Но если потихонечку перегнуться через край сруба, заглянуть в черную неведомую темень и дать глазам привыкнуть, то в глубине на самом дне можно увидеть приглушенный блеск живительной воды.

Вот и судьбы первых коммунаров такие же далекие, глубокие и таинственные, что, кажется, никогда уж не разгадать их. Чем дальше в глубь времен, тем меньше надежды проникнуть в их тайны, распутать клубки событий, ставших историей. Иногда всплывает в сознании обрывочная мысль: «А вот надо спросить у...».

И понимаешь, что спросить-то уже не у кого. Тот ушел, этого тоже нет. Кто может сейчас рассказать о событиях почти вековой давности?! Дети и внуки первых коммунаров дружно твердят мне о том, что ничто не сохранилось, никто ничего не знает и узнать за давностью лет не может. Но потихоньку, капля за каплей, как вода на дне колодца, накапливаются воспоминания, документы и фотографии. И странным образом черпаем мы из этого неиссякаемого колодца времени новые знания.

С большим усилием, потом все легче, виток за витком возвращается ворот колодца. Вначале слышна только тишина, и, кажется, что все безвозвратно исчезло в черной колодезной бездне... Затем доносится тихий плеск пролившейся воды, позвякивание цепи, удерживающей то ли ведро, то ли судьбу еще одной переселенческой семьи. В поисках одних людей непременно касаемся других, жизни коммунаров переплетены как звенья на той длинной цепи колодца моего детства.

Так, история моей семьи, переселенцев из Белоруссии и Украины – Пензур и Бондарь, зацепилась за истории американца Коваля и аргентинцев Блехермана и Форера, те в свою очередь привели к знакомству с икоровцами Шейнфельд, Герзон и Браверман, Гольдштейн и Пейсахович. Вся эта почтенная компания вернулась ко мне с новыми воспоминаниями, по пути прихватив еще несколько семей, которые также упоминает в своих записках Самуил Герзон.

Семья Пищиц-Брагинские

Первой капелькой, начавшей новый рассказ, была крошечная заметка в газете тех лет. В списке лучших колхозников «Икора»: *«Пищиц – барабанщик, перевыполняющий свою норму, машинист товарищ Прилуцкий, сам починивший молотилку и хорошо организовавший бригаду, шофер т. Шлейзенгер – ударник, вывезший зерно с полей в амбар и на станцию. Ударницы – колхозницы Берта Ротберг и Поля Брунштейн».*

Еще капелька – одна из фотографий икоровцев, сохранившаяся в областном архиве ЕАО. На ней два молодых жизнерадостных парня, один из них – Абрам Пищиц. К этому присоединяется ручеек информации из воспоминаний Самуила Герзона, в которых рассказ о Мойше-Арне Пищице и его сыновьях.

Понятно, что семья Пищиц очень заинтересовала меня, и я приложила немало сил, чтобы найти ее. Много узнать не довелось, до сих пор больше вопросов, чем ответов, но попутно выяснилось, что эта семья в родстве с большой семьей Брагинских, а Софья Моисеевна Неудачина (по мужу), воспоминания которой записал Давид Вайсерман, одна из дочерей Мойше (Моисея) Ушеровича Пищица. Ее привезли в «Икор» восьмилетним ребенком.

Софья Моисеевна рассказывала: *«В «Икор» семья приехала в 1932 году из Кировограда. С нами вместе добирались с Украины в Биробиджан семьи Брагинских, Пищиц, Спольских и Вербицких. Жили мы в «Икоре» до 1935 года».*

Отыскать следы семьи и на этот раз помогли биробиджанцы, кото-

Бригадир Абрам Пищиц и парторг Исаак Пимштейн. Фото из Харьковского альбома. Областной краеведческий музей ЕАО.

рые, как известно, бывшими не бывают. Рита Самуиловна Рознатовская нашла для меня телефон Евгении (Гени) Ефимовны Шрубцик, урожденной Брагинской.

С ее помощью мы пытаемся разобраться в родословной семьи. Она с сожалением вспоминает о том, как в праздники, когда вся большая семья собиралась за семейным столом, разговоры и воспоминания всегда велись на идише и были недоступны пониманию детей. Но все же кое-что проясняется.

Дочь Гени Лена, слушая рассказ об «Икоре», упрекает мать: «Почему я этого раньше не знала?». И я тут же получаю адреса и телефоны еще нескольких членов этой большой и дружной семьи. Уже через несколько часов я разговариваю с Аллой Матвеевной Алексеевой, двоюродной сестрой Гени. Так, все вместе, мы выясняем подробности.

Вместе с главой семьи Мойше Пищицем приехали в «Икор» два взрослых сына Юда и Абрам и две дочери – Екатерина и Софья. Жена Мойше, Голда, носила фамилию Брагинская.

Приехали они из Израилевки, что под Кировоградом. Конечно, я попыталась выяснить что-нибудь о местечке с таким необычным названием. Возле Кировограда находилась одна из первых еврейских колоний Новороссии, основанная в 1807 году евреями – переселенцами из Черниговской губернии на их же деньги. Поселенцы не особо процветали, в свободное от сельскохозяйственных работ время подрабатывали ремеслом и извозом. После революции грабежи, погромы привели к голоду в 1920-1921 годах. Тогда население уменьшилось в 1,5 раза. А в 1932-1933 годах, несмотря на помощь «Джойнта», пострадали от новой волны голода.

Глава семьи Брагинских – Алтер, был сапожником, шил модельную обувь, но при этом у его детей была одна пара обуви на всех. На парадном семейном фото, для которого все одеты в лучшие свои наряды, дети босые, а детей у Алтера с его женой Хасей было ни много ни мало одиннадцать душ. Даже прокормить многочисленную семью и то было проблематично. Двое детей умерли от голода. Вероятно, это и повлияло на решение завербоваться в Биробиджан.

Таким образом, сама не ведая об этом, семья спаслась от уничтоже-

ния в огне Холокоста. После зверств фашистов удалось спастись всего шести евреям Израилевки.

Переехали всей большой семьей: три дочери – Голда, Соня, Ида и сыновья Наум, Матвей (Мотл), Исаак, Самуил, Хаим (Ефим). Итого – восемь детей привез с собой старый Алтер. Но и это еще не все. Мы уже знаем, что Голда замужем за Мойше (в семье его звали Мишарин) Пищицем и у них тоже четверо детей. Сын Алтера, Матвей, кузнец по профессии, женившись на Розе Спольской, хоть и перебрался жить в Кировоград и работал там на заводе «Красная звезда», но в Биробиджан поехал вместе со всеми, да не один, а с семьей Розы, ее братом Давидом, отцом Зиновием Мееровичем и его второй женой Цилей Исааковной Вербицкой. Это про нее вспоминал Самуил Герзон: *«В двух котлах варится лучшая рыба. Жена Спольского Ципора Вербицкая знает свое дело. Уха заправляется молодой картошкой, кореньями, специями. Ароматный запах разносится далеко и возбуждает аппетит».*

Все это огромное семейство мастеровых, привыкших к труду людей, через всю страну целый месяц в теплушке добиралось до станции Тихонькой, а оттуда в «Икор». Ехали с приподнятым настроением, с надеждой на будущее, на лучшую жизнь, с желанием создать свой мир, где евреи смогли бы жить без страха погромов, унижений, без ущемления своих прав.

Первое впечатление от нового места – полчища гнуса, к которому трудно привыкнуть. Только теперь переселенцы нашли объяснение тому, что сначала показалось им странным. Местные жители, встречающие поезда на станциях, почему-то странно приплясывали и взмахивали руками, словно исполняли какой-то беспорядочный танец. А это просто мошка не давала стоять на месте, заползая под одежду, забиваясь в нос и рот при

Семья Пищиц-Брагинских перед отъездом в Биробиджан. Фото из архива семьи Брагинских.

разговоре. А места укусов безжалостно чесались, вызывая нестерпимые страдания. Непривычными оказались и бесконечные дожди, вода, слякоть и грязь, поглощающие всходы и надежды на будущий урожай.

Но и это выдержали новоиспеченные дальневосточники, и как мы уже убедились, успешно включились в работу коммуны. Алла Матвеевна, рассуждая о своей семье, говорит о том, что ее родные честно, с энтузиазмом работали, преодолевая трудности, лишения неустроенного быта, приобретая новые трудовые профессии, не думая о том, что каждый ими прожитый день был подвигом.

Они были просто порядочными, трудолюбивыми и ответственными людьми, и хотя больших регалий не получали, они, тем не менее, достойны быть отмеченными в памяти потомков. С этим, конечно, нельзя не согласиться.

Когда «Икор» пришел в упадок, семья полным составом перебралась в Амурзет. В «Биробиджанской звезде» от 8 декабря 1934 года встречается фамилия рабочего тов. Брагинского, делегата Первого областного съезда от Амурзетской МТС, бывшего рабочего Зиновьевского завода «Красная звезда». Он пригласил представителя этого завода к себе в гости, посмотреть, как живут и работают переселенцы. Но задержался в Амурзете только один из братьев Брагинских – Наум. Он поселился и прожил там с семьей около 30 лет. Единственный, кто вернулся на Украину перед войной, – Самуил, был призван в армию, воевал и, уцелев на фронте, остался жить в Киеве. Остальные члены этой большой переселенческой семьи переехали в 1937 году в Биробиджан.

Отец Гени, Ефим, в Амурзете обзавелся семьей. Там на танцах он встретил свою Батью и остался с ней на всю жизнь. У шестнадцатилетней детдомовки, приехавшей по вербовке, было 5 классов образования и никакого имущества. Платье для выхода в «свет», ей одолжила хозяйка квартиры. С началом Великой Отечественной войны Ефим ушел на фронт, к этому времени в семье росло двое детей. Гене, родившейся в 1939 году, отчетливо врезался в память момент возвращения отца. В 1950 году в семье родился еще один сын.

Евгения Ефимовна подарила нам одну замечательную историю из жизни семьи. Началась она на Украине, в те времена, когда семья маленького Хаима бедствовала и голодала. Неподалеку от них жил лавочник

Борис Ложкин, жена которого, каждый день принося в лавку товар, видя голодные глаза мальчишки, украдкой совала ему в руку пирожок. Надо ли говорить о том, что, получив угощение однажды, голодный пацаненок каждый день поджидал свою благодетельницу. Много лет спустя, будучи семейным человеком, Ефим поступил в Хабаровский финансовый техникум, снял комнату на время сдачи экзаменов. Хозяином этой квартиры оказался тот самый лавочник Ложкин. И когда Ефим спросил, знает ли он, что его жена спасла ребенка от голодной смерти, Борис рассмеялся. Подсчитывая выручку, он никак не мог понять, откуда у него постоянная нехватка.

Прошло еще много лет, семья Ефима Брагинского перебиралась из Биробиджана в Хабаровск. Глава семьи обомлел, когда увидел, кто откликнулся на объявление об обмене. Навстречу ему вышел тот самый Ложкин. Конечно, при ближайшем рассмотрении оказалось, что это сын его старых знакомых.

И в этом случае переезд на Дальний Восток спас семью. В списке жителей Израилевки, уничтоженных фашистами, три человека с этой фамилией, да трое погибших на фронте.

Евгения Ефимовна рассказала мне, что старшее поколение не только разговаривало, но и читало на идише, особенно любили «Тевье-молочника». Как правило, вслух читал для всех Матвей, взрослые смеялись, обсуждали услышанное, а она умирала от желания понять, о чем речь. Поэтому повзрослев, в первую очередь купила себе книгу Шолом-Алейхема, переведенную на русский язык.

Взрослые не пропускали ни одного спектакля еврейского театра. А когда для идиша наступили не лучшие времена, чтобы поддержать любимую газету «Биробиджанер штерн», Ефим иногда скупал все номера газеты, продававшиеся в ближайшем киоске. И опять в разговор вступает Лена. Оказывается, она никак не могла понять, откуда у бабушки эта странная привычка приносить домой пачки газет, и для чего они ему были нужны. Позже подобные истории я услышала и от других биробиджанцев, которые любили свой язык, свою газету и изо всех сил пытались ей помочь.

Рассказ Евгении Ефимовны продолжает Алла Матвеевна, дочь Мат-

воя Брагинского и Розы Спольской, которая родилась через два дня после смерти деда Альтера. Взрослые всегда много и тяжело работали, лишнего времени уделять детям не могли. Но по субботам все сыновья с семьями собирались в родительском доме. Бабушка Хася накрывала семейный стол – и начинались разговоры. Внукам запомнились бабушкины «сказки», которые она всегда рассказывала детям. Только спустя годы Алла Матвеевна поняла, что сказки эти были главами из Торы.

Родители Аллы Матвеевны какое-то время работали при Биробиджанском еврейском театре, дружили с актерами Мишей Шейном и Бузей Шильманом, которые после расформирования театра вынуждены были уехать в Николаевск-на-Амуре. А Матвей с женой перешли работать на обозный завод, он по своей специальности – кузнецом, а Роза литейщицей.

1947 г. Семья Пищиц-Брагинских в Биробиджане. Фото из архива семьи Брагинских.

Брат Аллы Меер-Гедали (Майор), которого в «Икор» привезли пятилетним ребенком, в 1943 году 16-летним подростком добровольцем ушел на фронт. Вначале его направили в морскую школу радиометристов, а после окончания учебы – служить на крейсер Черноморского флота, который принимал участие в боевых действиях.

После войны Меер продолжил службу на Тихоокеанском флоте, принимал участие в составе тральщиков в разминировании вод Татарского пролива, служил на Чукотке. При разминировании был ранен... Был награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», орденом «Отечественной войны». Надо ли говорить о том, как гордились им близкие. В семейном архиве хранится замечательная фотография, на которой запечатлены родственники, оставившие свои дела и специально собравшиеся в городском фотоателье по случаю приезда в отпуск Майорчика, как любовно называли его в семье.

Демобилизовался Меер Матвеевич в 1950 году и вернулся в Биробиджан. Пошел работать на обозный завод, носил звание «Мастер – золотые руки». Одновременно с работой окончил вечерний механический техникум, прошел все этапы роста от рабочего до руководителя одного из ответственных цехов завода. За свою трудовую деятельность награжден орденом «Знак Почета».

Эта большая переселенческая семья оставила добрый след в Биробиджане. Абрам Пищиц работал на трикотажной фабрике, Юда – на обувной. Еще трое работников этой фабрики тоже носили фамилию Пищиц. Софья Матвеевна Неудачина училась во 2-й школе, работала 33 года на почте и девять лет в редакции «Биробиджанер штерн». О Елене Абрамовне Вербицкой, дочери Цили Исааковны, до сих пор помнят благодарные ученики. В отчете отдела народного образования за 1940–1947 годы, руководимая ею школа №10 названа одной из лучших в области. В семье есть врачи, учителя и на удивление много людей творческих профессий – художники и архитектор, дизайнер и кинематографист. Долгие годы, пока жило старшее поколение, родство поддерживалось и сохранялось. Но старели родители, подрастали дети, создавались новые семьи, уже меньше стало встреч. Подросшие внуки и правнуки этой большой и дружной семьи разъехались по миру. Кто-то сейчас живет в Израиле, кто-то в Германии, Украине, и, конечно, в Биробиджане. Но все же связь друг с другом стараются не терять.

Семья Форер

Виновным себя не признал

Еще одна икоровская история оказалась самой трагичной и запутанной из всех ранее написанных. В судьбе председателя коммуны «Икор» Иосифа Форера (Фарера), арестованного и осужденного в 1937 году, до сих пор много загадок. До сих пор не утихла боль семьи, которая пытается разыскать сведения о нем.

Общаясь с потомками икоровцев, я часто слышала, что старшие члены семьи не хотели говорить о прошлом. Это очень понятно. Слишком тяжелым было это прошлое. Но то, что пережили члены семей репрессированных несравнимо ни с чем. Изломанные судьбы, отвернувшиеся соседи и даже родственники и бывшие друзья, угроза ареста и постоянный изматывающий страх за своих близких. Выжившие в этой мясорубке не хотели даже мысленно возвращаться в те времена. Кроме того, в их душе навсегда поселилось не просто опасение, а всепоглощающий ужас: что если в один миг, как тогда, в 1937-м, все изменится.

В семье Форер в коммуне «Икор» поначалу все складывалось.

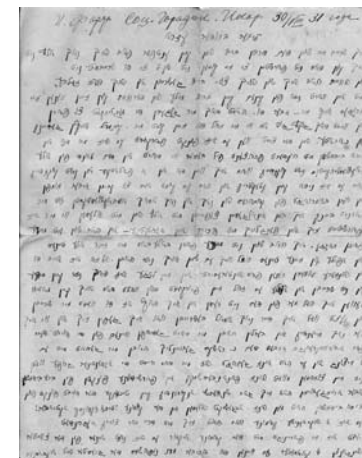
Иосиф Исаакович Форер (Фарер) родился 16.09.1905 г. в деревне Сосновка Гродненской губернии (Польша). В 13 лет Иосиф был вынужден оставить учебу в хедере и начать работать. Сначала чернорабочим, потом молотобойцем, а когда семья переехала в местечко Воломин Варшавской губернии, поступил на работу в столярную мастерскую. В 1924 г. на фоне усилившегося антисемитизма он вслед за братом Эзрой перебрался в Аргентину, где продолжал работать столяром, там же вступил в Союз Синдикалистов. В 1930 году Форер зарегистрировался в организации «Прокор», которая занималась вопросами переселения евреев, и уже через короткое время, вопреки воле семьи, в апреле 1931 года на товарном бельгийском пароходе отправился в Бельгию, а оттуда на поезде в Германию, где получил въездную визу в СССР.

Всю аргентинскую группу отправили в одно место. В списках иностранных рабочих, прибывших из Аргентины 15 мая 1931 года в Соцгородок, числится столяр Иосиф Исаакович Форер, приехавший в составе группы из 46 человек. Судя по дате, он был одним из первых переселенцев

из-за рубежа, начавших осваивать новые территории, которые Советский Союз выделил на Дальнем Востоке евреям, разбросанным по всему миру, призвав: «Зачем вам капиталистическая Палестина, приезжайте, строите новую свободную жизнь на своей земле».

Для ведения агитационной работы и сбора денег на осуществление своего проекта КОМЗЕТ разослал своих представителей по всему миру. Журналистка Дина Медем, ярая сторонница биробиджанского проекта, писала из Аргентины в 1936 году: *«Среди местечковой бедноты с небывалым подъемом проходят доклады о жизни еврейских трудящихся в СССР, о братской и шефской помощи фабрик и заводов Союза строительству молодой Еврейской автономной области, на которое советское правительство отпускает десятки, сотни миллионов».* («Трибуна» 1936 г., №11)

В Биробиджане переселенцы оказались в тяжелейших условиях. Освоение девственной природы давалось большим трудом. Вопреки всему в своем письме из Соцгородка брату Эзре в Аргентину в 1931 году Иосиф пишет: *«Мне никогда не приходит в голову мысль о сожалении. Как раз наоборот, мне здесь в Биробиджане на 100% лучше, чем там, в той стране «со всеми удобствами». Несмотря на то, что я живу в палатке и нет электричества, что приходится страдать от комаров и еще от многих неудобств, я совсем не жалею и рад всему и всем, как я понимаю и сравниваю прошлое в Аргентине. Я уже не страшусь завтрашнего дня. Я уже не боюсь своего хозяина со всеми его претензиями и даже без них».*

Письмо, отправленное Иосифом из Соцгородка в Аргентину брату Эзре в 1931 году. Из архива Эзры Форера. Получено от его внука Хорхе-Серхио Борковского.

На болотистых почвах, затапливаемых в паводки территориях, в тайге поселенцы строили предприятия и дороги, создавали колхозы, разводили скот, получали урожай. И строили семьи. Иосиф Форер завидный жених. В своей книге Д. Вайсерман приводит воспоминания Анатолия Марковича Подольского: «Это был молодой и довольно симпатичный интеллигентный человек. Высокого роста, крепкого телосложения, эрудированный не по годам». (Вайсерман Д. Биробиджан: мечты и трагедия // РИОТИП, краевая типография г. Хабаровск. – 1999 г., с. 71).

Стахановка Нина Шейнфельд. Фото из фондов Российского этнографического музея.

Парню удалось покорить сердце одной из сестер Шейнфельд, тоже приехавших строить новую жизнь в «Икор», только из Украины. Уже 8 июля 1934 года газета «Биробиджанская звезда» в отчете с областного слета колхозников-ударников упоминает ударницу Шейнфельд из Икора. У Нехамы, несмотря на ее молодость, за плечами богатый послужной список. В 1919 году молодая гимназистка, оставив учебу, добровольно ушла с партизанами, затем в 1920-м вместе с отрядом влилась во 2-ю Конную армию, участвовала во взятии Перекопа, ей довелось работать в ремонтных мастерских, быть санитаркой на фронте и в военном госпитале. Клич партии и правительства: «Евреи, на Дальний Восток!» вновь срывает ее с места. Так она в том же 1931 году оказалась в «Икоре». В коммуне Нехамы (Нина Петровна) становится женой Иосифа Форера. Вскоре к ней приехала ее младшая сестра Мария.

Активистка и ударница, она вышла замуж за Шаю Коваль. С тех пор судьбы этих двух семей связаны между собой. В самые трудные годы Абрам Коваль не оставлял Нину без поддержки, Нина чем могла, помогала семье Коваль, и сейчас их внуки и правнуки не забывают о своем родстве.

А пока они в коммуне, которая в середине тридцатых годов становится колхозом. Иосиф Форер уже не просто рядовой коммунар. Он был кладовщиком, завхозом, полевым бригадиром. И, наконец, общее собрание колхозников, оценив его трудолюбие и преданность делу, в конце 1934 года избирает Иосифа председателем.

На его долю достался не простой период реорганизации коммуны. Ее состояние настолько плачевно, что для ее сохранения решено применить радикальную меру: закрыть проект Соцгородок и сконцентрировать все силы в «Икоре», превратив его из коммуны, где все общее, в артель, а затем колхоз, в котором каждый получает согласно заработанным трудодням. Процесс этот очень болезненный, далеко не всем по нраву «отлучение от общей кормушки». Часть людей начинает разъезжаться, но те, кто остался, работают и побеждают. Уже результаты 1935 года заставили людей поверить своему председателю. При Форере «Икор» набирает такую силу, что уже в середине 1930-х годов колхоз выходит на второе место после Валдгейма среди лучших коллективных хозяйств Дальневосточного края.

Д. Маневич в 1935 году в газете «Биробиджанская звезда» писал: *«Колхоз «ИКОР» еще до прошлого года был слабым хозяйством, с 1935 года он стал быстро развиваться. Теперь в колхозе уже есть две животноводческие рентабельные фермы... Не в пример прошлым годам переселенцы закрепляются, прибывают новые, возвращаются и некоторые из тех, кто оставил в свое время колхоз... Посевная площадь колхоза увеличивается. В нынешнем году будет поднято 300 га целины. К севу колхоз подготовился своевременно. Семена засыпаны, тракторы колхоз получает от новой Биробиджанской МТС. Для лошадей заготовлено сено на все лето. Колхозные поля полностью обеспечены удобрением. Приступили также к оборудованию парникового хозяйства... Молодой колхоз стал передовым».*

Говорилось в статье и о председателе Икора:

«Иосиф Форер еще молод, полон сил. Жена его тоже хорошая работница. Вначале она работала в поле, затем

заведовала яслями... Он и его жена – ударники колхозных полей, участники областного слета стахановцев, премированы...

За то время, что Форер руководит колхозом, там построены школа, детские площадки, организована библиотека, выписываются газеты... Вскоре будет проведено радио».

Растет не только колхоз, растет и семья Форер. В ней уже трое сыновей с очень непривычными для еврейского уха, но выразительными именами. Револьд (1933 г.р.), Маэлс (1934 г.р.), Владлен (1937 г.р.). В честь революции и Маркса, Энгельса и Ленина. В 1936 году Россию посетила аргентино-уругвайская делегация. В одиннадцатом номере

журнала «Трибуна» этому событию посвящена большая приветственная статья тов. Рашкеса, в которой, в частности, говорится: *«во время посещения Биробиджана они (члены делегации) увидят, как хозяйственно и культурно растет единственная в мире Еврейская автономная область. На стройках и предприятиях Биробиджана делегаты встретят немало своих товарищей из Аргентины и Уругвая – вчерашних полуголодных рабов, став-*

ших в Советской стране преданными и счастливыми строителями социалистической Еврейской автономной области».

Иллюстрацией счастливой свободной жизни аргентинцев на земле Биробиджана служит портрет председателя Иосифа Форера.

Все закончилось в один миг. Председателя вызвали по делам в Биробиджан, оттуда он уже никогда не вернулся. 20 ноября 1937 года он

Иосиф Форер, председатель «Икора». Фото из фондов Российского этнографического музея.

был арестован, 7 января 1938 г. в тюрьме ему предъявили выписку из протокола особого совещания НКВД от 4 января. Иосиф Исаакович Форер был заочно обвинен в контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу Польши заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Первое письмо, которое хоть как-то прояснило обстановку, его жена Нина получила через 9 месяцев из Красноярского края.

Трудно даже вообразить, что пережила молодая женщина, оставшаяся с тремя детьми, младшему из которых, не было еще и года. Она отчаянно пыталась что-то узнать о судьбе мужа и помочь ему. В то же время нужно было уберечь себя и детей, просто выжить. Нина осталась без средств к существованию, у нее не было работы, не могла оставить детей, единственную кормилицу – корову убили в стаде. К тому же над ней висела постоянная угроза ареста, ссылки. Односельчане боялись общаться с ней, хотя многие потихоньку сочувствовали. Можно ли осуждать их за это? Каждый опасался за свою семью.

Об этом периоде жизни семья узнала много позже, когда уже не было в живых ни самой Нины Петровны, ни ее сыновей, из переписки, хранившейся в архивах надзирательных органов.

«У меня жили квартиранты, им велели уйти с квартиры. Никому не разрешили со мной разговаривать, ходить ко мне в дом...», «люди проходили, опускали глаза что бы не глядеть мне в лицо и боялись подойти мне помочь, чтобы им не приписали связь с врагом народа».

В отчаянии металась Нина из «Икора» в Киев к отцу, в колхоз под Житомир, к брату, семья которого сама отчаянно нуждались, к родным в Одессу. Ни в одном из этих мест она не смогла получить прописку, устроиться на работу, проживая последние накопления и те жалкие деньги, которыми могла помочь ей семья.

Видно, судьба сжалилась над ней, увезла детей из Украины назад в Биробиджан Нина Петровна перед самой войной, тем и спасла семью. Брат Наум погиб на фронте, а троих его детей, оставшихся в Радомысле в оккупации, расстреляли во дворе дома, на глазах у русской матери. Кто-то из соседей выдал немцам, что их отец еврей. Сестра Роза вместе

с отцом Пейсахом Нусевичем, тоже сгинули на дорогах войны. Их судьба неизвестна до сих пор. Биробиджан оказался последней надеждой, там Нина смогла найти работу на обозном заводе, а вот с пропиской возникли проблемы. Загнанная в угол женщина категорически отказалась искать себе другое место, ей уже все равно, тюрьма, ссылка, для нее нет места во всей большой стране.

«Я категорически заявляю, что отсюда никуда не поеду, ибо только теперь чувствую, что очутилась на твердой почве, где сумею более или менее обеспечить существование моих детей... Я скорее соглашусь на арест, нежели на переезд».

Потребовалось много писем и жалоб, чтобы получить, наконец, разрешение на проживание. Все это время, и на Украине, и в Биробиджане, Нина не оставляла попыток узнать что-то о муже, в поисках справедливого правосудия она писала письма-прошения во все инстанции.

Уже взрослые внуки пытались узнать подробности о годах ссылки своего деда. Вот тогда, в 1993 году на запрос Ирины, дочери Маэlsa из управления Комитета Государственной Безопасности СССР по Хабаровскому краю поступил ответ:

«Постановлением президиума областного суда ЕАО от 25 мая 1957 Форер Иосиф Исаакович был полностью реабилитирован посмертно».

Тогда же ей позволили прочитать письма, написанные в различные инстанции. Письмо Нины к Берии – крик отчаяния в последней надежде найти справедливость. Письмо-жалоба Иосифа Форера в особую инспекцию НКВД с просьбой объективно разобраться в его деле. Письма, за которыми изломанные судьбы семьи, народа, поколения. Именно они позволяют сейчас проследить отдельные периоды жизни Нины и Иосифа Форера.

В надзирательном деле Нины Шейнфельд («Наблюдательное производство») – ф.83, оп.7, д.148. Госархив ЕАО), которое удалось семье получить только в 2017 году, хранятся ее обращения к прокурорам области и края, прокурору СССР Панкратьеву, верховному прокурору тов. Вышинскому, к Калинин и всемогущему Берии, и даже (!) «дорогому

товарищу Сталину». Среди писем и отписок надзирательных органов жалоба отца Нины Пейсаха Нусевича военному прокурору СССР:

«Дочь, о которой я прошу, со средним образованием, в 1919 году поступила в партизанский отряд, в 1920 она вошла с отрядом Конной армии, пережила великую борьбу с белобандитом Григорьевым па Перекопе в Крыму, была в армии с 1919 по 1922 г. Все это она сделала не для того, чтобы получить орденов, а за свое сознание своего долга к своему отечеству трудового народа».

В дело подшит еще один документ, письмо Иосифа Форера из лагеря: «8/11.40 Дорогая Ниночка и детки...». Весточка, которую так ждала семья и которую никогда не смогла прочитать. Даже этого права Нина была лишена.

18 июля 1938 года Иосиф Форер написал из лагеря письмо генеральному прокурору СССР. В нем есть такие строки: *«Почему я потерял самое ценное и дорогое в моей жизни – право свободного советского гражданина, право строителя Евр. авт. обл. Почему со мной случилось такое несчастье?(...) На следствии мне предъявили очень тяжелое обвинение: измена нашей социалистической Родине, шпионаж в пользу фашистской Польши. Следствие не показало мне никаких материалов, фактов, свидетельских показаний для подтверждения своего тяжелого обвинения и для того, чтобы я мог дать соответствующие объяснения и опровержения. Это произошло потому, что таких фактов, материалов и показаний в действительности нет и не может быть... Если следственные органы Биробиджана по-настоящему заинтересовались бы моей жизнью и работой, то перед ними прошла бы вся моя трудовая жизнь, все мои странствования в поисках работы, годы жестокой эксплуатации в Польше, Аргентине...».*

Даже в лагере он верил в справедливость, пытался доказать свою невиновность, отстаивать свое честное имя:

«Здесь, на новой земле, я покончил с жизнью раба ка-

питализма, с моими странствиями по чужим странам и государствам. Я впервые приобрел Родину. Я стал горячим патриотом новой страны, горячим патриотом колхоза «Икор», я по-настоящему полюбил колхоз, его людей. Вся моя жизнь в СССР протекала в этом колхозе. Я стал впоследствии председателем этого переселенческого колхоза «Икор». Это был наш колхоз «Икор», был передовым колхозом во всей нашей области, и это дало мне настоящее большое счастье, смыслом всей моей жизни стала работа на процветание молодой Евр. авт. обл. как части нашей Великой Родины...

Но этой моей доподлинной жизнью мои следователи мало интересовались. Они не интересовались также и тем, что меня воспитало революционное движение Аргентины. Я там был связан с коммунистическим движением. Они мне преподнесли ни на чем не обоснованное обвинение в измене нашей социалистической родине. Я ждал настоящего разбора дела в судебных органах, но меня осудили заочно. 7-го февраля 1938 года преподнесли мне в Хабаровской тюрьме выписку из протокола особо совещания НКВД от 4 января 1938 года, где я осужден к 10 годам заключения в испр. трудовом лагере по статье КРД.

Я считаю это постановление столь же необоснованным и неправильным, как и предварительное обвинение следственных органов г. Биробиджана».

В апреле 1940 года жена Иосифа в очередном прошении пишет: «Не примирившись с несправедливым осуждением, разбитый и подавленный морально, муж заболел. У него еще дома были слабые легкие, а 2 с половиной года ссылки его совершенно свалили с ног. Дальнейшее промедление, затяжка просмотра его дела грозит ему гибелью».

В августе того же года вновь взывает к милосердию и справедливости: «Почему мой муж, отдавший семь лучших лет своей жизни на строительство и развитие колхоза, не присво-

ивший за семь лет работы в колхозе ни единой общественной копейки, ниточки, опозорен именем врага народа и отбывает тяжелое незаслуженное наказание? Почему дети должны расти в обстановке преследования и презрения? В голоде и нужде?».

В архивном деле на И.И. Форера указано, что наказание он отбывал в системе Севжелдорлага МВД СССР, в рабочем поселке в Коми АССР, где 17 мая 1946 г. умер. Еще ничего не зная об этом, примерно в это же время, 21 июня 1946 г. Нина пишет тов. Гоглидзе письмо, из которого следует, что тяжело больной Иосиф находится в лазарете г. Котлас Архангельской области.

Семья Иосифа пыталась каким-то образом помочь ей. Но могла ли так остро нуждавшаяся Нина, в одиночку поднимавшая троих детей, принять эту помощь? В 1949 году в ответ на посылку зарубежных родственников она пишет благодарственное письмо: «Не затрудняйтесь, у нас можно все достать как из вещей, так из продуктов».

Подробности жизни семьи неизвестны даже сейчас. Вопросов пока больше, чем ответов. Из трудовой книжки Нины Петровны Шейнфельд следует, что, вернувшись из Украины в Биробиджан, с июля 1940 по сентябрь 1945 она работала на обозном заводе нормировщицей, затем с сентября 1945 до ухода на пенсию в 1956-м – на фабрике деревоширпотреба нормировщицей, счетоводом кассиром, станочницей, имела благодарности за хорошую работу. По воспоминаниям родственников Нины, условия проживания семьи в Биробиджане были ужасные. Под жилье был приспособлен даже не барак, а бывшая конюшня с комнатками-стойлами вдоль длинного коридора. В комнате лежаки, стол и вместо шкафа – вбитые в стену гвозди, на которых помещался весь скудный гардероб. Зимой по помещению гуляли сквозняки, летом в крошечных комнатках страшная жара. Дежурные по барaku к вечеру мыли полы в общем коридоре, и все население вытаскивало туда на ночь свои матрацы. Большие ворота в противоположных концах барака-конюшни позволяли хоть как-то проветривать жилище. Может, именно из-за тяжелейших бытовых условий и невозможности содержать детей Револьд временно оказался в детском доме? Данные об этом нашлись в областном архиве Биробиджана.

Стоит ли удивляться тому, что Нина-Нехама, пережив это, категорически отказывалась говорить о своем прошлом с детьми и внуками. Но как бы там ни было, ей удалось вырастить и воспитать детей, нашедших достойное место в жизни. Револьд после окончания

Нина Форер с сыновьями в Биробиджане. Фото из архива семьи Форер.

Нина, Мария и Ефим с женой во дворе у Ковалей. Фото из архива семьи Форер.

художественного училища им. Мухиной работал в конструкторском бюро Новгородского университета. Очень хорошо рисовал и средний из братьев, Мазлс, но профессией своей он, как и младший Владлен, избрал оборонную промышленность, оба работали на одном из заводов Комсомольска-на-Амуре и там отличились незаурядными способностями.

Две дочери Владлена – Елена и Марина – с семьями живут в Израиле, и я рада знакомству с ними и нашему общению. Превратности судьбы: с Мариной, моей ровесницей, мы в одно время учились в Хабаровском пединституте, ходили по одним коридорам и занимались в одних аудиториях, ничего не зная друг о друге. Должны были пройти годы, чтобы мы встретились. Объединил нас интерес к истории семей и коммуны «Икор». Особая благодарность Марине Ереминой за ее работу в архиве Иерусалима и перевод некоторых документов, вошедших в эту книгу.

Благодаря предпринимаемым ею усилиям обнаружены ценные документы. Среди них письмо, написанное в 1931 году Иосифом Форером

из Соцгородка брату Эзре в Аргентину, письма Нины из Биробиджана в Буэнос-Айрес 1948-1949 годов и многие другие, написанные на идише и ждущие перевода.

В 2016 году было, наконец, рассекречено личное дело осужденного Иосифа Форера, хранившееся в МВД республики Коми. В 2018 году внукам удалось получить страшные свидетельства жизни и смерти в лагере их деда, осужденного 4-го января 1938 года за «контрреволюционную деятельность». Прочитать выписку из протокола Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних дел СССР, увидеть карты зачета рабочих дней безнадежно больного человека, отпечатки его пальцев и фотографии, акты о смерти от туберкулезной интоксикации и погребении на Болтинском кладбище 17 мая 1946 года...

В истории репрессированного председателя «Икора» остается много неясного. Давно нет в живых героев нашей истории и их детей, но система службы государственной безопасности несуществующей страны даже спустя многие годы неохотно расстается со своими тайнами. Еще хранится личное дело «врага народа» в Хабаровске, откуда из УФСБ России по Хабаровскому краю на имя его внучки Марины получена всего лишь архивная справка в отношении Форера Иосифа Исаковича. Но в ней есть очень весомая строка, итог всей жизни председателя «Икора»: «Виновным себя не признал».

Фото из личного дела осужденного И. Форера.

Эдлин

О коммунаре Эдлине, которому С. Герзон уделил так много внимания, о покушении на него, об истории с быком я слышала от своего отца, о нем же можно прочитать у Д. Вайсермана. Воспоминания Анатолия Марковича Подольского, записанные им, повторяют уже знакомое мне:

«В 1933 году моего отца, шорника из Украины завербовали в Биробиджан. Помню, что мы почти месяц ехали на поезде под названием «Максимка». В районный центр поезд прибыл в апреле 1933 года... А 2 мая этого же года по желанию отца наша семья приехала жить в коммуны «Икор». Хорошо запомнил многих людей – Левинзона, например, очень высокого и статного мужчину. Вообще, в «Икоре» все были как на подбор – высокие, стройные молодые люди и почему-то все в основном холостяки. Особенно хотелось бы выделить двух икоровцев, приехавших из США, – Пумштейна и Эдлина. Не помню, как их звали, но никогда не забуду, какие это были веселые, жизнерадостные люди. Где они – там смех, шутки, веселье.

А Эдлин был вообще душой коммуны. Этот балагур и весельчак был лысым и самым маленьким по росту среди иностранцев-коммунаров. Он и внешне выделялся, всегда ходил в красных ботинках, комбинезоне серого цвета, с застегками-молниями. Во время работы он был малоразговорчив, зато в свободное от работы время выплескивал накопленную энергию. Работал Эдлин и завскладом, и ночным сторожем. Нередко его можно было увидеть на корчевании, севе, рыбалке, уборке сои».

Совершенно неожиданным образом разговор об Эдлине возник

во время общения с семьей Коваль. Оказывается, Жорж Абрамович хорошо помнил его и делился этими воспоминаниями в переписке со своим американским другом и бывшим сослуживцем Арнольдом Крамишем. Вот строчки из этих писем, которые касаются «Икора».

Крамиш – Ковалю, декабрь 2004 года: *«Небольшое воспоминание к твоему дню рождения: В 1936 году Пол Новик, редактор журнала на идише Freyheit, приезжал в Биробиджан. Он написал, что, прогуливаясь по колхозным полям, встретил Й. Элдина, казначея коллектива, и Шаю Ковалья из Сью-Сити, Айова, который иммигрировал с родителями и двумя братьями в Биробиджан в 1932 и был там одним из лучших трактористов. Два его брата изучали химию в Москве, как сказала его мать Новик, чем она очень гордилась».*

Коваль – Крамишу, март 2005 года:

«Спасибо за напоминание про Биробиджан. Откуда ты берешь эти факты? Конечно, я ничего не знал о тех событиях в Нью-Йорке, о которых ты упоминал. Я избегал всего, что могло привести к встрече с людьми, которые знали меня там, и, соответственно, к неудобным вопросам. В предыдущем письме ты упоминал человека по имени Edlin. Я довольно хорошо его знал, хотя мы не очень много времени провели вместе. Как многие из тех, кто приехал со всех концов мира строить новую Еврейскую Родину, он был интересной личностью. Он был любителем музыки, и его миссией было нести хорошую музыку в массы. Он привез с собой из США коллекцию записей и фонограф, и по вечерам часто собирал в зале в бараках, где мы жили, небольшую аудиторию на концерт. Насколько я помню, особенно популярно было «Лебединое озеро» Чайковского. Он был холостяком – не очень-то молодым – и (я знаю это по слухам) стал по-

сместищем, ухаживая за очень симпатичной 16-летней девушкой... Мне сказали, что когда начались чистки в 1938, он спасся, перемещаясь по стране на разных поездах. Я не знаю конца этой истории. Возможно, в итоге он вернулся в США. Я надеюсь, что все это закончилось хорошо. Он был очень хорошим человеком».

В своем письме Ж.А. Коваль обращает внимание на искаженную Крамишем фамилию коммунара.

Позже оказалось, что Эдлина хорошо помнили все коммунары. «Настоящий был человек». И действительно – позже он преподавал в Москве английский язык.

Лев Погребницкий

Фамилия эта встречается не только в воспоминаниях Самуила Герзона. Парторг Лев Погребницкий был хорошо известен всем коммунарам. Впервые о нем и о трагедии, случившейся в коммуне, я услышала от своего отца Г. Пензура. На страницах этой книги уже отмечалось, что Лев (Лейб) Погребницкий стал героем повести М. Гольдштейна «Биробиджанцы на Амуре».

В газете «Биробиджанская звезда» № 10 за 27 марта 1931 г. была опубликована небольшая заметка под заголовком «Рабочие из Америки едут в Биробиджан»: «В Москву приехали еврейские рабочие из Америки, направленные на работу в Бирибиджан. Пока приехали товарищи Лев Погребинский и Филипп Эмрон с семьей на 4 человека. Тов. Погребинский специалист по молочному делу, кончил агрокультурную школу и будет работать в коммуне Икор».

Несмотря на искажение фамилий, можно с уверенностью утверждать, что речь в заметке идет о Л. Погребницком и Ф. Амроне.

Вспоминает И.И. Блехерман:

«Была в Соцгородке интересная семья из Америки – Погребницких. Лева был парторгом. У него сын был художник. В коммуне была общая столовая, так он на всю стену нарисовал картину из жизни людей в коммуне. А Погребницкий утонул в 1932 году при заготовке сена. Мы косили далеко, километров 18 от «Икора», на Тарабаровском острове в Самаро-Орловке. Началось наводнение, вода залила все. Жители жили на чердаках, наши косари забрались на стог сена. Лева пытался вместе с братьями Лерер перебраться на лодке. Лодка была перегружена, Погребницкий, умея хорошо плавать, прыгнул в воду. Одной рукой он пытался поднимать выше над головой партбилет, чтобы не замочить его, и не смог выплыть. Так и нашли его на следующий день, зацепившегося за куст с партбилетом в руке. Похоронили в Соцгородке, но потом на это место пришли военные, и могила не сохранилась».

20 августа 1932 года «Биробиджанер штерн» напечатала некролог, в котором говорилось: «С глубоким прискорбием сообщаем о трагической смерти секретаря партийной ячейки «Соцгородка-Икор» Левы Погре-

бицкого, старого большевика и активного социалистического строителя, который героически погиб, спасая имущество коммуны во время наводнения».

В номере за 15 сентября в заметке «Погиб коммунар и большевик» о том, как это случилось, рассказывает Моисей Гольдштейн. Надо отметить, что в своей повести «Биробиджанцы на Амуре» автор оставляет Погребницкого в живых.

Не погрешил против истины и С. Герзон, рассказывая о том, что сын парторга «Вельв Погребницкий прекрасный художник, окончивший в Москве высшее художественное училище ВХУТЕМАС». Косвенное подтверждение этому нашлось в архиве ОЗЕТа. Справки, выданные Вильяму Лейбовичу Погребницкому, подтверждают, что он, его жена Р.Д. Погребницкая и их трое детей приехали в коммуну «Икор» в апреле 1932 года. С мая этого же года Вильям Лейбович работал в коммуне пионервожатым, учителем ИЗО и физкультуры, колхозником на полевых работах. «Работу выполнял по-ударному – аккуратно и в срок». Какова была дальнейшая судьба семьи неизвестно.

Семья Пензур

Следующий рассказ – о моей семье, семье моего отца Григория Израилевича Пензура.

16 ноября 2015 года завершил свой земной путь один из последних первых икоровцев. И, несомненно, единственный, проживший в Соцгородке с 1932 года (то есть практически со времени его создания) до 1998-го. Григорий Пензур стал свидетелем становления коммуны «Икор-Соцгородок» и ее распада, видел новый расцвет и упадок поселка, вложил в его строительство так много сил, что местные жители до сих пор помнят его дела. Он, никогда в жизни не покидавший свой Соцгородок более чем на пару недель (за исключением лет армейской службы), не поддававшийся никаким уговорам и посулам лучшей работы, квартиры, уступил давлению детей и внуков – уехал в Израиль, но до конца жизни помыслами и сердцем оставался там, в Соцгородке.

Мой дед Исрозль Пинзур приехал в Соцгородок из Белорусского Дубровно и привез с собой жену Хаю-Ривку и четверых детей. Старшему Куше было 12 лет, Бэрлу – 10, Фэйгл – 6, а младшему, моему будущему отцу, исполнилось на тот момент четыре года. Разлив воды в этот год был настолько большой, что первое яркое воспоминание маленького Цви-Гирша (Григория) о поселке – кругом вода, и он на руках у отца. Переселенец Исрозль не совсем обычный. В коммуне в основном парни и девочки – молодые, несемейные, а у этого четверо детишек, да и возраст явно некомсомольский. Почему семья решила на такой переезд, для меня всегда оставалось загадкой. Еще одна загадка заключалась в том, что я никогда не встречала упоминания нашей фамилии в скудных сведениях об «Икоре», а так хотелось узнать хоть что-то.

Уже в Израиле ко мне попали воспоминания коммунара Самуила Герзона, где я, наконец-то, встречаю упоминание о рыбаке «Икора» Пинзуре: *«Все коммунары помнили вкус субботней фаршированной рыбы, которую их мамы готовили в местечках. Но как ловить рыбу, вялить, хранить – об этом никто, кроме Пинзура, не имел никакого представления... Исрозль приехал в коммуну из Белоруссии. Ему приходилось ло-*

вить рыбу в Днепре, и он имел представление о том, как плетут сеть, навешивают грузила, делают удочку».

И – как дар небес – на сайте «Историческое и культурное наследие ЕАО» нахожу книгу Г. Блоштейна «Биробиджанские зарисовки» (1934 года издания), а в ней очерк «Полный тяжелый невод», полностью посвященный моему деду Исроэлю Пинзуру. Ни много ни мало через 80 лет после ее издания читаю такие дорогие мне подробности о жизни деда. Правда фамилия наша звучит сейчас как Пензур, на каком этапе произошла замена буквы, никто сейчас сказать не может, но отец всегда настаивал на первом варианте как верном.

Несмотря на то, что отец много рассказывал про деда, которого я никогда не видела, про свое детство, эти рассказы почти всегда были связаны с Соцгородком. О жизни в Дубровно он и сам знал только из рассказов старших. Мы же, слушая отца, не очень вдавались в подробности. Да, протока, к которой сбегает с сопки одна из улиц Соцгородка, называется Пензуровская, но это все знают. И мальчишки со всей округи ходят купаться на Еврейскую протоку, где на Перекопе понырять можно и понежиться на теплом песочке. А лодки на протоке (приходи, бери лодку, только закрепить покрепче не забудь) привязывались к торчащим из земли рельсам. И подружки, приходившие к бабушке, разговаривали на другом, непонятном нам языке. Каким образом это касалось нашей семьи, откуда взялись на берегу реки рельсы – об этом тогда не задумывались, а расспрашивать о прошлом отца или его брата Константина, жившего рядом в поселке, просто не приходило в голову.

О жизни в Дубровно поэтому мне известно немного. Еще с XVIII века основным занятием местного еврейства являлось кустарное ткачество. Сложились целые династии потомственных ткачей. Дубровно являлось центром производства талесов для всей России, экспортировались они и в другие страны. В начале XX века еврейскими меценатами была построена ткацкая фабрика. Работали на ней одни евреи. На этой фабрике, знаменитой своими талесами, работала и Хая-Ривка.

У Исроэля были сестры, они уехали в Америку и, вероятно, сменили фамилии, выйдя замуж. Сам он сапожничал, даже имел сапожную мастерскую, рыбачил, иногда приторговывал на рынке, арендовал сады

и был неплохим огородником, что вообще-то не совсем свойственно городскому еврею. То есть крутился как мог, обеспечивая свою немалую семью. Так что же заставило его двинуться с насиженного места?

В очерке Блоштейна «Полный тяжелый невод» нахожу: *«Теперь я вижу, что ошибался значительную часть своей жизни. Что-то мне первое время советская власть не шла в голову. Теперь я знаю, что это моя власть. – Три года тому назад Пинзур прибыл в Биробиджан. Как трудящийся переселенец, он получил избирательное право».*

Читаю эти строки и предполагаю, а не из лишенцев ли мой дед? Кончились времена НЭПа, и кустарям пришлось несладко. Вот и решил дед переселиться. Иначе с чего бы это автор подчеркнул получение избирательного права? Похоже, правда, как говорил старший из братьев Константин, – вынудили.

Соцгородок, куда переселилась семья, пока существует только на бумаге. Поселок только начинает строиться, а в наличии лишь сопка, окруженная водой и поросшая лесом. Но уже живут и работают в нем первые коммунары. Еврей на то и еврей, чтобы вопреки жизненным невзгодам приспособливаться к обстоятельствам и продолжать жить и растить детей. Говоря об отеческой любви к молодым коммунарам, Пинзур не кривит душой. Пример тому – его дружба с Ильей Блехерманом, продолжавшаяся многие годы, несмотря на разницу в возрасте.

Открытый, оптимистичный, со своей готовностью к работе и самопожертвованию, в коммуне Исроэль быстро находит свое место. Рукастый, неунывающий отец семейства включается в жизнь коммуны. И настолько успешно, что уже вскоре его награждают премией за ударный труд, о нем пишут очерки в газетах, его фотография красуется в центральном журнале.

По правде сказать, когда отец рассказывал об этом, я верила и не верила. Где Москва, а где затерянный в приамурских болотах Соцгородок. Мало ли что могло показаться ребенку, что-то не так понял, запомнил. Через много лет, вглядываясь в старое фото, я убедилась в правоте отца. На фотографии дед точно такой, каким описал его отец, – улыбающийся, с сетью на плече. Рыбак-ударник из коммуны «Икор», награж-

денный за свой труд. Позже я встречаю это фото в других изданиях, но, к моему огорчению, за другой подписью. Нахожу еще одно фото, о котором, наверное, даже отец не знал, снимок веселого рыбака из «Икора» из фотоочерка Л. Гершковича в журнале «Огонек» (№ 23, 1937 г.).

Автор пишет: *«У родителей веселого рыбака Израиля Пинзура из колхоза «Икор» было свое представление о рыбе. Они знали, что рыбу (и то не всякую) полагалось есть только по субботам, и она пожирала весь недельный бюджет семьи. Это было дорогое малодоступное беднякам удовольствие. В Биробиджане рыба, как говорят биробиджанцы, «стоит в очереди за рыбаком». Здесь изобилие крупной форели и сазанов, сладких и жирных, прилипающих к устам, как мед. Ее ловят переселенцы, выезжающие на рыбную ловлю на лодках с сетями и неводами, с фонарями и баграми».*

А позже уже из Америки мне присылают фотографию обложки журнала «Найлебн» за 1936 год, издававшегося ИКОРом на идише. И на всю обложку – изображение рыбака из «Икора».

Вглядываясь в эти фотографии и сравнивая лица, мы на семейном совете засомневались в том, что «веселый рыбак из Икора» – Исроэль: слишком молодой человек изображен на фото, чтобы быть отцом солидного семейства. Но в том, что это член семьи, нет сомнения: характерные и фигура, и черты лица. Неслож-

ные вычисления говорят о том, что старшему из сыновей, Косте, помогавшему отцу, в то время было около 16 лет, может, это он на снимке? Тем более что внук Константина Израилевича, Костя, в свои юные годы очень уж был похож на этого молодого рыбака.

Исроэль был знаком с рыбалкой еще в Белоруссии, но на Дальнем

Фото из журнала «Найлебн», издававшегося в Америке. 1936 г.

Востоке свои особенности. Поначалу он получил консультацию у местных рыбаков, наблюдал за поведением рыбы и постепенно стал самым главным знатоком рыбалки в округе. А сноровка и смекалка помогли своими руками сделать лодку и снасти. После выхода фильма «Искатели счастья» поселковые девчата распевали: «У Тунгуски у реки тянут сети Пензуры», – фильм-то про них, про их жизнь, как же могло быть иначе!

Несмотря на то, что Гирша-Григория (мама всегда звала его Эршл) привезли в Соцгородок совсем маленьким, цепкая детская память запечатлела многие детали коммунарского быта, лица и имена людей, сохранила рассказы отца. Читая воспоминания бывших икоровцев, рассказы о крошечном поселке, которых оказалась немало, я про себя отмечала, что очень многое в них мне знакомо.

Во времена коммуны железная дорога на Комсомольск только строилась, и все товары доставляли со станции Волочаевка-1, где находилась коммунарная база. Во время разлива – на своих плечах. У Моисея Гольдштейна об этом есть рассказ «Поход на Волочаевку»: *«Люди молча шли по грудь в воде и не замечали проливного дождя, который завесой прикрывал эту удивительную процессию. Долго еще взбаламученная река кидалась на берега. Дождь продолжался».*

Когда построили лодку, перевозчиком стал Исроэль Пинзур, ему помогали старшие сыновья. Перевозка косарей была также его обязанностью. Иногда возвращались домой затемно. Тогда в коммунарской столовой для них оставляли обед.

Илья Исаакович Блехерман вспоминал, как однажды, доставляя товары из Волочаевки, они вдвоем с хавером Пинзуром (хавер – товарищ, так обращались друг к другу коммунары) не успели вернуться домой

Веселый рыбак из «Икора». Фото из Харьковского альбома. Областной краеведческий музей ЕАО.

засветло. Побоявшись заблудиться в многочисленных протоках, остались ночевать в лодке, всю ночь не сомкнув глаз от речной прохлады и назойливого комарья. Утром, когда рассвело, увидели, что ночевали в полсотни метров от дома. Еще один забавный эпизод произошел, когда парторг Словин решил, что бригада рыбаков получает слишком много сметаны на обед. Он, ничего не понимая в рыбалке, решил проверить, так ли тяжело работают рыбаки. Находчивые парни разыграли парторга, дав ему непосильное задание и поставив Пинзура страховать незадачливого рыбака, чтобы невод не утянул его в реку. Вернувшись с рыбалки, Словин распорядился дать рыбакам усиленный паек. Так, сочетая трудности с шутками и смехом, строили коммунары свой город, свою жизнь.

Когда я читала воспоминания бывшего икоровца Самуила Герзона, то с замиранием сердца отмечала каждую знакомую фамилию, каждый штришок знакомого быта или описания поселка, реки и окрестностей. Вот Герзон пишет про рыбалку, это все знакомо, вот дает замечательный портрет коммунара Эйдлина, и про него мы слышали от отца, и про историю покушения на него. И про свирепого быка, которого боялась вся округа. А милая учительница Рохеле – возможно, эта та самая, которая подарила маленькому Гиршу тетрадь за правильно разгаданный ребус. Настоящую тетрадь! Он запомнил это на всю жизнь. И историю гибели Погребницкого, и фамилии Либерберга и других репрессированных руководителей области, и удивительную историю семьи Блехерман, и еще многое другое мы знали не из книг, а из рассказов отца...

В 1934 году коммуна распалась, все коммунары перебрались в Икор (нынешняя Камышовка). Но сено косили, как и прежде, на Пензуриных участках, и косари никогда не проходили мимо гостеприимного дома на берегу залива у подножия сопки, заходили на чай, на разговоры, угоститься самодельным табаком, который Пинзур выращивал и резал сам. Да что табак! На своем участке, сбегая южным склоном к реке, он умудрился сад с грушами и сливами развести, а на огороде не только овощи, но и огромные арбузы выращивать. Кому обувь починить, кому самодельную крупорушку одолжить, рыбой угостить или на рыбалке пособить, – даже спустя много лет старожилы вспоминали Исроэля Пин-

зура, его бескорыстность и отзывчивость. А мама всегда вспоминает беспросветную нищету этой семьи. Никогда и ни с кого за свою работу старый Исроэль не брал денег.

Заготовленное сено в стогах на полозьях зацепляли тросами и трактором перетаскивали через труднопроходимые низкие и влажные участки, доставляя на фермы «Икора». Возглавлял работы самый грамотный Шая Коваль. Таким, в рабочем комбинезоне, его и запомнил мой отец. А когда Шая еще и брал мальчика к себе на трактор, то восторгом не было предела. И, как сказку, слушали коммунары рассказ Абрама Коваль о его поездке в Москву к среднему сыну Жоржу, о том, какую диковинную технику, передающую изображение, он видел там.

Новая жизнь своим чередом, но и традиции помнить не грех. Зимними вечерами, свободными от работы, пересказывал иш-хахам Исроэль своим сыновьям на древнееврейском языке отрывки из Торы, а потом переводил их на идиш.

В 1935-1936 годах в Соцгородок начали приезжать еврейские семьи из Украины, Белоруссии и начался новый расцвет поселка. Но и он был недолгим. Начались репрессии, а затем война. Соцгородок вновь опустел. С началом войны старшего Костю отправляют на строительство военного завода сначала в Комсомольск, затем на заготовку мяса и рыбы в Анадырь, Бориса – на фронт, как оказалось, навсегда. Данные о том, что Борис пропал без вести 19 ноября 1941 года в битве за деревню Быково (Тульская область) я нашла только в 2016 году, уже после смерти отца.

А пока идет война. Младший Гриша оставляет 4 класс школы. Сначала помогает отцу рыбачить, а затем, как и все жители поселка, начинает работать на мебельной фабрике. Трое детей Исроэля Пинзура остались жить в Соцгородке, здесь обзавелись семьями, здесь работали и растили детей. И оставили по себе добрую память. Земляки знали, что Григорий Пензур умеет все и никому не отказывает в

Григорий Пензур с уловом. Фото из архива семьи Пензур. Примерно 1960 год.

помощи. Не имея практически никакого образования, мой отец был высококлассным столяром, отличным механиком, электриком, сапожником, рыбаком. Я даже не могу сказать, чего он не умел. Бывало, и инженеры приезжали к нему за советом, когда возникала какая-то неразрешимая проблема. Он всегда что-то изобретал, мастерил, и не только для семьи – для всей округи, для овощезаготовительного пункта, которым заведовал брат Константин, для совхоза, в котором полно друзей и знакомых, для соседней воинской части. Делал лодки, снасти, мебель, гнул полозья для саней и самодельные лыжи, паял, мог построить дом, разобрать и собрать любой мотор, отремонтировать обувь, а при необходимости сесть за швейную машину. И при этом всегда потихоньку напевал песни на идише...

Константин Израилевич Пензур с женой Марией. Фото из архива семьи Пензур.

Старый друг семьи И.И. Блехерман пытался перетянуть его в Биробиджан на завод, но все его старания были напрасны. Отец и слышать об этом не хотел. В его трудовой книжке три записи: «Принят в артель им. Чкалова – 12.02.1943, 1949–1952 – служба в рядах Советской Армии, 03.02.1992 уволен в связи с уходом на пенсию». На самом же деле еще лет пять после официальной записи в трудовой книжке он продолжал выполнять разные поручения на мебельной фабрике, следил за водозаборной колонкой в поселке.

А вот за помощью в решении трудных задач все поселковые ученики ходили к Константину Израилевичу. У него за плечами семилетка и техникум. Объяснит да еще и не выпустит, пока не убедится, что все хорошо поняли.

Но вопреки всему, не имеющий практически никакого образования Григорий черпал свои знания, откуда только мог, от корки до корки прочитывая все попадавшие ему в руки книги и журналы. Он, не особенно друживший с ручкой и бумагой, знал наизусть почти всего Лермонтова, открыл для нас Джека Лондона, я не говорю уже о дальневосточных пи-

сателях, которых он знал и любил. Даже законы Ома и другие основы физики, химии, биологии тоже были ему знакомы. При своей вечной занятости, трудностях сельского быта – огороды, покосы, заготовка дров и т.д., отец всегда находил время для нас. Походы на природу, летом на реку, в лес за грибами-ягодами, зимой на горку и каток, качели-карусели для соседской ребятни, игрушки-самоделки, не перечислишь всего. А главное мы смогли оценить позже.

Во всех этих развлечениях отец ненавязчиво учил нас наблюдать за природой и видеть и ценить ее красоту и целесообразность. Незаметно учил и работе, и дружбе, и доброму отношению к людям, всем человеческим ценностям. А потом уже и наши дети на все каникулы и выходные дни переселялись в Соцгородок, в его теплую атмосферу коммуны, которая не исчезла. Уж что-что, а выручка и взаимопомощь всегда были свойственны соцгородовцам. Так уж повелось: и работа, и веселье все было вместе. До сих пор не прерывается связь с разъехавшимися по городам и странам земляками.

Мне казалось, что коммунарский дух ушел навсегда вместе с последними еврейскими семьями Соцгородка, но теперь, когда я вижу, как помогают мне внуки и правнуки коммунаров в моих поисках, понимаю, что вовсе нет. Те первые строители новой жизни и ЕАО, героические, отважные, пусть и немного наивные, передали его своим детям, внукам. Неважно, где живут они сейчас, важно, что хранят они в своем сердце добро и щедро делятся им.

В этом рассказе мне совсем не хочется ставить точку. Очень горько, когда уходят родные люди. Но уже сравнялись по возрасту с Исроэлем тогдашним его правнуки, такие же мастеровые и отзывчивые, как и прадед (в иврите для прадеда есть очень красивое слово саба-раба, буквально – большой дед). Уже в голове моего внука постоянно рождаются

Туня и Григорий Пензур. Фото из семейного архива.

и живут какие-то необычные идеи, которые он тут же своими руками спешит воплотить. Как и прадед Григорий.

А на плите на могиле моего отца два имени: одно, под которым он жил, – Григорий, второе, данное ему при рождении, Цви-Гирш бен Исрозль.

Человек жив, пока его помнят. А в том, что Пензура не забыли в поселке, я убедилась, побывав в Соцгородке. Знакомые и даже незнакомые люди останавливали меня, чтобы сказать добрые слова об отце. Я очень тронута и признательна им за это.

ПОЛНЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ НЕВОД

Отрывок из книги Г. Блоштейна «Биробиджанские зарисовки».

За обедом в палатке рыболовной бригады колхоза «Икор». Над нами конусообразная сопка, покрытая густым лесом, с вершиной, купающейся в ярком солнечном золоте начала августа. Рядом рукав реки Тунауски, загороженный в узком месте заездкой – загородкой, обтянутой сетями. Водяная поверхность гладка. Лишь время от времени зарыбит рыба. Мелькнет в воздухе серебром и опять погрузится вглубь.

Наш обед – густой борщ из капусты, помидоров и картошки. В колхозе «Икор», как и во всем Биробиджане, нынче большой урожай помидоров. На второе – сазан, жаренный в собственном жиру.

Товарищ Пинзур, старейший в бригаде, философствует:

– Кета не плоха, щука тоже неплохая рыба. Но сазан – всем рыбам рыба. У него жиру больше, чем мяса; к тому же он имеет обыкновение плодиться, как некогда мы в маленьких городах. Ну, скажите сами, товарищ писатель, можно ли голодать в Биробиджане? Река просится. Хочешь щуку – вот те щука. Хочешь сазана – приходи и бери. Спустя несколько месяцев я предложу тебе кету. Сам не будешь знать, какой рукой ее брать. Готовь только тару и соль.

На реке взвизгивает большая рыба. Товарищ Пинзур напряженно повертывает голову к реке. В солнечном сиянии на его голове блестят куски серебра, как чешуя рыбы на реке.

– Это щука, – говорит Пинзур. – Я узнаю по высоте прыжка. У меня в книге записано, как высоко прыгает каждая рыба. Вообще это очень интересно, когда есть время, сидеть на берегу и изучать, как высоко они прыгают.

– Это не только интересно, – прибавляет Блехерман, бригадир рыболовной бригады, молодой широкогрудый аргентинский переселенец, – не только интересно, но и необходимо для того, чтобы знать, как высоко делать загородку. Товарищ Пинзур – большой знаток рыбьего балета...

– Вероятно, старый рыбак еще из дому?

– Нет, мой друг, в Дубровне, в Белоруссии, я не ловил рыбы. Там я помогал ловить простаков в религиозные сети. Я ткал талейсим в некогда знаменитой Дубровинской мануфактурной фабрике. Рыбаком я стал лишь здесь, с этими вашими парнями – с аргентинцами, с Блехерманом, Литевским, Капланом. Они меня втянули в эту работу, они меня подучили.

– Теперь он уже знает дело лучше нас, – перебивает его высокий мускулистый Литевский.

Минуту спустя я уже знаю, что Пинзур не только ткал талейсим, но в годы НЭПа ухитрился уже иметь сапожную мастерскую и поторговывать на базаре. И даже знать самогон.

Премированный ударник рыбной ловли Пинзур рассказывает о своем прошлом с грустной улыбкой:

– Теперь я вижу, что ошибался значительную часть своей жизни. Что-то мне первое время советская власть не шла в голову. Теперь я знаю, что это моя власть.

Три года назад Пинзур прибыл в Биробиджан. Как тру-

дящийся переселенец, он получил избирательное право. И оправдал себя на все сто процентов. Коммунист Литевский и кандидат партии Блехерман не могут нахвалиться охотой и редкой преданностью к труду Пинзура, его изобретательностью в рыбной ловле.

— Должен вам сказать правду, — говорит Пинзур, — видите вот эту компанию? Вначале я смотрел на нее, как на мальчишек. Но эти парни так со мною сблизилась, как дети с матерью, и я их искренне полюбил.

— И мы его тоже.

Пинзур очень доволен своей теперешней жизнью. Всем сердцем полюбил он честную трудовую жизнь.

Рыболовецкая бригада И. Блехермана. Иллюстрация из журнала «Трибуна».

— Эх, — вдруг говорит он мне, — если бы мои дубровинские могли видеть, как Пинзур едет на самодельной лодочке, тащит рыбу им самим изготовленной сетью и снабжает каждый день колхоз своей рыбой!

Но Пинзур имеет и свои огорчения. Мало оборудования. На самые пустые мелочи приходится ухлопывать целые дни, ездить

за ними в Хабаровск.

— Вот видите, — тычет он мне кусочек коры, который привязывают к краю невода. — Это кора бархатного дерева. До недавнего времени мы это получали с большим трудом и за большие деньги. Как-то раз иду по сопке и нахожу целый лес деревьев с этой корой.

Парни рассказывают, что Пинзур, открыв бархатную кору на сопке, засучил брюки и пустился в пляс.

Под вечер на широкой улице собрание. В воздухе загораются летающие светлячки. В близком поле красное пламя костра возле палатки бригады косарей. После моего доклада выступает секретарь партийной ячейки Словин. Он рассказывает о достижениях и трудностях. В середине его речи я замечаю — поднимаются и уходят Пинзур, Блехерман, Литевский, Каплан.

Я останавливаю компанию:

— Куда? Посидим еще.

Говорит Пинзур:

— Вы слышали, что сказал в своей речи товарищ Словин? «Завтра-послезавтра, — сказал он, — мы снова будем иметь свежую рыбу для детских ясель». Надо позаботиться, чтобы он не оказался лагуном. И так-таки не послезавтра, а завтра. Ночью ловится всегда хорошо».

Поздняя ночь. Мне не спится. На сердце как-то чудно. С закрытыми глазами я все вижу, как Пинзур стоит по колено в воде и тянет полную тяжелую сеть. А в сети его новая, перестроенная жизнь, здоровая и полная.

Позже я нашла информацию о том, что поэт Блоштейн приехал в Биробиджан в 1932 году из Аргентины, а в «Трибуне» №9 за 1933 год прочитала его публикацию, в которой среди прочего говорилось: «Колхоз «Икор» является единственным местом, где почти каждый день подается к столу превосходная свежая рыба. И это потому, что он имеет свою рыболовную бригаду».

Литевский

С главными героями очерка Блоштейна Ильей Блехерманом и Исроэлем Пинзуром мы уже знакомы. Имя Аарона Литевского, одного из первых икоровцев, также не раз встречалось на этих страницах в воспоминаниях С. Герзона, семьи Блехерман. Биробиджанцы помогли мне отыскать его дочь Люсю, живущую в Нацрат-Элите.

Аарон Абрамович родился в г. Плоцке, в Польше, в семье раввина.

У матери было небольшое собственное дело – пекарня. Дети же увлеклись идеями социализма. Аарон был активным участником молодежного движения. Одна из его сестер уехала в Америку, вышла там замуж. Аарон планировал переехать к ней, но по неизвестной причине планы изменились, и он эмигрировал в Аргентину. Оттуда в 1931 году приехал в Соцгородок. За ударную работу не раз награждался, его имя упоминается в «Трибуне» (№ 12(169), с.3, 15 декабря 1933 года): *«6 ноября 1933 года в Москву приехала интернациональная делегация ударников из Биробиджана в составе 24 человек, премированных экскурсией в Москву и крупнейшие центры СССР. В составе делегации – рабочие промышленных предприятий, железнодорожного транспорта, совхозов, колхозов и промартелей, а также культработники, красноармейцы и др. Среди них 15 переселенцев-евреев, в том числе 9 переселившихся в Биробиджан из капиталистических стран (Аргентины, Франции, Бельгии, Германии и Польши), 5 русских рабочих и колхозников, украинец, кореец, гольд и тунгус».*

Один из членов делегации – ударник Литевский.

«Среди группы передовиков переселенец из Аргентины, первостроитель коммуны «Икор-Соцгородок» Аарон Литевский. В коммуне он всего два года, но его имя уже мелькает на страницах газет, он «трижды премирован за лучшие показатели работы: на стройке, на сенокосе, а теперь на рыбной ловле».

Биробиджанцы посетили в Москве ряд музеев, Центральный дом Красной Армии, зоопарк, театры. Но основной целью приезда все же были не экскурсии и развлечения, а задачи идеологические и пропагандистские. Поэтому программа пребывания в столице была очень насыщенной. Делегация приняла участие в октябрьской демонстрации. Было много встреч на заводах и фабриках Москвы. ОЗЕТ и редакция газеты «Дер Эмес» организовали интернациональный вечер встречи московских рабочих с ударниками Биробиджана и крымских переселенческих колхозов. Гостей принимало руководство КОМЗЕТА, они были приглашены на встречу с советскими еврейскими писателями и артистами, ко-

торая состоялась в помещении еврейского театрального техникума. С большой речью к собравшимся обратился заслуженный артист Михозлс. 14 ноября члены делегации были приняты Калинин, Крупской, Эпштейном (наркомпрос), секретарем редакции «Правда». Все эти встречи сопровождались обстоятельными беседами о состоянии дел в Биробиджане, его нуждах и задачах.

Л.А. Литевская поделилась документами из семейного архива. Среди них фотографии ее отца в Аргентине, с друзьями в «Икоре», с экскурсантами в Москве в приемной Н. К. Крупской.

Вся жизнь А. Литевского оказалась связанной с ЕАО. После окончания сельскохозяйственного техникума в Амурске он работал в Бирофельде, где женился на учительнице еврейского языка Чарне Данилович. Чарна Исаковна приехала на Дальний Восток после окончания Смоленского еврейского педтехникума и Одесского пединститута. В предвоенные годы молодая пара переехала на жительство в Биробиджан. Аарон работал на обзном заводе, его жена заведовала еврейским фондом областной библиотеки, преподавала еврейский язык в школе №2, а позже была библиотекарем школы №10.

В Биробиджане семья постоянно поддерживала связь с бывшими икоровцами – семьей Пищиц, семьей Герзон-Браверман, Блехерманом. В хрущевские времена, когда полякам был разрешен выезд в Польшу, Аарон с дочерью навещал сестру, жившую в Варшаве, проездом в Москве останавливался у Ж. Коваля, встречался с жившими в Москве коммунарами. Друзья молодости звали его вернуться в Польшу на постоянное жительство, но он отказался. Умер в 1972 году в Биробиджане. Люся Ароновна показала мне вырезку из польской газеты с некрологом, опубликованным его соратниками по молодежному движению, хранившими память о нем все эти долгие годы.

Делегация из Биробиджана в приемной у Н.К. Крупской. Фото из архива Л.А. Литевской. Аарон Литевский второй справа.

Семейная история

Рассказав о семье моего отца, я не могу не вспомнить и семью мамы, переселившуюся в Соцгородок с Украины.

Начну с потрясшей меня истории бабушки Мани, Малки Бондарь (урожденной Мурило). Семейная легенда утверждает, что наши корни идут от испанских евреев, из города Мурильо. В то же время есть версия менее романтическая: фамилия обычна для украинского населения района, в котором проживала семья. Никто сейчас не может сказать это точно.

Ольтер и Сурка Снитивкер. Фото из архива семьи Садецких-Мурило.

Слишком малы были Молка (Маня) 1906 г.р., Абрам 1908 г.р., Шейндл (Женя) 1913 г.р., и совсем маленький Муся, когда оказались в приюте. Их родители с четырьмя старшими детьми были убиты петлюровцами при погроме.

Младшие скорей всего погибли бы, если бы не Сурка, сестра отца. Она и ее муж Ольтер Снитивкер забрали четверых сирот из приюта, да еще четверых таких же бедолаг, но родных со стороны мужа. Восьмерых детей поставили на ноги, да еще и соседям умудрялись помогать. За доброту и милосердие в Лучинцах, где они жили, Сурку прозвали Пипиха. Спасший одну душу спасает целый мир, а они спасли восьмерых. Благословенна их память! Даже имен бабушкиных родителей мы не знаем точно, предположительно, Фейга и Мойше. Они и есть родоначальники нашего рода.

Известно про них очень мало. Жили в одном из сел Винницкой области, семья бедная. Восемь детей, ни своей земли, ни жилья не было, поэтому снимали дом там, где дешевле. Глава семьи был столяром-краснодеревщиком, вся мебель в доме сестры была сделана его руками. Мебель добротная, красивая, резная, намного пережившая своего мастера.

На стене в доме моей бабушки всегда висел портрет тети Сурки, заменившей детям мать и вложившей в них свою душу. Всем дали образование. Маня и Женя учились в местной школе-семилетке, Муся окончил школу и техникум, все дети прекрасно говорили, писали и читали на идише и русском, говорили практически без акцента.

Во время войны Ольтер и Сурка оставались в Лучинцах. Городок обнесли колючей проволокой и превратили в гетто. В доме у них поселились румыны, а сами они ютились в уличном погребе. Румыны не так зверствовали, как немцы, посчастливилось пережить оккупацию. Спасло еще и то, что в погребе хранились большие запасы продуктов. Ольтер умер в 1948-м, а Сурка в 1964 г. Похоронены там же в Лучинцах, на еврейском кладбище.

Бабушка Маня избежала гетто, потому что в 1939 году с тремя малыми детьми вслед за мужем Шмилем Исааковичем Бондарем, уехавшим в 1936 году, переехала на Дальний Восток. Несколько дней в Биробиджане, а затем – «Икор-Соцгородок», куда он направлен заведующим производством на мебельную фабрику. Семье сначала дали комнату в двухэтажном бараке-общежитии, а затем и квартиру в одном из недавно построенных каменных домов. Вся мебель в доме была сделана руками Шмиля. У Мани была швейная машина, она неплохо шила, одевая своих детей и себя, так справлялись с проблемами. В 1940 году в семье родилась еще одна дочь.

А дальше начинаются вопросы. В руках у меня фото 1939 года. На нем запечатлены дед с другом во время учебы на курсах по механической деревообработке в Семеновском техникуме. На обороте надпись: «На память от Передникова И.С., с которым вместе учились и осваивали Дальний Восток». Молодые, красивые, образованные. Вся жизнь впереди. Я попыталась выяснить судьбу дедушкиного друга – и очередное потрясение! Всезнающий Интернет выдал вот эту информацию: *«Передников Исаак Самойлович 1915 г.р. Место рождения – Украина, г. Первомайск Николаевской области. Один из первых стахановцев нашей области, работал в артели им. Димитрова фрезеровщиком, выполнял норму на 530%. В 1941 призван на фронт, п/п 32154. В 1942 году пропал*

без вести. Радист. Жена Козодой Броня Моисеевна. В Биробиджане проживал по адресу ул. Калинина, 39. Член ВКП(б) с 1938 года».

Его имя часто мелькало на страницах газет той поры. Например, в «Трибуне» № 4 за 1936 г. читаем: *«Стахановец Передников – комсомолец, переселившийся в 1932 году одиночкой, 16-летним подростком, раньше выполнял свою норму на 200 проц., а теперь дает 350-400 проц.»*.

Может, его дети, внуки до сих пор живут в Биробиджане и кому-то дорого это фото?

Шмиль Бондарь (справа) с Исааком Передниковым. Фото из архива семьи Бондарь.

Через три года деда не стало. В 1941 году практически все мужчины ушли на фронт. Как я уже рассказывала, Шмиль из-за проблем со слухом не воевал, а в 1942 г. был призван военкоматом на строительство военного завода в Комсомольск-на-Амуре. Там он погиб от рук бандитов, убивших его из-за хлебных карточек. Так как Шмиль погиб не на фронте, помощи от государства она не получала. Работала почтальоном, затем до самой пенсии на мебельной фабрике, растила четверых детей одна.

При всем этом она умудрялась помогать соседям, посылала пожертвования в синагогу. Это милосердие, самопожертвование осталось с ней навсегда. Уже на нашей памяти в доме часто бывали гости, друзья, друзья друзей. Жили неделями и месяцами. Как только готовилось что-то вкусное, обязательно

но посылалось соседям, урожаем делились с городскими знакомыми. Обязательной считалась помощь одинокой старушке Колтун, как продуктами, так и работой на ее огороде. Рядом с поселком была военная часть, и бабушка с пакетом пирогов у калитки частенько поджидала солдат, чтобы угостить их домашней снедью.

Поиски привели меня к встречам (сначала виртуальным, потом и реальным) с моими родственниками, дальними и не очень, с которыми я ранее не общалась, но всегда знала об их существовании. И вот мы немалой российско-израильской компанией потомков нашего прадеда Ицика Бондаря в Иерусалиме, в гостях у патриарха, самого старейшего в нашей семье Зейлика (Захара) Мойшевича Бондаря. Ему накануне исполнилось 90 лет, но у него живой взгляд умных глаз и ясная память. И уже наши внуки, раскрыв рты, слушают рассказ о его родном местечке Озаринцы, о многочисленной родне из той же Винницкой области, рассматривают книгу «Местечко, которого нет» Бориса Хандроса, об истории штетла и его жителях, с дарственной надписью автора. Озаринцы раскинулись на реке Немия в горной местности в 10 километрах на север от Могилева-Подольского. Год первого упоминания 1431-й. В селе были и костел, и церковь, и синагога. В XVIII в. из примерно 5 тысяч общего населения там жило 753 еврея, у которых в руках были почти все ремесла.

Там жил и был похоронен самый старый из известных нам предков – Ицик (Айзек, Исаак) Гершевич Бондарь (1860–1934). Как писалась фамилия изначально, неизвестно. Встречается и Бондер, и Бондар. Ицик «дер вассерфирер» (водовоз) был сам себе и водовозом, и клячей. То есть сам впрягался в бочку и развозил по местечку воду. Когда он, наконец, обзавелся лошадкой, не было в Озаринцах более счастливого человека. Водовоз стоял на одной из самых низких ступеней местечковой иерархии, он не был родовитым (фун дем ихес), а был обыкновенным тружеником, который обеспечивал водой из рынвы все местечко, получая за это плату раз в неделю. Полкопейки за 2 ведра. И лишь позже он смог

М.М. Бондарь с детьми. Фото из архива семьи Бондарь.

встать на ноги, построить дом и обеспечить жизнь семьи. Но в местечке его иначе как ребе Ицик не называли. В синагоге ему всегда было обеспечено почетное место возле раввина. Он знал наизусть все разделы Торы и Талмуда, хорошо читал и писал на русском, долгое время служил в царской армии, в драгунском полку, участвовал в русско-японской войне и общался с самыми уважаемыми людьми в местечке.

Двухэтажное здание синагоги в местечке было построено в XVIII веке. В 1919 г. атаман Петлюра у стен костела призывал жителей бороться за независимую Украину. Затем в городе на митинге выступал разгромивший его Щорс. В 1929 г. началась коллективизация, а в 1931 в местечке вспыхнул антиколхозный бунт. Многие сельчане были высланы в Сибирь. В голодомор погибла почти половина жителей села. В 1937-м не обошли стороной репрессии. А в годы войны там было гетто для евреев Бессарабии и Буковины. Мы впервые слышим о гетто в Озаринцах, через которое прошли наши родные.

26 июля 1941 года в местечко вошли румыны, которые в первый день на базарной площади порезали 28 человек. Румыны не расстреливали, они рубили людей на куски, выкалывали глаза. В тот день Зейлик успел спрятать беспомощного слепого отца в какой-то укромный закуток на чердаке, получившийся при постройке дома, уцелели оба. Оставшихся в живых евреев согнали за колючую проволоку. Начались мучительные дни в гетто. Людей практически не кормили, иногда смельчакам удавалось выбраться в село и раздобыть немного еды, но и в селе еврейские дома были разграблены, из них была вынесена не то что еда, но и вся домашняя утварь. Однако были и такие односельчане, которые вопреки запретам властей пытались помочь соседям.

Из гетто гоняли на работу, на добычу торфа, в Тульчинский лагерь. Изможденные, голодные люди работали по пояс в воде, а румын-жандарм бил их по голове, по рукам. Улучив момент, Зейлик еще с двумя узниками сбежал. Одного из них убили, а второго он потерял во время скитаний. В итоге румыны поймали мальчишку и отправили в концлагерь Печора.

Концлагерь в селе Печора был создан 1 декабря 1941 года. Умерщвляли в нем не газом, а голодом. И какая из этих смертей милосерднее –

неизвестно. От отчаяния некоторые пытались бежать: уж лучше скорая смерть от пули, чем долгая и мучительная с голодухи. Лагерь находился в румынской зоне оккупации, на территории так называемой Транснистрии. Тульчинское и другие окрестные гетто по сравнению с Печерой казались заключенным земным раем. Сотни евреев умирали от голода, холода и тифа. Заместитель коменданта лагеря, румын по кличке Лев, ходил с плеткой и собакой, которую мог спустить в любой момент, чтобы она разорвала в клочья свою жертву. Евреи любым путем пытались выбраться из лагеря, но кто попадал в руки полицаям, избитый до полусмерти, умирал от побоев. Полуживых – кожа да кости – людей выбрасывали в сарай, а потом подъезжали сани и на них, как дрова, грузили окоченевшие тела.

Однажды Зейлик попал в такую похоронную команду. Покойников сбрасывали в танковый ров за пределами лагеря. Похоронную команду сопровождали два полицая. Улучив момент, когда они отвлеклись на еду, подросток сбежал и спрятался в траву, от слабости уйти далеко не смог, здесь же, неподалеку забился в какой-то кустарник и уснул. На рассвете его разбудил шум стада, он вылез из укрытия и попытался заговорить с местными жителями, но они обругали его и пригрозили сдать в полицию. Снова бежал и бродил по незнакомой местности пока не наткнулся на советских разведчиков. Те взяли его с собой, через сутки вышли к штабу, где его допросили. Беглец был так слаб и истощен, что поверили, что он не вражеский лазутчик, а бежавший из лагеря заключенный. Так он начал свой военный путь.

Первое ранение получил еще до принятия присяги. Автоматной очередью его прошило в области живота. По счастью, пули не задела жизненно важные органы, поэтому ранение было квалифицировано как легкое. Со Вторым Украинским фронтом уже красноармеец Бондарь дошел до Венгрии. Был тяжело ранен в голову и отправлен в тыловую госпиталь в Тбилиси. В результате этого ранения он ослеп на один глаз, частично оглох на одно ухо и был признан годным к нестроевой службе. На деле это означало – сапер Третьего Белорусского фронта. Задачей саперной роты было идти впереди армии и готовить переправы, мосты. Добровольцем ушел на передовую. Воевал в Восточной Пруссии. В апреле,

в самом конце войны, Зейлик получил еще одно ранение, легкое, после нескольких недель военно-полевого госпиталя вернулся в строй. Войну окончил в Кенигсберге, там и в Пилау боевые действия продолжались еще в июне. А потом началась Японская война и бойцов перебросили на Дальний Восток.

Правда, здесь повезло чуть больше, уже под Читой узнали, что война закончилась. Но состав следовал дальше, до ст. Волочаевка. Здесь их выгрузили и расформировали. Потом был Благовещенск, где грамотных, а Зейлик со своими 7-ю классами считался таковым, отобрали в военные училища. Но после всего выпавшего на его долю он был так

Захар (Зейлик) Мойшевич Бондарь. Фото из семейного архива.

слаб физически, что по состоянию здоровья из училища был отчислен и отправлен на строительство железной дороги в район Красноярска. Для работы с тачкой он оказался пригоден. Позже он был зачислен на курсы паровозников. Работал сначала кочегаром, потом помощником машиниста на паровозе ОВ («овечка»), затем после полутора лет курсов машинистов работал машинистом на перегоне Сковородино – Ерофей Павлович. Заболел малярией, и его перевели на работу в депо, механиком. То работал, то отлеживался от сильнейших приступов. Врачи велели поменять климат. Только тогда его комиссовали и освободили от службы. За этим последовал переезд и высокая должность в Калуге...

Когда ветеран достал парадный костюм для торжественной семейной фотографии, открылись рты не только у младшего поколения – столько мы увидели наград. А мой сын прикрепляет к пиджаку

Захара (Зейлика) Мойшевича только что присланную из Белоруссии медаль за освобождение страны. Мы рассматриваем удостоверение на орден Красной Звезды и бережно берем в руки справки о ранениях, рассыпающиеся от старости. И расспрашиваем, расспрашиваем, пока мой внук шепотом не упрекает отца, что мы совсем замучили деда. А я еще

раз благодарю судьбу за то, что успели, хоть и поздно, услышать, спросить, познакомить детей и внуков с самой Историей.

А потом до поздней ночи сидим на кухне с моим троюродным братом и делимся крупицами воспоминаний и знаний о своих дедах. Он загорается мыслью побывать в Озаринцах, где еще сохранилось старое еврейское кладбище, на могиле прадеда. И добраться до Майами, где живут потомки старшего из его детей, Бена, уехавшего в Америку еще в 1917 году. И с Дальним Востоком нас так многое связывает. А я точно знаю, что и в Израиль он еще вернется, потому что здесь обосновалась большая часть семьи...

Через некоторое время моя внучка, выполняя школьное задание после посещения музея «Лохамей гетаот» («Воины гетто»), рассказывает о Зейлике, о нашей семье. И это греет мне душу. Значит, не напрасны все мои поиски. Значит, дети будут помнить своих предков и гордиться ими.

А еще благодаря этим поискам у нас теперь есть два очень дорогих «трофея». Это снимки двух близких и дорогих мне людей, которых я никогда не видела раньше даже на фотографиях: моего деда Исроэля Пензура, одного из основателей Соцгородка, и моего прадеда Ицика Бондаря.

Казалось бы, то, что я рассказала, – история сугубо семейная. Но... Вот это «но» все время не дает мне покоя. Почему мы не расспрашивали своих родных, почему они сами нам не рассказывали о своей жизни? Виденное и пережитое, вынесенное на их плечах не должно уйти вместе со старшим поколением. Внуки не должны повторять, как я сейчас: «Ну почему нам об этом не рассказывали?!»

Соседи

В воспоминаниях Герзона встречаются фамилии не только икоровцев. Упоминает он, например, Костяля Григория Васильевича, участника волочаевских событий, основателя села Даниловка, одного из создателей и рачительного хозяина артели «Новая жизнь», которую впоследствии преобразовали в колхоз «Тихоокеанский Октябрь».

Григорий Костял был его бессменным председателем в течении 19 лет. Под его руководством колхоз в 1939 году стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, а сам председатель получил Большую золотую медаль ВДНХ. Оба его сына воевали. История Даниловки

неотрывна от истории этой семьи, которая заслуживает отдельного рассказа.

Бывшие икоровцы на склоне своих лет с большим теплом вспоминали семью Костял, степеньность, порядочность, доброту, отзывчивость и самого председателя, и его отца, сначала жившего на заимке и пасшего коров, потом перебравшегося в небольшой домик в селе. Помимо всего прочего старший Костял снабжал жителей села искусными изделиями из бересты собственного изготовления. Даже небольшая оморочка у него тоже была плетеная. Говорили о том, что семья перебралась на Дальний Восток из Финляндии.

Тяжелые условия жизни, пройденные испытания сплотили жителей соседних Даниловки, Волочаевки, Камышовки, Соцгородка и др. Жители соседних поселений вместе работали, дружили, создавали семьи, учили детей. Со временем перемеша-

лись национальности и места проживания, сейчас, разбираясь в хитросплетениях имен и судеб, даже не всегда можно с точностью определить в какое место первоначально приехали переселенцы. Нельзя сказать, что всегда все было гладко, что вовсе не было антисемитизма. Было время, когда в отношения между колхозниками «Икора» и Даниловки пришлось вмешаться бюро ДКК ВЛКСМ. Какой-то промежуток времени Даниловка, Соцгородок и «Икор» составляли единую коммуны. Собрания проводились по очереди во всех населенных пунктах, а памятное собрание, когда Даниловка отделилась от коммуны, проводили именно там – только в Даниловке был большой клуб. Были и откровенно антисемитские речи, особенно со стороны «выселенцев», как называли раскулаченных, высланных насильно казаков. Были противники распада коммуны, осуждавшие антисемитов.

И.И. Блехерман рассказывал: «Встал такой молоденький паренек из Белоруссии – Емельянцев, назвал его погромщиком и такую отповедь этому антисемиту дал, никто от него и не ожидал». В итоге Даниловка вернулась к самостоятельной жизни.

Но все же, все же...

Приспособиться к местным условиям переселенцам помогали жители соседних сел, они же учили ловить рыбу, растить урожай. Иностранцы помогали соседям инструментами, техникой, своими умелыми руками и знаниями. Семьи старожилов окрестных сел дружили и поддерживали друг друга, примеров тому великое множество, ну хотя бы история Элизабет Беккер, удочеренной украинской семьей.

Абрам Коваль, например, вспоминал о том, что без помощи местных жителей переселенцы бы не выжили. Подтверждение добрых дружеских отношений и взаимопомощи между старожилами я видела и в своей семье. Старожилы Даниловки учили деда особенностям рыбалки на Тунгуске, бабушку – выращивать овощи, ухаживать за садом, да и первыми отростками и саженцами для него тоже поделились они. Мама до сих пор с благодарностью вспоминает, что, когда она помогала бабушке разносить почту, жительница села Даниловка Анна Ничук, сочувствуя голодному и замерзшему подростку, обязательно заводила ее в дом и кормила. Понимала, что у вдовы с четырьмя детьми нет не только лиш-

Вручение переходящего Красного Знамени колхозу «Дальневосточный колхозник» Смидовичского района – победителю соцсоревнования. В центре – председатель колхоза Г. Костял. Село Даниловка.

Фонд фотодокументов Гос. обл. архива ЕАО, № хранения 402. Фото Косвинцева.

него, но и еды на всех не хватает. Такие, на первый взгляд, мелочи не забываются, в добрых отношениях со всей округой родители остались на всю жизнь.

Тяжелые испытания, которые пришлось перенести дальневосточникам, как лакмусовая бумажка показывали людскую суть. Отсеяли всю гниль и оставили людей сильных духом, хозяев земли, остающихся порядочными в любой ситуации, при любых испытаниях. Я уверена в том, что мои бывшие земляки, независимо от их нынешнего места проживания, совершенно особый народ.

Как подтверждение этому я с удовольствием привожу в пример эпизод, случившийся в Израиле. В одной из поездок мы выбрали на дороге солдата, добравшегося домой с военной базы. Первое, что он спросил, повозившись, пристраивая на заднем сиденье огромный дорожный рюкзак и автомат, не из Биробиджана ли мы. И пояснил в ответ на мое удивление, что, сколько бы он ни добирался на попутках, все останавливающиеся на дороге были биробиджанцы. Какой гордостью я прониклась за своих земляков! Да, это совершенно особые в своей открытости и сердечности люди.

И в благодарность им за помощь и дружбу рассказ об еще одной семье с очень типичной для того времени судьбой, но семье не совсем икоровской. Основан он на воспоминаниях, бережно хранимых большой семьей старожилов Даниловки, известной всей округе.

История наша начинается в 1912 году на балу в Николаеве, который устраивало офицерское собрание и куда были приглашены девушки, сестры милосердия. Среди них выпускница курсов, семнадцатилетняя донская казачка Варенька Воронова, единственная и горячо любимая дочь мастера по женским нарядам, одевающего по последним парижским фасонам всех знатных дам города. Там, на первом в своей жизни настоящем балу, она познакомилась с военным ветеринарным врачом Михаилом Ефимовичем. Этой встрече суждено было изменить всю жизнь юной Вареньки. Двадцатисемилетний Михаил Тлустенко уехал с воинской частью к месту назначения на Дальний Восток не один, а увез с собой молодую очаровательную жену Варвару Георгиевну. Казачий конный полк, в котором служил Михаил Ефимович, стоял на одноименной

Казачьей горе в Хабаровске, Варенька работала в госпитале сестрой милосердия. В молодой семье, жившей в любви и согласии, не замедлили появиться на свет дети. Первенец Женя родился в 1914 году, через три года – еще один сын, Георгий.

С революцией устоявшаяся и достаточно спокойная жизнь семьи закончилась. В сентябре 1918 года город перешел в руки отряда белогвардейского атамана, недоброй памяти, Ивана Калмыкова, объединившегося с чешскими частями и поддерживаемого 12-ой японской дивизией. В январе того же года казаки сотни пытались поднять восстание против Калмыкова, но оно было жестоко подавлено. В феврале 1920 года под давлением красных Калмыков бежал из России, прихватив из Хабаровского отделения сбербанка 28 пудов золота и тайно передав его японцам, да еще попутно расстрелял несколько десятков неблагонадежных, с его точки зрения, казаков.

К осени из города выдавили японцев, ранее заявлявших о нейтралитете. На самом же деле интервенты чувствовали себя хозяевами в городе. Вольготно расположившись, они начали устанавливать свои порядки. В один из таких дней японские солдаты в поисках партизан с обыском пришли и в дом на улице Льва Толстого, где проживала молодая семья Тлустенко. Штыками вспороли все подушки, перины, перевернули все вверх дном, забрали ценные вещи, подаренные на свадьбу, всю домашнюю утварь. Но больше всего сокрушался Михаил Ефимович о том, что с вещами прихватили портрет его любимой Вареньки, написанный художником сразу после свадьбы.

Но если потерю вещей можно пережить, как пережить страх за своих близких, беспомощный вопрошающий взгляд жены и испуганный плач малышей? Той же ночью по льду через Амур семья ушла в Николаевку. Там и обосновались, по соседству с семьей Наволочкиных, с которыми установились добрые, душевные отношения. И не только с ними, а и с другими жителями поселка, которые и праздники справляли вместе, и на помощь соседям приходили так же дружно. Ну а без заработка семья, в которой в 1921 году родился Петр, а в 1926-м, после троих мальчишек, появилась малышка Олечка, не осталась, – ветеринарный врач в сельской местности всегда востребован.

Вероятно, еще нужней он оказался в Даниловке. Официальной датой рождения этого села считается 1910 год, но семья Григория Костяла облюбовала эти места еще раньше, обрабатывала землю, ловила рыбу, тем и жила. После окончания Гражданской войны в 1924 г. жители Даниловки решили объединиться в артель, получившую громкое название «Новая жизнь». Все их богатство состояло из 14 домов, около 40 га земли, 5 коров и 8 лошадей. В этом же году на общем сходе решили, что подрастающим детям нужна школа. Решили и сделали. Крохотную, всего на 4 класса, в которых училось 18 человек, но открыли. Первым учителем школы был Шакурский Иван Мефодьевич, кормили учителя по очереди в каждой семье.

В это село 1928 году был направлен на работу ветеринар Тлустенко. Вновь срываться с насиженного места и терять хороших друзей-соседей очень не хотелось, но согласия никто не спрашивал, приказ поступил, и нужно было переезжать. Семья еще не знала, что в Даниловке им предстоит осесть навсегда. Еще несколько лет опустевшее жилище в Николаевке ожидало своих хозяев, дом долго не заселяли, никому не отдавали, надеясь, что Тлустенко вернется.

Колхоз в Даниловке тогда уже был сравнительно крепкий, около 25 дворов, прибавилось скота – лошадей, коров, овец, свиней в общем хозяйстве, и в каждом личном подворье была обязательно корова, поросенок, куры. Но в целом время было тяжелое, голодное, семьи большие. Выручало подворье. Кроме того, на зиму заготавливали рыбу, кету солили бочками. Картошка и рыба – основное питание. Своим хозяйством постепенно обзавелась и семья Тлустенко. Забота о доме, детях, огороде, домашнем скоте легла в основном на Варвару Георгиевну. Забота немалая. Сами пекли хлеб, свое было молоко, мясо, яйца. Выращенные своими руками овощи и картофель нужно было убрать и сохранить на долгую дальневосточную зиму.

У Михаила Ефимовича всегда было много срочной работы, он осматривал скот, как общий, так и личный, проводил вакцинацию, выбраковку больных животных. Рядом, на бывшем Дежневском опытном поле, весной 1929-го поселились коммунары «Икора», у которых первое время не было своего специалиста, помогал и там. В 1931 году икоровцы объеди-

нились в одну коммуны со строящимся Соцгородком. Работы стало так много, а расстояния между фермами такие большие, что ветеринару выделили в персональное пользование лошадь и бричку в летнее время, и сани-розвальни зимой. В любую погоду, в любое время суток он отправлялся в «Икор» или в Соцгородок, когда требовалась там его помощь. Часто его просили оказать помощь не только животным, но и людям, так как квалифицированной медицинской помощи в селах не было. За профессионализм и безотказность Михаила уважали и ценили односельчане. И не только они. За долготрудный труд он был награжден орденом Ленина, побывал в Москве на выставке ВДНХ.

В Даниловке семья прибавилась, в 1931 году на свет появились близнецы Маруся и Борис, а после них, в 1935-м, младшенький Володя. Детей стало семеро. Первенец Евгений недолго радовал родителей, в возрасте 15 лет, когда начал учиться в Хабаровске, он умер, летом в жару неосмотрительно напившись воды из Чердымовки.

Речушка Чердымовка протекала на месте нынешнего Амурского бульвара и чистотой не отличалась. Парень заразился тифом, спасти его не удалось. Похоже, что смерть, собрав свою жуткую дань, отступилась от семьи. Иначе как объяснить такое невероятное везение и удачу, что два брата Тлустенко, служившие в одном танковом батальоне, как заговоренные прошли войну от первого до последнего дня и благополучно вернулись домой. Воевали храбро, за спины товарищей не прятались. Первую свою награду – медаль «За отвагу» старший сержант Георгий Тлустенко получил осенью 1941 года. В 1944-м старший техник-лейтенант был награжден орденом Красной Звезды, а в 1945-м капитан Георгий Михайлович Тлустенко был представлен к орденам Отечественной войны первой и второй степени. Мирную свою жизнь Георгий также связал с армией.

Георгий Михайлович Тлустенко. Фото из семейного архива.

Петр Михайлович тоже дважды – в 1943-м и 1945-м – был предоставлен к медалям «За отвагу». Израненный, он, вернувшись с войны, женился на молоденькой учительнице Раисе Васильевне и остался работать и растить сыновей в Даниловке. И не он один, не только дети, но и большая часть внуков Михаила Ефимовича и Варвары Георгиевны связали свою судьбу с Волочаевским совхозом, в состав которого вошла Даниловка.

Оля окончила школу на отлично, мечтала стать учителем, но война помешала ее планам. В 1941 году, когда 17-18-летних парней призвали в армию, молодежь 14-15 лет из «Икора», Даниловки, Соцгородка отправили на лесозаготовки. На этом их детство и учеба закончились. Жили

по условиям военного времени в бараках, голодали, труд был каторжный, нормы непомерные, валили лес весь световой день. Среди этих подростков была и Оля, домой вернулась с обмороженными ногами, с тяжелой пневмонией. Молодость и заботливый уход родных помогли встать на ноги и продолжить работу сначала секретарем в сельсовете, потом до замужества связистом. Обосновались с мужем недалеко от родительского дома, в Волочаевке.

Сестра Оли Маруся, выйдя замуж, породнилась с большой и дружной семьей Лядновых, которую в селе знает каждый и каждый может рассказать о ней много хорошего. Они с Иваном Анисимовичем родили и вырастили семерых мальчишек, ставших впоследствии солидными и уважаемыми в Даниловке людьми. Борис Михайлович тоже остался жить и рабо-

тать в селе.

Историю семьи Тлустенко нам рассказала дочь Ольги Михайловны Татьяна, которая с удовольствием и теплотой вспоминает дни, проведенные у бабушки с дедом в Даниловке в обществе 18 мальчишек, двоюродных братьев, детей Марии, Георгия, Володи, Бориса, Петра. Так

Оля Тлустенко, Аня Кулагина и Бетя Фурман. Из архива Т. Петренко.

случилось, что в семье росло только две девочки. Управляться с этой оравой помогала матери Маруся, жившая рядом, чудесная женщина, с огромной добротой и терпением к детям. Лядновы с тех пор самые близкие люди для Татьяны Михайловны Петренко.

Она же поделилась воспоминаниями родных о тех временах и об икоровцах. Вот этот рассказ.

«В 1931 стали приезжать переселенцы в «Икор». Приезжие иностранцы очень отличались от местных крестьян, были лучше одеты, иначе держались.

Жили с ними дружно, помогали, обменивались продуктами. Приезжим переселенцам было вдвойне тяжело. Летний гнус, мошка, оводы, комары, лютые морозы зимой, тяжелое дождливое лето. Детки расчесывали кожу в кровь, опухали. Непросто было привыкать к суровому климату, многие вернулись назад. Хозяйство икоровцев было довольно крепкое. Была большая молочная ферма, коровник, свиноводник, держали лошадей. Большие площади были заняты овощами, растили сою, овес, пшеницу, заложили сад. Зимой на санях-розвальнях вывозили молоко, сливки в Хабаровск, на старый продовольственный рынок, он находился на берегу Амура. Сначала возили на больших подводах. Потом появились первые автомашины – полуторки. Очень тяжелым, голодным оказался 1933 год. Тогда уехали очень многие, кто-то вернулся совсем, кто-то перебрался в другие места.

В предвоенные годы и после войны приехало очень много еврейских переселенцев, в основном из Украины, Белоруссии, в том числе и в Даниловку. Шейна-Сура Ясногородская, на русский манер ее звали Нюра, была дружна с моей бабушкой Варей. У нее были дети Аня и Миша. Эта семья пережила все тяготы, лишения и осталась в Даниловке. У мамы была подруга из Соцгородка – Бетя Фурман. Жили очень бедно, но никто не делил людей по национальностям, по статусу, не было замков, двери при-

крывали на щеколду. Летом в жару все было распахнуто настежь. Воровства не было совсем. Вечерами в Даниловке и «Икоре» на праздниках играл гармонист, были танцы, песни. Ребята из «Икора» приходили в Даниловку на посиделки, когда гармониста не было, или на танцы, когда он играл. В 1936 году построили несколько трехэтажных домов финской застройки на станции Волочаевка-2, один был возле моста, там жил персонал охраны моста, один у подножья сопки в Соцгородке, он назывался Дом бригадира, один дом стоял в Даниловке на месте школы. В нем был сельсовет.

«Икор» переселенцы подняли, Соцгородок построили, но не так, как планировалось. Помешали репрессии 1937 года и война. Ночью приезжала машина НКВД и забирала людей, чаще всего они исчезали навсегда. Основанием могли быть слухи, доносы. Жили в постоянном страхе. В Даниловке арестовали колхозника Ляшенко, за то, что в магазине, доставая деньги, неловко дернул рубль и порвал его пополам по портрету Сталина. По чьему-то доносу ночью забрали, увезли. По доносу был арестован и Сергей Чернявский. Вернулся без ноги, остался жив по счастливой случайности.

Бабушка Варя работала нянечкой в детсаду с Безверхих, ее мужа арестовали, он был в правлении или счетоводом, или учетчиком, назад он уже не вернулся.

В то время в Даниловке все работали в колхозе, в декрете женщины были только 2 месяца, потом возвращались на работу. Деточек, совсем крошечных, приносили в яслисад. Работали за трудодни, без выходных и праздников, от зари до зари, полный световой летний день. Тяжелый ежедневный сельскохозяйственный ручной изнурительный труд за галочки в тетради учетчика. Расчет был поздней осенью продукцией колхоза. При этом колхоз «Тихоокеанский Октябрь» считался в округе зажиточным, в

нем немного, но получали продуктами за свой труд, люди из других мест приезжали специально менять вещи хоть на какие-то продукты.

В район ездили с отчетами, на станцию Ин. Вокруг была тайга, топили печи дровами, которые сами заготавливали. Потом тайгу всю вырубил, когда началось масштабное строительство.

В памяти остались фамилии переселенцев, в основном тех, кого не испугали трудности, и кто остался в колхозе или в соседних поселках. Это Берта Исаковна и Арон Ильич Медведовские, Фрейдины, Яков Зенгер, Фира Абрамовна и Борис Самуилович Фикс, Яков и Майя Суранович, они все жили в Волочаевке, хотя сейчас трудно сказать, где они начинали свою переселенческую жизнь.

Стоило разворошить старые воспоминания, как выплыла в памяти картинка из моего детства. Я совсем маленькая, в гостях у моей бабушки Вари сидит ее старая подруга Фира Фикс. Они беседуют между собой, столько лет прошло, но в моих ушах до сих пор звучит ее голос с характерным акцентом. Фира рассказывает бабушке, называя ее гортанно «Вара», как она одна тяжело пережила голодное военное время. Ее муж был портным, на все свободные деньги он покупал различные отрезки ткани, «матэрию». Борис Самуилович в 1942 был призван в армию, а весной 1943-го пропал без вести. В голодные военные годы, оставшись одна, Фира меняла эти куски ткани на продукты. Так и выжила, и подняла дочерей. «Муж был умным человеком, говорил мне: «Фирочка, деньги это ничто, сегодня они деньги, а завтра ворох ненужных бумажек, вот вещи всегда тебя спасут». Действительно, во время войны народ поизносился, в магазинах ничего не было, работала только военная промышленность, поэтому она и смогла выжить. Ее дочь Лиза вышла замуж за Алексея Кулагина, брата Ани, маминой подружки.

Семьи их родителей были большие, жить молодым после свадьбы было негде, тогда многие из села ушли в Волочаевку, там давали ведомственное жилье железнодорожникам. Мои родители также сначала жили в Даниловке, им там все нравилось, но росли семьи, в родительском доме стало тесно. Потом папа устроился в локомотивное дело, мама телефонисткой, получили квартиру и переехали в Волочаевку. Так было во многих семьях, Сурановичи, например, начинали в Соцгородке, они были там одними из первых.

Позже приехали в «Икор» семьи Коровник, Векслер, Мазур. Хотя «Икор» официально переименовали, но в нашей памяти и обиходе мы очень долго говорили, это – «Икор».

Завершить эту тему я хочу отрывком из публикации («Трибуна» №4, с.15, 1935 г.), автор которой Б. Гольдберг, еврейский буржуазный журналист, сотрудник американской газеты «Дер Тог»: «И, наконец, мой последний комплимент – нееврейскому населению Биробиджана за его братское отношение к новым переселенцам и к основной идее – созданию Еврейской советской республики. Тут в первую очередь приходится воздать должное Красной Армии, всегда готовой помочь переселенцам и на долю которой выпадают наиболее трудные участки строительства. Я был в украинском колхозе – в Биробиджане проживает около 3000 украинцев – недалеко от колхоза «Икор», знакомился с их бытом, читал их стенную газету, составленную на украинском и еврейском языках, и я убедился в их товарищеском отношении к еврейским переселенцам. Все украинские колхозники знают, что Биробиджан – еврейская страна, все их сочувствие на стороне новой молодой строящейся национальной области».

И даже если допустить, что автор чуть-чуть лукавил в своей статье, так ведь совсем чуть-чуть.

Семья Беккер

Очередной рассказ – о нерядовой судьбе еще одной икоровской семьи, оказавшейся тесно связанной с соседним селом, рассказ, который тоже собирался по каплям. Истоки его в воспоминаниях моего отца.

Имя Митчела Беккера было известно мне с детства, но в то же время я не знала о нем и его семье чего-то определенного. Подросток, который жил почему-то у Ильи Блехермана и, соответственно, общался с детьми из семьи Пензур. А поскольку мой отец был значительно младше Митчела, то и воспоминания у него были в основном о совместных играх. Что-то дополнил Исаак Ильич Блехерман и старожилы, помнящие эти события, что-то, включая фотографию семьи Беккер, нашла в книге «Забытый Сион Сталина». В целом сложилась очень непростая, если не сказать трагичная, картина. Так бы и осталась эта история недописанной, но в поиски, как обычно, вмешались случай и биробиджанцы, но теперь уже из Нью-Йорка. Николай Бородулин, страстный пропагандист языка идиш и идишской культуры, прислал мне копию газетной статьи двадцатитрехлетней давности.

«Альбукерк джорнал» 7 августа 1993 года описывает историю Дии Виноград, американской женщины, жительницы Санта-Фе, посетившей далекую неизвестную Россию в поисках родственников, уехавших строить Биробиджан более чем 60 лет назад. Самое удивительное даже не то, что Дия отправилась в это авантюрное путешествие в тысячи миль, а то, что ей удалось найти свою троюродную сестру. В довершении этих самих по себе необычных событий оказалось, что речь идет о так интересующей меня семье Беккер.

С помощью того же Н. Бородулина мне удалось связаться с Дией Виноград из Санта-Фе и Аллой Владимировной Баукиной, проживающей в Комсомольске-на-Амуре, представительницами американской и российской ветвей когда-то единого дерева, имеющего еврейские корни. В совместном общении, выяснении и уточнении отдельных событий (в который раз говорю спасибо Интернету) сложилась эта история, которую я иногда буду прерывать воспоминаниями Аллы и Дии.

С помощью Владимира Белинкера, тогдашнего редактора газеты «Биробиджанер штерн», и старожилов Биробиджана С.М. Неудачиной (Пищиц), М.Г. Варновицкого, иногда встречавшегося с Элизабет в связи с работой в одном ведомстве, и Я.А. Штеймана, учившегося в Биробиджане с Митчелом, удалось найти следы родственников. Так, Виноград получила сведения о том, что 68-летняя Элизабет живет в Комсомольске-на-Амуре. И вскоре они уже разговаривали по телефону, а чуть позже смогли обнять друг друга.

Приехали, конечно, не с пустыми руками. Что можно было в 1990-е, не очень сытые годы, привезти из Комсомольска в подарок иностранной родственнице кроме семейных фотографий и старых писем? Воображение рисует, как растерянные от неожиданного известия, радостные и взволнованные одновременно, они обсуждают этот вопрос в кругу семьи в поисках чего-нибудь особенного, необычного и экзотичного, чтобы не ударить в грязь лицом.

Диа Виноград рассказала: Элизабет и Алла прибыли после 20-часовой дороги в поезде. Они привезли банку икры, коробку конфет, красивый расписной самовар и две огромные копченые красные рыбыны, которую в Америке называют рыба-соломон. Встреча была очень эмоциональной. Вновь обретшие друг друга родственники общались четыре дня. Диа рассказывала о Монровии, Калифорнии, Элизабет – о своей жизни. У Элизабет сохранилось письмо, написанное в 1953 году дедом Дии. Среди привезенных фотографий оказалось несколько одинаковых. Одно из писем в архиве Дии было тем самым последним письмом, которое Элизабет написала семье Виноград в 1947 году. Единственным живым родственником в Калифорнии, которого помнила Элизабет, был дядя Дии Самуэль, с которым они, наконец, смогли поговорить по телефону. Это был их первый разговор с 1931 года. Элизабет, конечно, забыла свой английский, разговаривать им пришлось при помощи переводчика Игоря Файмана. Самуэлю в Америке также помогал его русскоговорящий сосед. Но это вовсе не уменьшило эмоций и слез таких далеких, но по-прежнему близких людей! Несмотря на языковые трудности, больше они уже не теряют друг друга из вида. Памятный подарок, настоящий самовар, и сейчас занимает центральное место в «русской коллекции» Дии.

Диа Виноград, за плечами которой уже немалая жизнь, рассказывает: *«Я всегда знала о Моррисе, Розе и Митчелле и Элизабет. Мы собрали одежду, игрушки и конфеты и отправляли их в Россию, когда я была ребенком. Мы с дядей Самуэлем всегда считали, что это было неправильно, что лишившиеся родителей дети остались в России, а не воспитывались родственниками. Думаю, что эта история очень повлияла на мою жизнь. Когда мне было около 20 лет, я приехала жить в Нью-Мексико, потому что хотела жить в сельских общинах хиппи. Я никогда не говорила на идише, хотя и понимала язык своей бабушки. При поездке в Биробиджан у меня был англо-идишский словарь, мне приходилось искать каждое слово, но через несколько дней я с удивлением обнаружила, что могу говорить, не очень хорошо, но достаточно, чтобы общаться. Это было замечательно. С помощью словаря я записала свою речь на идише и смогла прочитать ее на телевидении».*

По словам Аллы Владимировны, до встречи с Дией ее мама почти никогда не говорила о своем прошлом, не знали о нем и коллеги по работе. В Биробиджане Элизабет с дочерью встретились не только со своей родственницей, но и с бывшими икоровцами. Подружка по играм в Соцгородке Соня Пищиц (Софья Моисеевна Неудачина) то и дело трогательно повторяла: «А помнишь, когда мы были в кибуце...». Илья Исаакович Блехерман, несомненно, помнил о жизни в коммуне гораздо больше. Он рассказал родным о том, какой интеллигентной женщиной была Роза, начитанной, знающей и понимающей музыку, как она хорошо играла на пианино и всегда устраивала веселые праздники, дни рождения детям. О Моррисе, которого в коммуне переименовали в Бориса, о том, какой он был мастер на все руки, как любил выращивать растения и умел правильно ухаживать за ними. Был, как говорится человеком «от земли», в коммуне вместо агронома. Именно он отговорил правление от безумной идеи посадить на влажных дальневосточных землях и при нехватке рабочих рук 3 гектара лука. Морис везде старался использовать технику и приучал к этому коммунаров. Вместе с Елизаветой Мо-

рисовой они вспоминали о том, как на месте старого свинарника ее отец вместе с заключенными, живущими в селе, разработал большой огород, на котором вырастили отменный урожай, а осенью заложили его в ими же выкопанный погреб. Алле Владимировне очень запомнился этот немолодой человек, то, с каким теплом он вспоминал Соцгородок и своих друзей. Она была поражена тем, что, рассказывая о трудностях, которые пришлось пережить первостроителям, Илья Исаакович сказал с огромной убежденностью: *«Если бы мне предложили прожить жизнь заново, я повторил бы ту, что прожил».*

Диа Виноград отыскала в своих архивах аудиозаписи этих встреч в 1993 году, которые она привезла из России. С замиранием сердца я слушала рассказ этих пожилых людей о прожитом, знакомый голос Ильи Исааковича Блехермана, до конца дней не избавившегося от характерного акцента, оживленную речь Софьи Моисеевны Неудачиной, поначалу несмелые вопросы Елизаветы Морисовны. Но вскоре они, забыв обо всем, о присутствии переводчика и корреспондента, перебивая друг друга, переходя с русского на идиш, вспоминают, вспоминают, вспоминают.

Они уже там, в Соцгородке 1930-х годов, в его атмосфере, трудностях и радостях его жизни. Вспоминают трагичные и смешные события, называют уже знакомые мне фамилии, среди них часто упоминают и моего деда Исрозля Пензура, и Иосифа Форера, и Григория Костяла. Лишь изредка кто-нибудь спохватывается, успевает ли переводчик Игорь Файман записывать и переводить Дии их рассказы. И снова с головой уходят в прошлое. Вот уже крепнет голос Елизаветы Морисовны, общаясь с людьми, окружавшими ее в детстве, она вспоминает давно забытое. Она сама напоминает собеседникам о прошедших событиях и рассказывает о жизни своей семьи в Калифорнии, о дороге в Советскую Россию, о Соцгородке и своей дальнейшей самостоятельной жизни.

Итак, история семьи Беккер, приехавшей в Соцгородок то ли в 1931, то ли в 1932 году из Монровии, что в Калифорнии. Глава семьи Морис, его жена Роуз (Роза Ривкина) и двое маленьких детей Митчел и Элизабет. Мать Мориса Бесси Беккер эмигрировала из России в США, когда тот еще был подростком. Семья жила в Хартфорде (штат Коннектикут) и

зарабатывала на жизнь фермерством. В семье Беккер росло пятеро сыновей и дочь. Старший из сыновей, Самуэль, был довольно известным человеком, ему посвящена статья в Российской Еврейской энциклопедии: *«БЕККЕР Самуэль (1882 – 1910, Хартфорд, Коннектикут, США), обществ. деятель. С 1892 – в США. Окончил с.-х. школу (1904), основанную бароном Гиршем, купил ферму близ Хартфорда. С 1905 начал покупать фермы в Коннектикуте для евр. семей, эмигрировавших из России, обучал вновь прибывших фермеров. В 1907 создал в Эллингтоне (шт. Коннектикут) Ассоциацию евр. фермеров, в 1909 организовал и возглавил Ассоциацию евр. фермеров в Америке».*

Второй сын стал актером еврейского театра, еще один уехал на Аляску, он стал фотографом, некоторые его снимки широко известны.

Диа рассказывает: *«Я думаю, что у Бесси Беккер была небольшая ферма. Вероятней всего, земля и несколько коров. Возможно, она имела доход, разделив большой участок и продавая мелкие участки земли. Я выросла на улице, которая когда-то была фермой. Дома были очень близки друг к другу. Дочь Бесси вышла замуж за очень богатого человека, мистера Россоу. Но самая необычная история, несомненно, сложилась у Морриса».*

В Хартфорде он женился на Роуз, ее семья эмигрировала из Белоруссии, у них тоже была ферма. Через несколько лет молодая семья переехала в Монровию (штат Калифорния). Несмотря на то, что Роуз с головой ушла в политическую работу, трудолюбие и умелые руки Мориса помогали семье решать финансовые проблемы. Жили они на Примроуз-авеню в Монровии, улице, о которой сложена песня «Life is a holiday on Primrose Lane» – «Жизнь – это праздник на Примроуз-лейн». Эта улица не была богатой, но считалась классическим эталоном удобства и стабильности для жизни американцев. Елизавета Морисовна вспоминала, что отец занимался своей небольшой фермой, у них была апельсиновая плантация и деревянный дом – три комнаты и кухня. В доме были все удобства: ванна, канализация, телефон. Не выходя из

дома, можно было заказать такси. По утрам разносчики товаров на улице кричали: лед, свежая рыба!

После вояжа в Биробиджан в 1993 году Дия не могла не поехать туда, где жили Морис и Роуз. Их дом не сохранился, но ей повезло встретить человека, который всю жизнь прожил там. Он хорошо помнил старых соседей и совместные игры с Митчеллом.

Но вернемся к героям нашей истории. Роуз, выросшая в еврейской ортодоксальной семье, вопреки родителям и их вере была настолько увлечена идеями социализма, что порвала всякие отношения с семьей. Если с родителями Мориса молодая пара поддерживала отношения, то

бабушку со стороны матери Ида-Элизабет, так называли Елизавету Морисовну при рождении, не помнит совсем. Они не одобряли образа жизни своей дочери и никогда ее не навещали. Роуз в своих идеях доходила до фанатизма. Она выписывала коммунистическую газету, постоянно встречалась со своими единомышленниками, приводила в свой дом негров, тогда как вход им на респектабельную улицу был запрещен властями. Закончилось тем, что после очередной демонстрации она попала в тюрьму и пробыла там довольно долго. Заботу о детях пришлось взять на себя бабушке. Морис то ли проникся идеями жены, то ли просто смирился с ее образом жизни, тем более что его родные, похоже, так же, как и многие, сочувствовали и помогали ИКОРовскому движению. Поэтому, само собой разумеется, как только первая в мире страна социализма позвала создавать и обустроить новый еврейский дом, молодая семья, в которой к тому времени было уже двое детей – Митчел и Элизабет, с готовностью оставила свою устроенную жизнь в Америке.

Роза была счастлива своим отъездом в свободную страну и открыто демонстрировала это. Детям купила синюю пионерскую форму, пилочки, галстуки. Морис же, словно предчувствуя расставание с родными навсегда, не мог сдержать слез.

Морис и Роза Беккер с детьми Элизабет и Митчелл.

Прежде чем отправиться в Россию, Морис и Роуз продали свою ферму в богатом южном краю и вернулись в Хартфорд. Понятно, что родители Роуз так и не смогли примириться с решением дочери уехать в Советскую Россию. Родные Мориса также не одобряли их планы, считая, что надо быть сумасшедшими фанатиками, чтобы ехать в Сибирь. Но так как переубедить детей не удалось, семья подключилась к сборам. Морис взял с собой много сельскохозяйственных орудий и инструментов, которые могли пригодиться на новом месте.

Осенью 1931 года отправились в неблизкий путь, сначала прекрасным огромным пароходом из США в Германию, откуда на небольшом судне в Ленинград. Элизабет запомнила бросившуюся в глаза даже ребенку ветхость, ржавчину, скудное питание, селедку, которую она отказывалась есть. Зато в Ленинграде, в Москве им устроили торжественные встречи. На станции Тихонькой на перроне был митинг, играл оркестр.

Морису, свободно владевшему многими языками, предлагали остаться в Ленинграде работать переводчиком, но он отказался. Семья устремилась строить социализм в Биробиджане. Из Тихонькой переселенцев направили в коммуну «Икор», в Соцгородок, который только начал строиться. К месту жительства из Волочаевки пришлось добираться на лодке. Семье выделили комнату в новом, только что отстроенном деревянном двухэтажном доме.

Позже Элизабет рассказывала о том, что весь сельскохозяйственный инвентарь, который везли с собой переселенцы, остался в Ленинграде, но вещей все равно было очень много. Родители вложили в сборы все деньги от проданной фермы, везли с собой одежду, постельные принадлежности, даже меховые зимние вещи, как сказала Лиза: «даже шелковые платочки». В маленькой комнатке-пенале, выделенной им, для всего

Семья Беккер в Монровии. Фото из семейного архива Дии Виноград.

этого не было места. Морис собственными руками соорудил стеллажи, которые стали единственной мебелью для семьи.

В Америке еще оставался участок земли, сданный в аренду. Брат Мориса исправно переводил за него деньги. В Хабаровске и Биробиджане существовали магазины «Торгсин», торгующие за валюту. Получая деньги, Морис покупал крупы, муку, масло. Таким образом, семья, в реалиях голодающего Соцгородка вовсе не бедствовала. Но тем ни менее в этих непростых условиях, да еще при тяжелой работе на свиноферме, социалистический энтузиазм Розы поугас. А главное, действительность оказалась далека от представлений об идеальном социалистическом обществе. Было и воровство, и распри в коллективе, кто-то отлынивал от работы, кто-то спекулировал, используя нехватку продуктов и вещей

Элизабет и Митчел с бабушкой.

с целью наживы. Часть переселенцев уезжала в поисках более пригодного для существования места.

Неизвестно, строила ли планы о возвращении семья Беккер, даже если да, им не суждено было осуществиться. Однажды со свинофермы сбежала и утонула в выгребной яме огромная свиноматка. У Розы от пережитых волнений случился сердечный приступ. Морис отвез ее в больницу в Хабаровск, где она умерла от сердечной недостаточности. После смерти жены он начал распродавать

вещи и собирался уехать с детьми к своей тете в Харьков, но не успел. Примерно через год-полтора, в январе он уехал в Хабаровск и назад не вернулся. Говорили, что он заболел и попал в больницу. Только в мае детям сказали о его смерти. Дети – Митчел (14 лет) и Элизабет (11 лет) остались сиротами. Младшую Элизабет взяла к себе семья Безверхий из соседней Даниловки. Митчел после окончания семилетней школы уехал учиться в Биробиджан в железнодорожный техникум, приезжая в коммуны на выходные дни, под опеку молодой семьи Блехерман.

У техникума своя история.

1 января 1935 года в молодом Биробиджане был открыт горно-металлургический техникум, очень популярный среди молодежи. В ЕАО надеялись в ближайшие сроки начать разработку месторождений железных руд, построить металлургический комбинат. Но все изменилось в 1937 году. Директора техникума, выходца из Польши Михаила Лейбовича Полгона, как иностранного шпиона приговорили к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. А техникум в 1939 году преобразовали в железнодорожный. Фотография учащихся этого техникума, среди которых был и Митчел, отыскалась в семейном архиве Лилии Израилевны Лисовской, чей отец Израиль Моисеевич Гликенфрейд преподавал в нем. Техникум перед самой войной военизировали и перевели в Хабаровск. В Биробиджане осталась школа машинистов, а потом не стало и ее.

В конце 1941 года Смидовичский РВК призвал Митчела в армию. После непродолжительных курсов дорога на фронт. Все это время брат и сестра поддерживали связь, последнее письмо Элизабет получила из госпиталя, где он лечился после ранения. Поиски не дали никаких результатов. Дальнейшую судьбу Митчела помогли узнать документы, выложенные в открытый доступ сравнительно недавно, уже после смерти Элизабет. 18 октября 1944 года Беккер Михаил Морисович, старший сержант, командир отделения, был убит в бою под деревней Будвеце в Литве. Страшная судьба многих парней той поры, не успевших доучиться, завести семью, не успевших жить.

Что же Элизабет? Удочерившие ее заведующая детсадом Валентина Петровна и ее муж, колхозный счетовод Федор Тарасович Безверхий, жили в двухэтажном доме в центре села. Нижний этаж дома занимала школа, верхний был жилым. В семье было трое детей. Алексей учился в Хабаровске, Андрей окончил речное училище и в дальнейшем работал в Амурском пароходстве, дочь была замужем за директором школы и жила в Даниловке.

Елизавета Морисовна очень тепло вспоминает об этой семье. Она не была удочерена официально, но относились к ней как к родной. Заботились не только о том, чтобы она была сыта и одета, но и об ее

обучении и воспитании. Еще при жизни отца Лиза перешла учиться из еврейской школы в Соцгородке в русскую школу с. Даниловка. Федор Тарасович помогал ей освоить язык и мечтал о том, что Лиза получит хорошее образование. Но его планам помешала жестокая действительность. Однажды, когда семья мирно обедала, в дом вошли трое и увели с собой главу семьи. Валентина Петровна едва успела сунуть ему в руки одеяло с завернутыми в него попавшимися под руку вещами. После этого были многочисленные поездки в Хабаровск по разным инстанциям и тюрьмам, в которых девочка сопровождала свою «тетю Валю». Все было безрезультатно. Только когда через довольно большой промежуток времени в дом вошла соседка и передала хозяйке то злополучное одеяло, она поняла, что это конец и искать больше некого.

Сведения о семье, приютившей девочку, нашлись в Книге Памяти Хабаровского края: БЕЗВЕРХИЙ ФЕДОР ТАРАСОВИЧ, 1888, урожен. с. Терновка Киевской губ., украинец. Счетовод колхоза им. Постышева. ЕАО, Смидовический р-н, с. Даниловка. Дата ареста 22.11.1937 г. Смидовичским РО УНКВД по ЕАО. Осужд. 31.12.1937 тройкой при УНКВД по ДВК по ст. 58-7 УК РСФСР к ВМН. Расстрелян 29.01.1938 в г. Хабаровске. Реабилитирован 17.11.1961 облсудом ЕАО за отсутствием состава преступления. Архивное дело П-8285.

Элизабет после окончания 7-летней школы отправили учиться в Биробиджан в педучилище, но случилось несчастье, она заболела менингитом. Ее спас профессор из Хабаровской больницы, но учиться ей запретил. С этих пор начались новые мытарства девочки. В.П. Безверхий к тому времени вернулась к родным на Украину.

Алеша, которому из-за репрессированного отца не разрешили поступить учиться, работал в райцентре и снимал там комнату. Он взял Элизабет к себе. Но вскоре военкомат призвал его на переподготовку. О судьбе Алексея Федоровича 1916 года рождения, призванного Смидовичским РВК в 1941 г., известно, что замполит А.Ф. Безверхий погиб в бою и захоронен на окраине с. Спартаковка Сталинградской области.

Уехать на Украину к Валентине Петровне, которая звала ее к себе, Лиза не успела, началась война. Ей довелось работать в Даниловке, Волочаевке, на станции Литовко, Комсомольского отделения Дальне-

восточной железной дороги. Позже девушка вышла замуж за Владимира Николаевича Зыкова. В дальнейшем в документах она –Елизавета Морисовна Зыкова. В 1947 она вышла замуж и переехала с мужем в Комсомольск-на-Амуре, где муж устроился работать на завод электро-монтажником.

Американские родственники пытались поддерживать Лизу посылками с продуктами, деньгами. Но получать в те времена что-либо из-за границы было в Советском Союзе делом практически нереальным и опасным. Обстановка по обе стороны океана вовсе не способствовала общению, постепенно родные потеряли друг друга. Так продолжалось до начала 1990-х годов, до того времени, когда отважная Диа, дочь Виктории, при моральной и материальной поддержке своего дяди Самуэля не приехала в Биробиджан.

Убеленные сединой икоровцы вспоминали свою юность, друзей, называли фамилии людей, работавших и живших рядом с ними, многие из этих фамилий мы уже встречали на этих страницах: знаменитый свиновод Абрамский, парторг Словин, пожилой уже Пензур, Ротберг, Брагинские, Шнур, Дон, Аарон Литевский, Зяма Беркович, Прилуцкий, Абрам Коваль с сыновьями, Нина Шейнфельд, приехавшая в коммуну в шинели, китаец Миша Ван Зин Зян, женившийся на еврейке Мане (он учил коммунаров садить картошку глазками, а угощая гостей в доме, учил пользоваться палочками) и многие другие. Много хороших слов сказали об Эдлине. Не могли не вспомнить друзей, пострадавших в сталинских лагерях. Председатель Форер, учитель Вайс из Кировограда, аргентинец Сухой. Ханефта взяли в Биробиджане прямо на улице, парторга Ша-дойкиса из Даниловки тоже посадили, пострадал от репрессий и Миша Шлафит.

Илья Исаакович Блехерман заключил: *«Пережили тяжелые времена. Сначала мы думали, что это правильно, вычищают врагов народа, а потом перестали верить».*

И подвел итог: *«Когда большой энтузиазм, трудностей не замечаешь. Вы не знали этих людей. Это были патрио-*

ты, фанаты, таких людей сейчас нет. Они бы жизнь отдали за социализм. Мы жили в такой вере, в таком духе, что все будут равные, не будет угнетенных. Это как у Кампанеллы, мы строили город Солнца».

Заканчивая эту историю, я надеюсь, что она не будет последней. Не подлежит сомнению, что у потомков первых переселенцев велико желание узнать о судьбе своих родных. Проведав каким-то образом, что я собираю историю «Икора», ко мне стали обращаться и знакомые мне с детства люди из соседних с Соцгородком и Камышовкой Даниловки и Волочаевки, и совершенно неизвестные внуки и правнуки тех, чьи семейные истории, предположительно, связаны с «Икором». Таким образом, собрался довольно большой круг единомышленников, причем с очень обширной географией. Компания получилась международная. Россия и Израиль, Америка и Канада, Украина и Польша... Как когда-то в 1930-х строительство Соцгородка объединило мир, так и сейчас людей разных возрастов, образования, профессий, мест жительства объединяет интерес к общей для всех истории, к своим корням. Люди пишут не только для того, чтобы узнать что-то новое для себя, они стремятся поделиться своими историями, фотографиями из семейных архивов. И не только. Они тратят свое время и силы на работу в архивах и библиотеках, переводят статьи и документы с английского, идиша, записывают воспоминания родных, отыскивают для меня адреса и номера телефонов.

Пока материал готовился к изданию, он постоянно уточнялся, дополнялся новыми данными. Поэтому я очень надеюсь, что воспоминания не закончатся с последней точкой, что эта книга – только начало. За ее страницами осталось очень много семей и судеб, много белых пятен в истории «Икора». Я прошу потомков переселенцев не таить обиду за это, а, напротив, приглашаю поделиться своими семейными историями, сохранившимися фотографиями, документами. Если это издание заставит кого-то открыть семейный альбом и задать вопросы своим родным, я буду считать, что наш коллективный труд не был напрасным.

Елена Марундик.

Мой эл. адрес evglena.zelenaya@hotmail.com

Телефон в Израиле 054-526-2306

Икор – Соцгородок

1928 год

28 марта принято историческое постановление Президиума ЦИК Союза СССР «О закреплении за КОМЗЕТом для нужд переселения трудящихся евреев Бирско-Биджанского района Дальневосточного края РСФСР».

18 апреля двенадцать курсантов и двое сельскохозяйственных рабочих Курасовщинской сельскохозяйственной школы (под Минском) объединились в коммуну, которой дали название «Икор» (в честь американской еврейской организации), и избрали правление. Среди организаторов Абрам Манделеевич Бялый, Наум Моисеевич Фридман, коммунары Шлейфер, Балак, Соркин, председатель коммуны Шапиро. По пути к коммунарам присоединился Давид Абрамович Рогинский.

20 апреля после торжественных проводов выехали из Минска.

13 мая прибыли на станцию Тихонькая, а через две недели перебрались на Бирское опытное поле, (в 60 км. от Тихонькой). Временно работали на вывозке бревен, один из коммунаров учился на курсах трактористов. К тому времени в коммуне 15 человек. Среди переселенцев 1928 года Фаня Локан.

Отобрали участок Степной в районе Бирофельда, построили дом и коровник. Первыми среди переселенцев завели двух свиней, приобрели 5 лошадей. Во время эпизоотии сибирской язвы единственные из всех коллективов не потеряли ни одной лошади. В конце сентября купили в Сибири партию коров и увеличили количество лошадей.

Итоги 28 года: 11 коров, 2 теленка, 7 лошадей и петух.

1929 год

18 марта ОЗЕТ предложил перебраться на заброшенное Дежневское опытное поле (в 9 км. от Волочаевки и 40 км. от Хабаровска). В конце апреля начали перебираться на новое место, продали свои постройки, взяли 6,5 тысяч кредита и купили еще 22 коровы, оборудование для переработки молока и две лошади. Отправили одного коммунара в Белоруссию для вербовки людей.

Получили 2000 га площадей, из них 33 распаханых, но запущенных. Выкорчевали релку в 9 га, посеяли 15 га зерновых, 9 га картофеля, 4 га огородных культур. Заготовили 3000 пудов сена, увеличили стадо коров, завели свиноматок породы йоркшир, продукты продавали в Хабаровск. Осенью заложили сад: 75 саженцев яблони, 50 саженцев груши, 50 – сливы, 15 – вишни, посадили малину и смородину. Приобрели 17 ульев и медогонку. В сезон дождей потеряли часть урожая и сена. Подняли еще 10 га целины, объединившись с русской артелью, заготовили для себя кету. Зимой работали на лесозаготовках.

К концу года в коммуне 25 человек, справили первую свадьбу.

Председатель коммунар Вихнин. Тогда же приехали еще несколько выпускников агрошколы, среди них в списке переселенцев из Минска Борис Меерович Альтшуль, 19 лет, Моисей Янкелевич Горелик, 18 лет, Фаня Ароновна Кац, 20 лет (Фаина Ароновна Жмаева), Лейба Нохимович Зубер, 18 лет, ставший в коммуне трактористом. Из Минска же Маня Ботвинник (Мария Натановна Лившиц), присоединились русские девушки из ближайшей Дежневки. Встречаются фамилии Трюк, Аксельрод, Левин, Сельский, Подгорный, Вендеров.

1930 год

Весной подняли еще 8 га целины, засеяли огород на 3 га, установили 100 парниковых рам, посеяли 8 га пшеницы – вся погибла. С 10 га овса получили урожай 25 пудов, 4 га гречихи дали 10 пудов, 3 га тыквы – 300 пудов, картофеля 7 га – 600/400 пудов.

Заготовили и вывезли 3000 пудов сена на Тунгуске, в районе села Самарки (21 верста от «Икора») накосили 17000 пудов сена. В коммуне 15 поросят, 2 свиноматки и кабан, 64 коровы и 2 бугая чистокровной голландской породы, 12 телят. Средний надой от коровы 2130 литров молока в год, обслуживают их 5 доярок, чистая прибыль от коров 8020 руб. 70 коп. за год.

Начали строить свои помещения, пекарню, клуб, телятник, заложили фундамент второго 12-квартирного дома, функционирует столовая. Из прибывших 11 наемных строителей, 6 осталось в коммуне. Открылся медицинский кабинет, прием ведет коммунарка, выпускница Гайсинского медучилища Сара Браверман.

В библиотеке коммуны 800 книг.

К 1 мая открылись ясли. Весной 1930 года из Саратова приехали Коган, Яша Рубин. Тракторист Шифрин позже стал представителем районного переселенческого управления.

В июне организовали рыболовный пункт на Тунгуске, в августе 11 человек выехали на рыбалку, заготовили 600 пудов кеты и 35 пудов икры. Часть продали, выручив 333 руб. 39 коп., часть оставили себе.

1931 год

Приступили к строительству Соцгородка (по проекту проф. Кунца), достигнуто соглашение, что коммуна «Икор» и колхоз «Тихоокеанский Октябрь» составят основу будущего Соцгородка с центром на Балагановской сопке. Для своих нужд в коммуне строится кирпичный завод. Прибыло более 70 еврейских переселенцев из Аргентины и Германии.

По инициативе аргентинских рабочих между объединенными коммуной «Икор» и колхозом «Тихоокеанский Октябрь» строится дорога.

Посадили огород – 12 га, всего засеяно 75 га, 30 га земли выкорчевано. В хозяйстве 115 коров, 250 свиней, 25 лошадей, 2 трактора. Заготовлена своя кета и икра, сдано райпотребобществу 3,5 тысяч кг. соленой рыбы осеннего улова.

Все гражданское и переселенческое строительство передано Стройконторе, организованной при Биробиджанском переселенческом управлении. Закончена постройка 10-квартирного дома, телятника на 60 голов, кухни и ледника. Приступили к строительству второго дома.

Работой коммуны руководит правление из 5 человек, выбираемое 1 раз в год, 1 раз в месяц собирается общее собрание.

Председатель тов. Бессель.

1932 год

Бригада из «Икора» выехала в места выезда для вербовки переселенцев. На 1 июня прибыло 276 переселенцев, начато строительство дороги улучшенного типа Дежневка – «Икор» – Соцгородок.

В Соцгородке к ноябрьским праздникам построен двухэтажный дом на 30 квартир и заложен еще один, на 60 квартир, готовится к пуску ма-

стерская по производству школьных принадлежностей, приступили к установке электростанции, присланной американским ИКОРОм. В городке проживают 370 взрослых и 140 детей, для которых открыта школа-пятилетка и еврейский детский сад, в Соцгородке на 35 детей, в «Икоре» на 22. Работает вечерняя школа для иностранных переселенцев, драмкружок, красный уголок. Есть баня, прачечная, общая столовая, работает столярный цех. В хозяйстве 170 коров, 70 телят, 80 свиней.

Аргентинцы И. Форер заведует с/х участком «Икора», Сухой – хозяйством Соцгородка, американцы Броцкий – технический руководитель по строительству, Амрон – председатель с/с. Председатель коммуны М. Школьник (приехал в 1928 г. из Днепропетровска сначала в Валдгейм, затем назначен в «Икор», затем председателем «Ройтер Октябрь» в Амурзете и председатель исполкома Бирского района, в 1938 году арестован, но впоследствии освобожден).

1934 год

В коммуне глубокий кризис. В Соцгородке в саду 12 воспитанников, в школе 4 класса.

К концу 1934 года коммуна «Икор-Соцгородок» распалась, перейдя на устав сельхозартели. Для сохранения «Икора» решено было пожертвовать Соцгородком. Людей концентрировали в одном месте, большинство иностранцев уехало, часть вернулись в места выхода, некоторые уехали в другие переселенческие поселки. Руководит этим процессом Иосиф Форер, избранный на общем собрании председателем. В Соцгородке остается 3 семьи, среди них Пензур и Блехерман.

1935 год

В Соцгородок начинают прибывать новые переселенцы, в основном из Украины. В школе 2 комплекта начальной школы и 1 неполной средней, преподавание на идише.

В мае в Соцгородке пущена мебельная фабрика «Икор» (председатель тов. Ласкер), оборудованная самыми современными американскими станками, работает мастерская лозоплетения, клуб, библиотека, радиостанция.

1936 год

В Соцгородке работает школа-семилетка.

Икор постепенно возрождается и выходит в передовые колхозы.

1937 год

В Соцгородке построены 5 каменных домов.

Начались аресты коммунаров. Арестован и осужден особым совещанием на 10 лет Форер, председатель «Икора» с 1934 по 1937 год.

1939 год

«Икор» переименован в честь XVIII партсъезда. Вливается большая группа переселенцев из Украины. В колхозе не лучшие годы, после ареста Форера за 3 года сменилось 5 председателей, выявлены случаи подделки документов и хищения.

В Соцгородке большой прилив переселенцев и расцвет поселка.

1956–1962 годы

Слияние колхоза «Икор» с отделением пос. Партизанское.

17 августа 1958 года

Слияние «Икора» с «Дальневосточным колхозником» (Даниловка).

1962 год

«Икор» переименован в Камышовку.

Соцгородок. 1932 год. Из архива семьи Блехерман.

Лесосплав на Тунгуске. Выкатка леса в Соцгородке. Харьковский альбом. Областной краеведческий музей ЕАО.

Лесозаготовки для мебельной фабрики «Икор». Харьковский альбом. Областной краеведческий музей ЕАО.

Артель «Икор». Плетение корзин. Харьковский альбом. Областной краеведческий музей ЕАО.

Поднимают целину в коммуне «Икор». Харьковский альбом. Областной краеведческий музей ЕАО.

Лущение поля трактором в «Икоре». Харьковский альбом. Областной краеведческий музей ЕАО.

Фейга Абрамская.Телятница «Ико-
ра». Харьковский альбом. Областной
краеведческий музей ЕАО.

Маня Бурунштейн, пионерка «Ико-
ра». Харьковский альбом. Областной
краеведческий музей ЕАО.

Арон Бурунштейн, пастух-
стахановец из колхоза «Икор».

Матери «Икора». Харьковский аль-
бом. Областной краеведческий музей
ЕАО.

Детский сад Соцгородка. Харьков-
ский альбом. Областной краеведческий
музей ЕАО.

Детский сад Соцгородка. Харьков-
ский альбом. Областной краеведческий
музей ЕАО.

Отдых на Тунгуске. Харьковский альбом. Областной краеведческий музей ЕАО.

Открытка «Телефон в колхозе Икор». Областной краеведческий музей.

А.М. Конев за работой на заготовительном пункте. Из архива семьи Коневых.

Дети Соцгородка. Фото из архива семьи Липовецких. Конец 1950-х.

Грамота Ш.А. Ковалю. Фото получена от руководителя музейного центра пос. Смидович Т. Томашевич.

Ученики школы Соцгородка. Конец 1940-х. Фото из архива семьи Липовецких.

Детский сад совхоза им. XVIII парт-
съезда. Примерно 1955 год. Фото полу-
чена от руководителя музейного цен-
тра пос. Смидович Т. Томашевич.

Кива и Чарна Гальперины с детьми.
Фото из семейного архива В. Федоро-
ва.

Абрам Шкатруд с семьей. Фотогра-
фия из архива семьи Шкатруд.

Прасковья Евсеевна Гурская с не-
весткой Валентиной Тарасенко и внука-
ми. 1952 год. Из архива семьи.

Хая Фурман с семьей. Фото из
архива семьи Фурман.

Ципора Вишневская с семьей. Фото
из архива семьи Фурман.

Г.К. Гурский. Фото из архива семьи Гурских.

Улица Соцгородка. Фото из архива семьи Гурских. Конец 1950-х гг.

Заготовка сена. Из архива семьи Коневых.

Семья Липовецких. Фото из архива семьи Липовецких.

Девчата. Из архива семьи Бондарь.

Семья Липовецких-Талисман. Фото из архива семьи Липовецких.

פראקוראטור
פונ דער יידישער אוטאָנאָמער געגנט
ПРОКУРАТУРА
ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

№ 6 Ж. 193) 6-м-53

Наблюдательное производство

ПО ДЕЛУ
ЖАЛОБЕ

Шейнфельд К
по делу Ризера ИИ

Начато „ 31 “ 1939 года
Окончено „ 15 “ 1941 года

78 листов.

Лист № 50

Верховному Прокурору Республики
тов. Выхинскому.

Мой друг Фюрер Иосиф Исаакович, приятель,
в Советский Союз, в Еврейскую Автономную
область из Аргентины в 1931. Был направ-
лен на работу в колхоз "Икор". В колхозе ра-
ботал на разных работах до конца 1934 года.
Благодаря честной и преданной работе,
защиты доверия колхозников и общими
собраниями колхозников был избран пред-
седателем колхоза в конце 1934. Своей чест-
ной работой, вывел колхоз
в передовые колхозы Еврейской
области. В конце 1937 года,
многие другие честные работники,
взяли пропуск на работу, и постав-
или в Биро-Биджан, не вер-
нулись. "Одним из" не парторг-
ские сделать карьеру на борьбе с

Содержание

Предисловие.....	3
От автора.....	26
Коммуна «Икор».....	29
Коммуна «Икор» (отрывок из книги Л. Тальми «На целине»).....	33
Рыба фиш (отрывок из книги В. Финка «Евреи в тайге»).....	39
Моисей Гольдштейн.....	50
Давид Рогинский.....	62
Вагончик тронется.....	62
Деловое хозяйство «Икора».....	64
Вошь работе не помеха.....	68
Важен первый шаг.....	69
Соцгородок.....	71
Великое переселение.....	71
У Тунгуски у реки.....	86
Кто строит Соцгородок.....	88
Подъемы и падения.....	95
Вписаны в Книгу Памяти.....	104
Завтра была война.....	108
Памятью сердца.....	116
Семья Блехерман.....	117
Семья Коваль.....	127
Семья Герзон-Браверман.....	142
Самуил Герзон.....	150
По соседству с легендарной Волочаевкой. 1932 год.....	150
Мойше-Ари Пищиц и его сыновья.....	151
Рыба.....	152
Фотография.....	158
Картофель.....	160
Хороший человек.....	167
Рохеле.....	169
Верхом на бугае.....	170
Спрятанный диплом.....	172

Пищиц-Брагинские.....	175
Семья Форер.....	182
Эдлин.....	194
Лев Погребницкий.....	197
Семья Пензур.....	199
Полный тяжелый невод (отрывок из книги Г. Блоштейна «Биробиджанские зарисовки»).....	208
Литевский.....	211
Семейная история.....	214
Соседи.....	222
Семья Беккер.....	233
Икор — Соцгородок.....	245
Фотографии.....	250

Елена Григорьевна Марундик
Городок всемирного масштаба.

Редактор В.С. Гуревич
Корректор Е.И. Сарашевская
Дизайн и художественное оформление В.М. Демихова

Подписано в печать 04.06.2018.

Формат бумаги 62х64. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18. Тираж 500 экз.
Общественная организация по изучению и сохранению исторического и культурного наследия Еврейской автономной области «Наследие Еврейской автономной области»

Те. +7 924 6450999

E-mail: gurevichv.48@mail.ru

www.nasledie-eao.ru

Отпечатано в ООО «Омега-Пресс»
www.omega27.ru